

Учредитель – Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

ТЕКСТ.
КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ

TEXT. BOOK. PUBLISHING

Научно-практический журнал

2020

№ 24

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52489 от 21 января 2013 г.)

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 42043

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны
быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой
степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«Текст. Книга. Книгоиздание»**

Айзикова Ирина Александровна – главный редактор,
д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета
E-mail: wand2004@mail.ru

Воробьева Татьяна Леонидовна – зам. главного редактора,
канд. филол. наук, доцент кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета

Баль Вера Юрьевна – ответственный секретарь,
канд. филол. наук, ст. преп. кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета

Гридина Татьяна Александровна – д-р филол. наук, зав. кафедрой общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета

Ершов Юрий Михайлович – д-р филол. наук, зав. кафедрой телерадиожурналистики Томского государственного университета

Есипова Валерия Анатольевна – д-р ист. наук, доцент кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета

Жилякова Наталья Вениаминовна – д-р филол. наук, зав. кафедрой теории и практики журналистики Томского государственного университета

Калиткина Галина Васильевна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Томского государственного университета

Мароши Валерий Владимирович – д-р филол. наук, профессор кафедры русской литературы и теории литературы Новосибирского государственного педагогического университета

Пугачев Валерий Вениаминович – д-р филол. наук, профессор кафедры русской, зарубежной литературы и издательского дела Башкирского государственного университета

Старикова Галина Николаевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета

Шарафадина Клара Ивановна – д-р филол. наук, профессор кафедры журналистики Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов

Щитова Ольга Григорьевна – д-р филол. наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Томского политехнического университета

Адрес редакции и издателя: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, сайт <http://journals.tsu.ru/book/>

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

<i>Черемисинова Л.И.</i> Нарративная стратегия в повести А.А. Фета «Семейство Гольц»	5
<i>Айзикова И.А.</i> Стратегии осмысления и репрезентации трансграничных территорий Сибири в очерках Н.А. Кострова	21
<i>Демешкина Т.А., Толстова М.А.</i> Коммуникативная стратегия самопрезентации в женском диалектном дискурсе (на материале автобиографических рассказов)	47

КНИГА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

<i>Гнюсова И.Ф.</i> Книги о Ермаке в библиотеке Г.К. Тюменцева как репрезентант культурной самоидентификации сибирского читателя (по материалам Научной библиотеки ТГУ)	68
<i>Тубалова И.В.</i> Диалектологические материалы в составе архива А.Д. Григорьева (пражская Славянская библиотека)	96
<i>Ромашина Е.Ю.</i> Текст и образ: разговор на разных языках (книжная графика Оскара Плетча в Германии, Англии и России)	113

ВОПРОСЫ КНИГОИЗДАНИЯ

<i>Шаров К.С.</i> Проблема транскрипции и герменевтической интерпретации архивных рукописей Исаака Ньютона	134
<i>Панферова О.Ю., Мжельская Е.Л.</i> Графический роман в репертуаре российских издательств	156
<i>Жолнерович П.П.</i> Редактирование: проблемы терминологического характера	173

РЕЦЕНЗИИ

<i>Созина Е.К.</i> Обратная сторона луны (Русина Ю.А. Самиздат в СССР: тексты и судьбы. СПб.: Алетейя; Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019) ...	192
Сведения об авторах	199
Правила оформления статей	201

CONTENTS

PROBLEMS OF TEXT: THEORY AND PRACTICE

<i>Cheremisinova L.I.</i> Narrative Strategy in Afanasy Fet's Story <i>The Golts Family</i>	5
<i>Ayzikova I.A.</i> Strategies for Understanding and Representing the Cross-Border Territories of Siberia in Nikolay Kostrov's Essays	21
<i>Demeshkina T.A., Tolstova M.A.</i> The Communicative Strategy of Self-Presentation in Female Dialect Discourse (Based on Autobiographical Stories)	47

BOOK IN CULTURE

<i>Gnyusova I.F.</i> Books About Yermak in the Library of Gavriil Tyumentsev as an Indicator of the Siberian Reader's Cultural Self-Identification (Based on Materials from the Research Library of Tomsk State University)	68
<i>Tubalova I.V.</i> Dialectological Materials in the Archive of Alexander Grigoriev, the Founder of the Tomsk Dialectological School	96
<i>Romashina E.Yu.</i> Text and Image: Conversation in Different Languages (Oscar Pletsch's Book Graphics in Germany, England, and Russia)	113

BOOK PUBLISHING

<i>Sharov K.S.</i> The Problem of Transcribing and Hermeneutic Interpreting Isaac Newton's Archival Manuscripts	134
<i>Panferova O.Yu., Mzhelskaya E.L.</i> Graphic Novels in the Repertoire of Modern Russian Publishers	156
<i>Zhauniarovich P.P.</i> Editing: Problems of Terminology	173

REVIEWS

<i>Sozina E.K.</i> The Far Side of the Moon (Rusina, Yu.A. (2019) <i>Samizdat v SSSR: Teksty i Sud'by</i> [Samizdat in the USSR: Texts and Lives]. St. Petersburg: Aleteyya; Yekaterinburg: Ural State University. 204 P.)	192
--	-----

Information About the Authors	199
--	-----

Rules for Article Submission	201
---	-----

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

УДК 821.161.1.09-3+929 Фет
DOI: 10.17223/23062061/24/1

Л.И. Черемисинова

НАРРАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ В ПОВЕСТИ А.А. ФЕТА «СЕМЕЙСТВО ГОЛЬЦ»

Аннотация. В статье рассматривается малоизученная наукой проблема – поэтика повествования в художественной прозе А.А. Фета, обосновывается жанровая специфика повести «Семейство Гольц», выявляются особенности реализации нарративной стратегии в ней. Большое внимание уделяется раскрытию художественного смысла сочетания разных типов повествования в произведении, своеобразию композиционного строения повести «Семейство Гольц», а именно функции смены точек зрения и ракурсов изображения в ней. Характерное для Фета повествование (неспециное, детальное, с обилием статических описаний) рассматривается как цементирующее начало повести «Семейство Гольц», на котором, несмотря на потенциально детективную интригу, держится весь текст.

Ключевые слова: А.А. Фет, повесть, нарративная стратегия, тип повествования, повествователь, рассказчик.

В современной науке художественная проза А.А. Фета, органическая часть его творческого наследия и литературной жизни России второй половины XIX в., исследована недостаточно. Издание академического двадцатитомного собрания сочинений и писем поэта [1] сконцентрировало интерес исследователей преимущественно на текстологической и историко-литературной проблематике. Малоизученными остаются вопросы «прозаического» фетоведения: поэтика прозы, специфика ее нарратива, жанровые особенности произведений, сравнительный анализ повествовательной практики Фета и произведений писателей-современников. Наличие отдельных исследований названных проблем лишь открывает перспективное направление литературоведческих изысканий [2].

Художественная проза поэта написана преимущественно в жанре рассказа: «Каленик» (1854), «Семейство Гольц» (1870), «Первый зац» (1871), «Не те» (1874), «Кактус» (1881), «Вне моды» (1888). Из этого ряда выпадает прозаический опыт Фета под названием «Дядюшка и двоюродный братец» (1855), не имеющий точной авторской жанровой идентификации. А.Е. Тархов подметил, что данное произведение Фета в оглавлении журнала «Русский вестник» было названо повестью, но в тексте произведения его жанр не обозначен [3. С. 382]. Кому принадлежит жанровое определение – авторская ли это воля или решение редактора, – остается невыясненным.

Скорее всего, «Дядюшку и двоюродного братца» Фет считал повестью. В письме к А.А. Краевскому от 8 мая 1855 г. автор выражал сожаление, что Тургенев сдал в журнал его «повесть», не успев ее «пересмотреть» [4]. Как видно, новое прозаическое сочинение Фета было отдано на суд Тургеневу, мнение которого было важно для начинающего прозаика, чтобы впоследствии Тургенев передал его издателю «Отечественных записок».

В авторском предисловии к «Дядюшке и двоюродному братцу» содержится такая оговорка: «если не повесть, то, по крайней мере, несколько очерков» [1. Т. 3. С. 19]. Перед нами попытка обозначить жанровую специфику произведения, подчеркнуть ее «промежуточный» характер между повестью и очерковой прозой. Сомнения Фета относительно жанра написанного произведения, видимо, были обусловлены некоторой мозаичностью композиционной картины «Дядюшки и двоюродного братца». Тяготение к очерковым, документальным формам было свойственно Фету-прозаику, о чем свидетельствуют его циклы очерков «Из деревни», «Заметки о вольнонаемном труде», «Записки военного» и «<Записки судьбы>».

В творческом сознании А.А. Фета, видимо, не было резких границ, отделяющих повесть от рассказа. В этом смысле он напоминал древнерусских авторов, у которых названные эпические жанры были идентичными: любой рассказ, любое повествование о значимых событиях определялись термином «повесть». Древний термин, как считает В.В. Кожин, «указывал на эпический характер произведения, на то, что оно призвано о чем-то объективно поведать; в этом смысле повесть отличалась, например, от “слова” – жанра, вбирающего в себя субъективную, лирическую стихию» [5. С. 281].

Субъективная, лирическая стихия выражалась в другой творческой ипостаси Фета – в его поэзии, которая была противоположна прозе [6. С. 7]. Всякое свое прозаическое сочинение¹ Фет именовал «рассказом», ощущая сложность его жанровой природы, во многом обусловленной документальной основой художественных произведений, изображением событий и размышлений, ставших неотъемлемой частью личного опыта автора. Замедленность повествования, отсутствие динамики в развитии действия, общая ослабленность фабулы, мозаичность композиционного строения и усиление функции повествователя, – все это свойственно повествовательной практике Фета-прозаика и характерно в равной мере для его рассказов и повестей.

Современное научное представление о жанрах эпоса позволяет считать повестью не только «Дядюшку и двоюродного братца», но и «Семейство Гольц», которое было напечатано в «Русском вестнике» с подзаголовком рассказ [7]. Можно предположить, что в данном случае жанровое определение принадлежит автору: Фет называл это произведение рассказом в письмах к И.П. Борисову² и Л.Н. Толстому³.

«Семейство Гольц» – автобиографическое произведение, написанное на материале армейских воспоминаний Фета⁴. В нем изображается судьба ветеринарного врача Гольца, человека несчастного, горького пьяницы, отвратительного в своем пороке, и страдания его семьи. Сюжет произведения несколько неожиданный для творчества Фета, он не вписывается в эстетическую систему суждений поэта, расходит-

¹ Речь идет о художественной прозе А.А. Фета.

² 5 февраля [1870] г. Фет писал И.П. Борисову: «Я в настоящее время кончаю рассказ листа в два печатных из новороссийск<ой> былой жизни. Это совершенно отдельный и в себе замкнутый рассказ» [8. С. 58].

³ Письмо Фета к Толстому неизвестно, однако судить о нем можно на основании двух ответных писем Толстого к Фету, в которых корреспонденты обсуждали новое произведение Фета. Термины «рассказ» и «повесть» применительно к «Семейству Гольц» в письмах Толстого использовались как взаимозаменяемые. Так, 16 (?) февраля 1870 г. Толстой писал: «Вы мне хотите прочесть повесть из кавалерийского быта. Я жду от этого добра, если только просто, без замысла положений и характеров» [9. Т. 1. С. 400]. В следующем письме, написанном после визита в фетовскую Степановку и чтения «Семейства Гольц», Толстой отмечал: «Я, уезжая от вас, забыл вам сказать еще раз, что ваш рассказ по содержанию своему очень хорош» [9. Т. 1. С. 401].

⁴ Впервые об этом написал Б.А. Садовской в статье «Фет-прозаик» [10. С. 71].

ся с традиционной гедонистической трактовкой творчества этого автора. С точки зрения Фета, предметом изображения в искусстве является красота, будничная жизнь – антагонист искусства. Тем не менее именно «проза» жизни стала предметом эстетического осмысления Фета в повести «Семейство Гольц».

Произведение выделяется из ряда других прозаических опытов Фета и потому представляет особый исследовательский интерес. Написанное в 1870 г., оно отразило творческие поиски «отставного литератора» на прозаической ниве. После вышедшего в 1863 г. собрания стихотворений, которое не имело успеха у публики, Фет уверенно перешел на стезю писателя-очеркиста, отражавшего ход пореформенных преобразований, происходивших в русской деревне [6. С. 123–159], и получившего за это наименование «летописца пореформенной России» [11. С. 295]. В 1860-е гг., помимо деревенских очерков, писатель работал над другими очерковыми циклами: «Военные записки» [6. С. 111–123] и «<Записки судьи>» [6. С. 159–173], – оставшимися незавершенными. Все названные циклы имели подчеркнуто автобиографический характер и основывались на документальном материале: «Военные записки» возвращали к периоду кирасирской службы в Новороссии, а «судейские» – к опыту, полученному Фетом в период исполнения должности мирового судьи Мценского уезда (1867–1877).

«Семейство Гольц» является определенным итогом эстетических поисков Фета в 1860-е гг. и связующим звеном между очерковыми «записками», «заметками» 1860-х гг. и художественной прозой 1870–1880-х гг. Эта повесть отличается целостностью композиционного строения, органичностью и «живорожденностью» (если воспользоваться терминологией Фета) создания, отсутствием заложенной в ее основание философской идеи (черта, свойственная многим художественным сочинениям Фета-прозаика, вызывавшая критику И.С. Тургенева) и событийной «фрагментарности». Данное произведение можно считать наиболее совершенным из всех прозаических созданий Фета. Не случайно его высоко оценил такой мастер, как Л.Н. Толстой, мнением которого Фет чрезвычайно дорожил. Толстой прочитал «кавалерийскую повесть» своего друга в черновике и написал ему: «...содержание серьезное и поэтическое, и <...> если вы можете написать такие сцены, как старушка с поджатыми локтями и де-вушка, то и все вы можете обделать соответственно этому; и лишнее

должны все выкинуть и сделать из всего, как Анненков говорит, *перло*. Добывайте золото просеванием» [9. Т. 1. С. 401].

Образ главного героя Гольца явился результатом многолетних попыток Фета создать сложный, неоднозначный литературный образ. Эти поиски начались в процессе работы над циклом «Военные записки» (1864–1865) (в первую очередь, над повестью «<Полковник Бергер>», вошедшей в состав цикла), продолжились позднее в ходе обсуждения с Толстым недостатков в построении образа Андрея Болконского¹ и полемики с С.В. Энгельгардт о герое ее повести «Не сошлись» (1867) Владимире Павловиче Горнове². Отзывы поэта о героях Л.Н. Толстого и С.В. Энгельгардт помогают понять его собственные представления о литературном герое в те годы. Они сводятся к двум положениям. Во-первых, герой произведения не должен быть «человеком-нулем» – безликим и лишенным своеобразия. Во-вторых, чтобы «подчеркнуть» характер, необходимо акцентировать внимание на какой-нибудь яркой отрицательной черте, на страсти героя. Любопытно, что в обоих случаях Фет говорит о пьянстве – пороке, которым впоследствии будет наделен герой повести «Семейство Гольц».

¹ В письме от 7 ноября 1866 г., отвечая на фетовскую критику героя романа «Война и мир» Андрея Болконского, Толстой пытался объяснить недостатки в построении этого образа: «Я ...порадовался ...вашему суждению об одном из моих героев, князе Андрее, и вывел для себя поучительное из вашего суждения. Он однообразен, скучен и только un homme comme il faut во всей 1-й части. Это правда, но виноват в этом не он, а я. Кроме замысла характеров и движения их, кроме замысла столкновений характеров, есть у меня еще замысел исторический, который чрезвычайно усложняет мою работу и с которым я не справляюсь, как кажется. И от этого в 1-ой части я занялся исторической стороной, а характер стоит и не движется. И это недостаток, который я ясно понял вследствие вашего письма, и надеюсь, что исправил. Пожалуйста, пишите мне, милый друг, все, что вы думаете обо мне, то есть моем писании, – дурного. Мне всегда это в великую пользу, а кроме вас, у меня никого нет. <...> вы человек, которого, не говоря о другом, по уму я ценю выше всех моих знакомых и который в личном общении дает один мне тот другой хлеб, которым, кроме *единого*, будет сыт человек» [9. Т. 1. С. 382].

² В целом положительно оценивая новое произведение С.В. Энгельгардт, отмечая, что прочел его «с особенным удовольствием», что оно «в тысячу раз лучше “Дыма”», Фет в то же время отмечал: «Герой слабоват. Надо было бы его чем-нибудь подчеркнуть – уж пил бы он – играл бы в карты или выслуживался у губернатора, что ли, а то он ничего» [12. С. 379].

Создание живого, многомерного образа, в котором сочетались бы самые разные черты характера и который не терял бы целостности и индивидуальности, видимо, было творческой задачей Фета в конце 1860-х гг. Герой его первого рассказа Каленик – чужак, оригинал, обладавший развитой интуицией, загадка природы. Герой повести «Дядюшка и двоюродный братец» Аполлон Шмаков тоже несомненная индивидуальность, но негодай, лишенный добродетели. Гольц продолжил линию героя–оригинала–негодая, однако его образ сложнее предыдущих, ибо обладает комплексом различных свойств и поведенческих особенностей.

Повесть рождалась в творческом диалоге с художественной концепцией романа И.С. Тургенева «Дым», в котором Фет увидел «культ страстей» и «проповедь эгоизма», а также в полемике с С.В. Энгельгардт и Л.Н. Толстым по поводу романа «Дым»¹. Важную роль в создании повествования «Семейство Гольц» сыграла ориентация на художественную прозу Л.Н. Толстого: «мысль семейная», ставшая художественным стержнем произведения, обращение к толстовской проблематике, основанной на использовании категорий «добро», «ложь», «любовь», психологизация образов главных героев – Луизы Гольц и ее мужа, использование несобственно-прямой речи при воссоздании внутренних монологов Луизы, особая стилистическая манера, подчиненная движению мысли, – эти и другие черты показывают, чему Фет учился у Толстого.

Особый интерес представляет организация повествования в этом произведении, которое понимается как процесс осуществления авторской стратегии на всех уровнях художественного целого. Принципы повествования во многом зависят от жанровой принадлежности произведения [13. С. 9], поэтому определение жанровой специфики «Семейства Гольц» необходимо для изучения его нарратива. Объем данного произведения, охват изображенных в нем событий, наличие нескольких сюжетных линий и эволюции героя, обилие статических элементов повествования, конструктивная роль рассказчика (повествователя) – все это позволяет считать «Семейство Гольц» повестью.

¹ Историко-литературный контекст повести «Семейство Гольц» проанализирован в ряде научных работ Л.И. Черемисиновой и в концентрированном виде представлен в книге «Проза А.А. Фета» [6. С. 182–202].

Обратимся к рассмотрению особенностей фетовского повествования, или, говоря языком современной нарратологии, к рассмотрению способов реализации нарративной стратегии в повести «Семейство Гольц». Основное развитие художественного смысла повести совершается, как отмечал В.В. Кожин, «не в собственно сюжетном движении», а в особой «речевой стихии» [5. С. 281]. Чтение повести Фета погружает в «речевую стихию»: повествование организовано преимущественно описаниями и рассуждениями – не событийным рядом. Отсюда неспешность, замедленность плетения повествовательной ткани.

В повести «Семейство Гольц», состоящей из восьми глав, разворачиваются две основные сюжетные линии. В первой сюжетной линии представлена жизнь семьи ветеринарного врача Гольца. Вторая сюжетная линия охватывает быт и службу в городе Крылове поселенного эскадрона кирасирского полка, образы действующих лиц: К.Ф. Бюлера – командира полка, И.И. Богоявленского – полкового лекаря, семей Ф.Ф. Гертнера (начальника округа) и казначея Рыбникова. Обе линии соединяет семейство полковника Ф.Ф. Гертнера: его жена Марья Ивановна знала еще до замужества героиню повести Луизу Гольц, она поведала о Луизе и ее муже повествователю [6. С. 197].

Главы IV и V, в которых сюжетная линия ветеринара Гольца вписывается в картину полковой жизни, составляют композиционный центр произведения. Повествующий рассказывает об обстоятельствах знакомства с врачом Гольцем (эпизод прогулки в конный лазарет с К.Ф. Бюлером и лечение лошади Прозерпины) и с его семьей (эпизод встречи с женой Гольца Луизой и его дочерью Лизой в доме казначея Рыбникова). В последующих главах обе сюжетные линии постепенно свертываются, изображается печальный финал, настигший всю семью Гольца.

В повествовании «связующую» роль играет не только Марья Ивановна Гертнер, но и автор, являющийся одним из героев прозаического произведения. Будучи полковым адъютантом кирасирского полка¹, он имел возможность наблюдать ветеринарного врача Гольца «со стороны» и впоследствии поведать о нем: «С самого поступления мо-

¹ А.А. Фет служил в кирасирском полку в г. Крылове (Елисаветграде) Херсонской губернии и исполнял должность полкового адъютанта с 5 февраля 1849 по 2 мая 1853 г. [14. С. 214].

его в полк глаза мои привыкли в известные часы дня встречать на тротуаре довольно оригинальную фигуру. В эти часы, вдоль серых заборов, торопливо и как бы желая поскорее скрыться от докучных наблюдателей, проходит небольшой человечек. С виду ему было лет под пятьдесят <...> Человек постоянно был, что называется, *грузен*. Не помню, кто мне пояснил, что это пьяный поселенный ветеринар Гольц» [1. Т. 3. С. 102].

В процитированном фрагменте повествование ведется от первого лица, но «повествующее “я” не имеет в “сюжетном” смысле определяющего, первостепенного значения» [5. С. 281]. Рассказчик оказывается посторонним наблюдателем и своеобразным хроникером происходивших событий. Такая позиция сохранена до конца повести: «Переменив вскорости место служения, я ничего не знаю о дальнейшей судьбе Гольца. Вероятно, зимой замерз где-нибудь под забором» [1. Т. 3. С. 114].

Повествование «Семейство Гольц» не документальная зарисовка с натуры: Фет особым образом выстраивает композицию произведения, излагает предысторию героев, обстоятельства своего знакомства с ними, изображает необратимую деградацию Гольца и описывает период своей службы в должности полкового адъютанта, воспроизводит атмосферу эпохи кирасирского прошлого [6. С. 196].

Различия субъектов и типов повествования делят повесть на две части. В первой части (главы 1–3) представлено объективное повествование от лица «всеведущего» повествователя. Произведение начинается так: «Лет сорок тому назад аптеку в Кременчуге содержал некто Александр Андреевич Зальман. Высокого роста, красивый брюнет, Зальман обладал всеми качествами для успеха у женщин известного склада. С видом глубокомыслия и страстности он постоянно говорил о Шиллере, Гете, Байроне и т.п., и немногие догадывались, как, в сущности, он мало понимал тех, о ком говорил с таким жаром. Он был ревностным гомеопатом <...>. Жена его, образованная женщина и хорошая музыкантша, с своей стороны способствовала домашнему благосостоянию, давая уроки на фортепиано. Эта серьезная, строгая женщина мало обращала внимания на проделки мужа и ревностно занималась воспитанием единственной дочери – Луизы» [1. Т. 3. С. 79].

Содержание первой главы – описание жизни Луизы у родителей, обстоятельств ее знакомства с Гольцем и последовавшего замужества.

Во второй главе речь идет об устройстве Луизой своего семейного гнездышка и о том, как Гольц познакомился с полковым врачом Иринархом Ивановичем Богоявленским, в дальнейшем пристрастившим героя к употреблению алкоголя и таким образом сыгравшим роковую роль в судьбе ветеринара.

Третья глава расширяет представление о личности Богоявленского и окружающих его людях, показывает образ весьма образованного, рассудительного, хладнокровного, скептически настроенного человека, от нечего делать заинтересовавшегося персоной Гольца. Богоявленский сумел разглядеть слабые стороны характера Гольца, поставил себе цель («Надо бы эту улитку заставить выпустить рожки» [1. Т. 3. С. 92]) и методично стремился ее достичь. «Небольшого труда стоило Богоявленскому заставить Гольца выпить первую, а затем вторую и третью рюмку *anticholericum'a*. Разогревшийся ветеринар, видимо наслаждаясь новым для него положением, уже не так сильно порывался к должности. Слушая лестные слова Богоявленского, он чувствовал себя счастливым, чуть не триумфатором. <...> Иринарх Иванович решился не вызывать Гольца на рассуждения, а просто курить перед ним фимиам» [1. Т. 3. С. 93]. Богоявленский, подобно крыловской Лисице, с помощью лести добился желанной цели: «раскрутил» «улитку»-Гольца и заодно спойл его. Намек на крыловскую басню содержится в тексте произведения: во время сватовства Гольц, казавшийся «зловещим вороном» шестнадцатилетней Луизе, получив отказ от ее матери, вдруг «закричал во все горло по-немецки» [1. Т. 3. С. 80].

Начиная с 4-й главы происходит смена нарративного типа, возникает «я-повествование», которое продолжается до самого конца повести. «В сороковых годах полком нашим командовал всеми любимым и уважаемым барон Карл Федорович Б...», – этими словами открывается четвертая, «переломная» глава повести. – Штаб полка находился в городке К., лежащем на берегу одного из днепровских притоков. Замечательный кавалерист и тонкий знаток лошадей, барон Б. весьма серьезно смотрел на службу, что не мешало ему с жадностью читать новейшие произведения французской и русской литературы, быть самым любезным собеседником и страшным хлебосолом» [1. Т. 3. С. 98].

Прототипом центральной фигуры «кирасирской части» повести был командир кирасирского Военного ордена полка Бюлер Карл Федорович, при котором Фет занимал должность адъютанта [15. С. 151, 155].

Ответственное отношение к службе, гостеприимные обеды с офицерами, знание французской и русской литературы, навыки ведения беседы – характерные черты Бюлера, которые Фет ранее попытался воплотить в образе героя неоконченной повести «<Полковник Бергер>» [16]. Позднее он посвятил им многочисленные эпизоды итоговой мемуарной книги «Ранние годы моей жизни» (1893), которая заканчивалась воспоминаниями о К.Ф. Бюлере, о характере общения с ним за пределами кирасирского полка: «У Карла Федоровича я не раз бывал в Петербурге, где он занимал должность помощника великого князя Николая Николаевича. Он встречал меня как родного сына, и в числе многих его практических изречений я никогда не забывал слышанного мною еще в Орденском полку: “Хороший эскадронный командир всегда будет хорошим хозяином”. Распространяю это изречение при воспоминании о своей Орденской службе так: никакая школа жизни не может сравниться с военной службой, требующей одновременно строжайшей дисциплины, величайшей гибкости и твердости хорошего стального клинка в сношениях с равными и привычку к мгновенному достижению цели кратчайшим путем» [17. С. 548].

Сюжет повести «Семейство Гольц» позволил Фету окунуться в прошлое, пережить незабываемые моменты армейской службы, излагая факты, поведать о своих отношениях с командиром полка, засвидетельствовать искреннюю привязанность к нему. «Барон вставал рано, особенно летом (а лето в Новороссии чуть не круглый год), и прямо отправлялся пешком в конный лазарет <...>. В этих утренних странствиях ему ежедневно приходилось проходить мимо моей квартиры; но, зная, что его полковой адъютант (пишущий эти строки тогда занимал эту должность) не выходит в канцелярию до восьми часов, он никогда не тревожил меня ранними визитами» [1. Т. 3. С. 98]. «Штабная жизнь наша не отличалась разнообразием. Утром манеж, канцелярия, а вечера мы почти неразлучно с бароном проводили у городских знакомых, кружок которых был весьма необширен. Добрейший холостяк – бригадный генерал. У него же был и бильярд, и потому мы нередко заглядывали к нему в однообразные зимние вечера» [1. Т. 3. С. 99].

Особая лирическая атмосфера, задушевность тона, теплота воспоминаний окутывают «кирасирские» страницы прозаического произведения. На это сразу обратил внимание сослуживец и друг писателя

И.П. Борисов, проявлявший неподдельный интерес ко всему, чем занимался отставной офицер-литератор, тем более к его «армейским воспоминаниям». В письме к Фету от 22 октября 1870 г. И.П. Борисов делился впечатлениями от только что прочитанной повести: «...прочел с большим удоволь<ствием> <...> потому уже, что никакого нет тут Шопенгаурства. Вспомнилась милая Вохландия. <...> Еще тебе скажу, что все строки твои, проходившие по жизни действительно<й>, один табак вкусный; а где литературил – другой табак. Может быть, на меня это действовало так потому, что я сам вохландец, а может и потому, что я перед этим только что отчитал “Войну и мир” и остался раздражительно чутким на всякую папироску» [18. Л. 205]. Глубину осмысления и критический уровень оценочных суждений Борисова характеризует разграничение строк, «проходивших по жизни действительно<й>», и тех, в которых Фет «литературил». Армейскому сослуживцу писателя воспоминания о полковой жизни понравились гораздо больше, нежели история семьи Гольца.

Перед Фетом стояла непростая творческая задача – изобразить судьбу ветеринара Гольца и его семьи на фоне документальных эпизодов жизни кирасирского полка. Поиск ее решения повлек за собой особый способ реализации нарративной стратегии, в частности смену типов повествования. «В плане повествования, – справедливо отмечает Т.А. Капырина, характеризую фетовский нарратив, – в художественной прозе сочетаются две модели» [2. С. 5]. Однако последующие выводы исследовательницы кажутся далеко не бесспорными: «С помощью “я”-повествования, рассказчика, передается движение мира к хаосу, катастрофе, проявляющейся в гибели героя. Позиция повествователя уравнивает представление героя о мире, показывает продолжение “истории” после гибели рассказчика, условность изображенной катастрофы» [2. С. 5]. Непонятно, о какой «гибели рассказчика» здесь идет речь и почему «я-повествование» показывает «движение мира к хаосу».

Функция «я-повествования» в произведении Фета иная: это способ погружения в кавалерийское прошлое рассказчика (полкового адъютанта); стратегия, благодаря которой вносится «лирический» элемент в произведение, передается ностальгия по прошлому, выражается признательность автора полковому начальству, сослуживцам за годы, проведенные вместе, за приобретенный жизненный опыт и теплоту воспоминаний.

Объективное повествование используется для изображения жизни семейства Гольц и «катастрофы», постигшей его. «“Посредничество” повествователя, – как заметил Н.Д. Тмарченко, – помогает читателю прежде всего получить более достоверное и объективное представление о событиях и поступках, а также о внутренней жизни персонажей. “Посредничество” рассказчика позволяет войти внутрь изображенного мира и взглянуть на события глазами персонажей» [19. С. 192–193]. «Взаимозаменяемость» рассказчика и повествователя по мере разворачивания сюжета «Семейства Гольц», изменение ракурсов изображения и точек зрения, а заодно с ними – перемена типов повествования – художественно оправданы в повести Фета, выполняют определенную сверхзадачу.

В фетовском произведении переплетались взгляды «извне» и «изнутри», субъективное и объективное повествование. Это позволило автору охватить широкую картину жизни, показать конкретный срез истории полка, создать многомерные, живые образы. Гольц изображен человеком несчастным, отвратительным из-за одержимости тяжелым недугом. В то же время он человек без «самостоянья», нравственного стержня, ничтожный эгоист, раб неумеренной страсти к алкоголю, которая довела до гибели его жену, оставила детей сиротами. Писатель отслеживает этапы необратимого падения Гольца до окончательной деградации личности, изображает страдания семьи ветеринара. Трагическая судьба Гольца преподносится автором как бы «со стороны», от лица повествователя.

Появление рассказчика – полкового адъютанта – меняет точку зрения в повести и открывает иной ракурс изображения. Читатель теперь воспринимает мир художественного произведения через сознание героя. Позиция рассказывания придает лиризм и сердечность повествованию, изнутри «оживляет» его. Таким образом, автор невольно уравнивает внутреннюю и внешнюю позиции, связывает воедино все повествование, в котором «образ рассказчика и его рассказ оказываются своеобразным “мостиком”» [19. С. 193].

«Семейство Гольц» – произведение, в котором на первом плане, говоря словами Л.Н. Толстого, «мысль семейная». Фет показал несчастливую семью, «в которой вместо любви – пустота и одиночество, вместо красоты – безобразие, вместо веры – поклонение низменным страстям и одержимость» [6. С. 199]. Однако содержание по-

вести не сводимо к изображению «мира умирающего, вырождающегося» [2. С. 12]. Несмотря на трагическую коллизию, повесть «Семейство Гольц» не погружает читателя в безысходность, отчаяние и мрак. Это становится возможным во многом благодаря нарративной стратегии, избранной автором. В повести есть и свет, и тепло человеческих отношений, и тонкий юмор, и сочувствие.

Исследование жанровой и нарративной стратегии повести Фета «Семейство Гольц» дает представление о пути, по которому шло развитие художественной прозы Фета, о поэтике его прозы и характере автобиографизма. Оно позволяет сделать предварительные выводы о сложности выражения авторской позиции в различных произведениях Фета, о разном соотношении автобиографизма и творческого вымысла в них, а также приоткрывает «механизм» составления в конце 1880-х – начале 1890-х гг. трехтомного мемуарного повествования «Мои воспоминания» и «Ранние годы моей жизни». Способ репрезентации авторского сознания в мемуарах Фета, мозаичность композиционного строения, установка на объективное летописание и фактографичность – эти и другие черты поэтики складывались в процессе создания очерковой прозы, а также рассказов и повестей Фета 1850–1870-х гг.

Литература

1. Фет А.А. Сочинения и письма : в 20 т. / редкол.: В.А. Кошелев (гл. ред.) [и др.]. СПб. : Академический проект, 2002– (издание продолжается).
2. Капырина Т.А. Поэтика прозы А.А. Фета (сюжет и повествование) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Коломна, 2006. 18 с.
3. Тархов А.Е. Проза Фета-Шеншина // Фет А.А. Сочинения : в 2 т. / подгот. текста, сост., коммент. А.Е. Тархова. М. : Худ. лит., 1982. Т. 2. 461 с.
4. Фет А.А. Письма к А.А. Краевскому // Отдел рукописей РНБ. Ф. 391 (А.А. Краевского). Ед. хр. 786.
5. Кожин В.В. Повесть // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М. : Сов. энциклопедия, 1987. С. 281.
6. Черемисинова Л.И. Проза А.А. Фета. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2008. 376 с.
7. Фет А.А. Семейство Гольц // Русский вестник. 1870. Т. 89, № 9. С. 281–321.
8. Фет-Шеншин А.А. Письма к Борисовым, И.П. и Н.А. // Научно-исследовательский отдел рукописей РГБ. Ф. 315. Оп. 2. Картон 2. Ед. хр. 30.

9. Толстой Л.Н. Переписка с русскими писателями : в 2 т. / сост., примеч. С.А. Розановой. 2-е изд., доп. М. : Худож. лит., 1978. Т. 1. 495 с.; Т. 2. 479 с.
10. Садовской Б.А. Ледоход: Статьи и заметки. Петроград : Изд. автора, 1916. 208 с.
11. Черемисин Г.А. Фет-публицист о хозяйственном строе России // Проблемы изучения жизни и творчества А.А. Фета : сб. науч. тр. Курск : Изд-во Курск. гос. пед. ин-та, 1992. С. 278–299.
12. Фет А.А. Стихотворения. Проза. Письма / вступ. ст. А.Е. Тархова ; сост. и примеч. Г.Д. Аслановой, Н.Г. Охотина и А.Е. Тархова. М. : Сов. Россия, 1988. 464 с.
13. Тюпа В.И. Нарративная стратегия романа // Новый филологический вестник. 2011. № 3 (18). С. 8–24.
14. Григорович А.И. История 13 драгунского Военного ордена генерал-фельдмаршала графа Миниха полка. Т. II: 1809–1860 гг. СПб., 1912. 268 с.
15. Блок Г.П. Летопись жизни А.А. Фета. Публикация Б.Я. Бухштаба // Фет А.А. Традиции и проблемы изучения : сб. науч. тр. Курск, 1985. С. 129–182.
16. «Крыловские» рассказы А. Фета (два неопубликованных фрагмента) / публ. Л.И. Черемисиновой // А.А. Фет и русская литература / под ред. В.А. Кошелева, Г.Д. Аслановой. Курск : Изд-во Курск. гос. пед. ун-та, 2002. С. 14–27.
17. Фет А.А. Ранние годы моей жизни. М., 1893. 469 с.
18. Борисов И.П. Письма Шеншину-Фету А.А. 1857–1871 // Рукописный отдел Института русской литературы. № 20272. 217 л.
19. Тмарченко Н.Д. Повествование // Литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины / под ред. Л.В. Чернец. URL: http://taviak.ru/distance/wp-content/uploads/2014/obshcheobrazovatelnye_distipliny/Literatura/Cherneck.pdf (дата обращения: 11.10.2018).

Narrative Strategy in Afanasy Fet’s Story *The Golts Family*

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2020, 24, pp. 5–20

DOI: 10.17223/23062061/24/1

Larisa I. Cheremisinova, Saratov State University (Saratov, Russian Federation).

E-mail: larisa.cheremisinova@mail.ru.

Keywords: Afanasy Fet, story, narrative strategy, type of narration, narrator, storyteller.

In the modern research on Afanasy Fet, questions of “prosaic” Fet studies remain poorly investigated: the poetics of Fet’s prose, the specifics of its narrative, the genre features of the works, the comparative analysis of Fet’s narrative practice and contemporary writers’ works. Examination of ways of implementing the narrative strategy in the story *The Golts Family* requires clarification of the genre features of this work since the principles of narration largely depend on the genre. The volume of this text, the coverage of the events depicted in it, the presence of several plot lines, the abundance of static narrative elements, the constructive role of the narrator, the organization of the narration mainly by descriptions and arguments rather than by event series make *The*

Golts Family a story. The differences of subjects and types of narrative divide the story into two parts. The first part (Chapters 1–3) presents an objective narrative on behalf of an “omniscient” narrator. Starting from Chapter 4, the narrative type changes to “I-narration”, which continues until the very end of the story. A special lyrical atmosphere, an intimate tone, the warmth of memories cocoon the “cuirassier” pages of the story. Fet was faced with a difficult creative task: to depict the fate of the vet Golts and his family against the background of documentary episodes of the life of the cuirassier regiment. The search for the solution entailed a special way of implementing a narrative strategy, in particular, a change in the types of narration. The “interchangeability” of the storyteller and the narrator, changes in the perspectives of the image, in the points of view, and, at the same time, in the types of narration are artistically justified in Fet’s story for they fulfill a certain super-task. The “mediation” of the narrator allows the reader to enter the depicted world and look at the events through the eyes of the characters. In *The Golts Family*, views “from the outside” and “from the inside”, subjective and objective narratives intertwined. This allowed the author to capture a broad picture of life, to create a multidimensional live image that combines various character traits and possesses individuality and integrity. The author shows Golts’ tragic fate as if “from the outside”, on behalf of the narrator. The appearance of the narrator—the regimental adjutant—changes the point of view in the story and gives a different perspective of the image. The reader now perceives the world of artwork through the character’s consciousness. The position of narrating endows the story with lyricism and cordiality, “revives” it “from the inside”. Thus, the author unwittingly balances the internal and external positions, binds together the whole story.

References

1. Fet, A.A. (2002) *Sochineniya i pis'ma: V 20 t.* [Works and Letters: In 20 vols]. St. Petersburg: Akademicheskij proekt.
2. Kapyrina, T.A. (2008) *Poetika prozy A.A. Feta (syuzhet i povestvovanie)* [The poetics of A.A. Fet (plot and narration)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kolomna.
3. Tarkhov, A.E. (1982) *Proza Feta-Shenshina* [Fet-Shenshin’s prose]. In: Fet, A.A. *Sochineniya: V 2 t.* [Works: In 2 vols]. Moscow: Khudozh. lit., 1982. T. 2. 461 s.
4. Fet, A.A. (n.d.) *Pis'ma k A.A. Kraevskomu* [Letters to A. A. Kraevsky]. The Department of Manuscripts, Russian National Library. Fund 391 (A. A. Kraevsky). File 786.
5. Kozhinov, V.V. (1987) *Povest' [Story]*. In: Kozhevnikov, V.M. & Nikolaev, P.A. (eds) *Literaturnyy entsiklopedicheskiy slovar' [Literary Encyclopedic Dictionary]*. Moscow: Sov. entsiklopediya.
6. Chermisinova, L.I. (2008) *Proza A.A. Feta* [A.A. Fet’s Prose]. Saratov: Saratov State University.
7. Fet, A.A. (1870) *Semeystvo Gol'ts* [The Golts Family]. *Russkii vestnik*. 89(9). pp. 281–321.

8. Fet-Shenshin, A.A. (n.d.) *Pis'ma k Borisovym, I.P. i N.A.* [Letters to Borisovs, I.P. and N.A.]. NIOR of the Russian State Library. Fund 315. List 2. Folder 2. File 30.

9. Tolstoy, L.N. (1978) *Perepiska s russkimi pisatelyami: V 2 t.* [Correspondence with Russian Writers: In 2 volumes]. 2nd ed. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

10. Sadovskoy, B. (1916) *Ledokhod: Stat'i i zametki* [Ice Drift: Articles and Notes]. Petrograd: B. Sadovskoy.

11. Cheremisinov, G.A. (1992) Fet-publitsist o khozyaystvennom stroe Rossii [Fet-publicist about the economic system of Russia]. In: Golle, G.E. (ed.) *Problemy izucheniya zhizni i tvorchestva A.A. Feta* [Problems of studying A.A. Fet's life and work of]. Kursk: Kursk State Pedagogical Institute. pp. 278–299.

12. Fet, A.A. (1988) *Stikhotvoreniya. Proza. Pis'ma* [Poems. Prose. Letters]. Moscow: Sov. Rossiya.

13. Tyupa, V.I. (2011) The narrative strategy of the novel. *Novyy filologicheskiy vestnik – New Philological Bulletin*. 3(18). pp. 8–24. (In Russian).

14. Grigorovich, A.I. (1912) *Istoriya 13 Dragunskogo Voennogo Ordena general-fel'dmarshala grafa Minikha polka* [History of the 13th Dragoon Military Order of Field Marshal Count Minich Regiment]. Vol. 2. St. Petersburg: [s.n.].

15. Blok, G.P. (1985) *Letopis' zhizni A.A. Feta*. Publikatsiya B.Ya. Bukhshtaba [The chronicle of A.A. Fet's life. Publication of B.Ya. Bukhshtab]. In: Skatov, N.N. (ed.) *Fet A.A. Traditsii i problemy izucheniya* [Fet A.A. Traditions and Problems of Study]. Kursk: [s.n.]. pp. 129–182.

16. Cheremisinova, L.I. (2002) “Krylovskie” rasskazy A. Feta (dva neopublikovannykh fragmenta) [The “Krylov” stories by A. Fet (two unpublished fragments)]. In: Koshelev, V.A. & Aslanova, G.D. (eds) *A.A. Fet i russkaya literatura* [A.A. Fet and Russian Literature]. Kursk: Izd-vo Kursk State Pedagogical Institute. pp. 14–27.

17. Fet, A.A. (1983) *Rannie gody moey zhizni* [Early Years of My Life]. Moscow: Pravda.

18. Borisov, I.P. (n.d.) *Pis'ma Shenshinu-Fetu A. A. 1857–1871* [Letters to A.A. Shenshin-Fet 1857–1871]. The Department of Manuscripts, Institute of Russian Literature. № 20272. 217 l.

19. Tamarchenko, N.D. (n.d.) *Povestvovanie* [Narration]. In: Chernets, L.V. (ed.) *Literaturovedenie. Literaturnoe proizvedenie: osnovnye ponyatiya i terminy* [Literary criticism. Literary work: basic concepts and terms]. [Online] Available from: http://taviak.ru/distance/wpsontent/uploads/2014/obshcheobrazovatelnye_distipliny/Literatura/Chernec.pdf (Accessed: 11th October 2019).

УДК 82-43

DOI: 10.17223/23062061/24/2

И.А. Айзикова

СТРАТЕГИИ ОСМЫСЛЕНИЯ И РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ СИБИРИ В ОЧЕРКАХ Н.А. КОСТРОВА¹

Аннотация. Статья посвящена проблеме осмысления и репрезентации трансграничных территорий Сибири в очерках Н.А. Кострова как закладки фундамента теории и методологии исследования трансграничья. Рассматриваются эмпирические описания трансграничья, занимающие большое место в публикациях Кострова, его представления о границе, трансграничье и их функциях, созданные им модели и типы трансграничных взаимодействий, жизненные стили населения трансграничных пространств.

Ключевые слова: Н.А. Костров, Сибирь, граница, трансграничные территории, стратегии репрезентации.

История пространственных исследований, изучения пространства как сложной связи природы, человека и культуры имеет глубокие корни. Не пытаясь назвать даже самые важные в этом отношении имена – столь широко это исследовательское поле и в диахронии, и в синхронии, отметим значительный научный интерес к одному из типов пространств, к трансграничью. Этот феномен изучался начиная с XVIII в. на основе разных теорий и подходов. У истоков стояли участники экспедиций, географы, гидрографы, этнографы, собиравшие эмпирический материал, касающийся трансграничных территорий. Особое внимание при этом изначально уделялось Сибири, исследованием которой на этапе накопления фактического материала занялись академические экспедиции, в их состав входили П.С. Паллас, Г.Ф. Миллер, В.Ф. Зуев, И. Георги и др.

Философско-социологические аспекты проблемы в начале XX в. высветила теория социального взаимодействия и социальных связей Г. Зиммеля и рожденные в дискуссии с эволюционистами концепции

¹ Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

диффузионизма, которые не потеряли своей актуальности до сего дня. Многие современные исследователи трансграничья указывают как на основополагающие именно культурно-историческую и антропогеографическую школы диффузионизма. Практически во всех современных работах о трансграничье в первую очередь называются имена таких ученых, как Ф. Ратцель, О. Мауль, Л. Фробениус, Ф. Гребнер, В. Шмидт, Ф. Боас и др., которыми был введен важный в методологическом отношении постулат пространственно-временного перемещения отдельных элементов культуры или их комплексов¹.

Как указывают Н.П. Романова и К.В. Леконцева, позднее, в 1950-е гг., сама «практика трансграничного сотрудничества, перемещение значительных трансграничных потоков людей, товаров, информации» потребовали «изучения границ как динамичного, многомерного и, что важно, социального явления» [4. С. 97]. Еще чуть позднее трансграничные территории, взятые в их развитии, начинают изучаться с использованием теории социальных полей, культурного капитала П. Бурдьё². Сегодня представляются чрезвычайно актуальными при изучении трансграничья идеи британского исследователя Дж. Ло, ориентированные на понимание подвижности и изменчивости социальной упорядоченности на уровне одной или нескольких общественных групп, а также акторно-сетевая теория, предполагающая включение материальных объектов, технической составляющей в социологические рассуждения о социальной подвижности и отчасти пересекающаяся с метафорой «социального поля» П. Бурдьё. Это открывает перспективы взаимодействия в исследованиях трансграничных территорий социологических подходов с семиотическими и смену угла зрения на объект исследования: трансграничье как гетерогенный мир, сохраняющий свои свойства при деформации и трансформации.

Проблемам методологии изучения трансграничья в социально-философском и социокультурном аспектах, выдвинутых сегодня на первый план, и ее истории посвящен целый ряд специальных работ, в том числе сделанных на сибирском материале³. Однако в историю

¹ О диффузионистских идеях, развивавшихся с 1870-х гг. и на протяжении всего XX – начала XXI в. см.: [1–3 и др.].

² См., напр.: [5–7 и др.].

³ См., напр.: [4, 8–16 и др.].

осмысления и репрезентации трансграничья, в частности сибирского, до сих пор не вписано имя российского историка и этнографа, автора множества трудов по истории, социологии, этнографии Сибири, Н.А. Кострова (1823–1881)¹. Его очерковое наследие практически не изучено, а его сочинения не введены в научный оборот.

Между тем очерки Кострова (около 200)², несмотря на их документально-художественную природу, представляют собой показательную систему, которая дает обширный материал для постановки вопроса о вкладе Кострова в становление теоретико-методологических подходов к изучению трансграничья, в частности, Сибири как трансграничного региона. Особое внимание Кострова привлекают географическое положение, история описываемых им территорий, быт, культура, фольклор их жителей, взаимоотношения многоликого населения Сибири. Все это ему, выпускнику юридического факультета Московского университета, прибывшему в 1846 г. по просьбе генерал-губернатора Восточной Сибири в Красноярск на должность чиновника особых поручений при енисейском губернаторе, представлялось «чужим», «инородным», но в то же время интересным и важным в качестве объекта исследования, который и освещался Костровым на протяжении тридцати лет. Предлагаемая статья посвящена выявлению стратегий осмысления и репрезентации трансграничных территорий Сибири в очерках Кострова, печатавшихся в столичных и сибирских периодических изданиях в 1850–1870-е гг.

Прежде всего отметим, что многие статьи Кострова опираются на опыт его предшественников в изучении Сибири. Это свидетельствует не столько о «компилятивном характере» его работ, о чем пишет Н.В. Васенькин [18. С. 37], сколько о желании встроиться в общенаучный контекст исследования интересующих его тем и проблем. Он обращается к богатым исследовательским традициям, в том числе методологического плана, таких известных исследователей Сибири, как Г.И. Спасский, Е. Пестерев, Г.Е. Щуровский, М.М. Геденштром, Ф.П. Врангель, Н.С. Щукин, А.Ф. Миддендорф, С.С. Шашков, Г.Ф. Миллер, П.С. Паллас, И.Г. Гмелин и др.

¹ См. о биографии Н.А. Кострова: [17. С. 143–154].

² См.: [18]. Васенькин Н.В. Князь Николай Алексеевич Костров и его архив в фондах Научной библиотеки Томского государственного университета // Труды Омского областного краеведческого музея. Томск, 2000. Т. X. 47 с.

В русле этих традиций Костров видит своей важнейшей задачей сбор и представление читателю эмпирического материала об изучаемых им территориях. Показательно при этом, что в первую очередь его привлекают пространства, отличающиеся множеством границ и трансграничьем. Однако в очерках Кострова речь идет, как правило, о природных, естественных границах, каковыми в описаниях выступают прежде всего реки и горы. Границы как некая экономическая, политическая, государственно-административная определенность, разделяющая пространство на отдельные части, в сочинениях Кострова либо не указываются вообще, либо размыты. Подход Кострова к описанию границ и трансграничья следует назвать историко-географическим.

В его статьях детально, с опорой на документально подтвержденные или лично добытые факты созданы картины той или иной территории, взятые в их пространственно-временных рубежах, которые отличаются, в представлении автора, отсутствием точности и постоянной, хотя на первый взгляд, и весьма незаметной, изменчивостью, ибо установлены природой и ее жизнью во времени и пространстве. Так, например, статья «Аскыс», опубликованная в «Енисейских губернских ведомостях» в 1858 г., открывается опровержением научного описания реки Аскыс в статье известного гидрографа И.Ф. Штукенберга из «Энциклопедического лексикона» А.А. Плюшара (СПб., 1835), в которой, по словам Кострова, «нет почти ни одного слова правды» [19. 1858. № 51. С. 93]. Он уточняет название реки, его этимологию, указывает ее ширину, длину, исток, находящийся близ «высоких покрытых снегом» гор, «называемых Карлеган-тау или Карлыхан», уточняя, что это не одна гора, как об этом пишет Штукенберг, «а целый обширный хребет, выходящий из Алтая» и «отделяющийся от Саянских гор Абаканом», главным притоком которого является Аскыс [Там же. С. 94]. Как видим, в данном описании местность от местности отделяется горами, притоками рек, причем Карлыхан выходит за границы Алтая в Минусинский округ Енисейской губернии. Так же свободно, являясь естественной границей, нарушает рубежи округов и губерний, установленных человеком, и река, объединяющая административно разделенные территории. В этом плане характерен параллельный рассказ о течении реки и направлении дороги на Томь. Творение рук человеческих, дорога эта с 1840 г. идет от Большого Аскыса «через высокую гору Уленни-Сын (по-русски, Поклонную)

и через небольшую речку Балыясу (по-русски Рыбную)», пересекая все природные границы и объединяя разделенные горами, реками и болотами территории [19. 1958. С. 95].

Географическое пространство с его границами, естественными и установленными людьми, рассматривается Костровым в исторической ретроспективе. Так, дорога до Кузнецка определяется Костровым как «самая старинная» и маркируется историческим событием – путешествием по ней студента Кашкарова, посланного для исследований Иртыша П. Палласом, а также событиями историко-экономического характера: дорога способствовала развитию торговли «между Томью и Енисеем». Описание Поклонной горы сопровождается рассказом о том, как «в прежнее время... здесь татары поклонялись солнцу, да и теперь еще питают к ней особое уважение, привешивая к растущим на ней деревьям пряди лошадиных волос и бросая на вершины ее древесные петли» [Там же].

Аскыс и Абакан тоже ассоциируются у автора с определенной исторической эпохой – временем, когда сагайскими татарами управлял башлык Амзор, принявший святое крещение и названный Федором. Именно он построил в улусе в 1771 г. деревянную церковь Св. Апостолов Петра и Павла. На месте этого улуса возникло село Аскыское, в котором «соединились все веры, потому что сюда сходились и татары-христиане, и татары-язычники» [19. № 52. С. 96].

Костров описывает день престольного праздника в этом селе, обязательным элементом которого, наряду с традиционными христианскими обрядами, являются скачки с установлением пари на деньги. Достопримечательностью села являются два камня, принесенные с одного из курганов и названные Старухой-камнем (или Куртвяк-гаш) и Мужчиной-камнем (Киджи-гаш). Дети, играя, стерли на первом все высеченные рисунки, а ранее, по описанию Г. Спасского, этот камень с разных сторон был украшен изображениями женского бюста, мужчины, младенца с остроконечной шапочкой на голове, верблюда. На втором камне изображения (мужская фигура по грудь, человек на лошади с копьём, человек с огромным луком, двугорбый верблюд и др.) стерло время.

Как видим, почти все описанное геопространство осмыслено, по сути, как пространство природных границ и их пересечений¹. На этом пространстве в рассмотренном очерке Костров выделяет этнокультурный ареал сагайских татар, представленный как контактная зона мультикультурных взаимодействующих сообществ, т.е., выражаясь современным научным языком, зона трансграничья. В частности, Аскыское село, возникшее на месте татарского улуса близ устья Аскыса, осмысливается Костровым как трансграничная территория. Ее важнейшим признаком Костров считает сложные связи культурных и религиозных традиций приграничных областей, возникающие как результат многостороннего взаимодействия народов, населяющих эти области. Пространственно-временные перемещения отдельных элементов культур делают возможным соединение несоединимого, например, как показали наблюдения Кострова, «шаманства и христианства». Правда, точности ради, следует отметить, что Костров акцентирует продиктованную имперской идеологией мысль торжества христианства «в самом гнезде шаманства» [19. № 52. С. 56].

Важные акценты в представлениях о трансграничных пространствах, имеющие методологическое значение, находим в очерке «Бельтиры», опубликованном в «Записках Сибирского отдела Императорского Российского географического общества» 1857 г., а в 1858 г. очерк был перепечатан в «Енисейских губернских ведомостях». Он посвящен еще одной этнографической группе хакасского народа, являющейся частью сагайцев, – бельтирам.

Вновь отталкиваясь от статьи о бельтирах из «Лексикона Плюшара», Костров указывает на множество неточных и даже недостоверных фактов в ней. В первую очередь он отмечает, что исстари жившее по берегам Юса и Абакана племя теперь населяет только берега средней части Абакана и его протоков в Енисейской губернии. Костров не сомневается в том, что с Юса бельтиры были оттеснены качинскими татарами, которые, «вытесняя киргизцев, вместе с русскими казаками заняли самые лучшие места по Белому и Черному Юсам». После это-

¹ Так же осмыслен Минусинский округ, разделяемый на отдельные пространства Енисеем и его притоками, в статье «Енисей на пространстве Минусинского округа» (1860), Нарымский край с его главной рекой Обью в статье «Нарымский край» (1872).

го бельтиры жили «по таежным горам нынешнего Кузнецкого округа» и «терпели тут много притеснений от горных калмыков, которым они должны были платить подать, а потому были принуждены снова удалиться на север, на русскую почву», где «поступали с ними не лучше» [19. № 48. С. 76]. Однако, подчеркивает очеркист, именно русские научили их земледелию.

Как видим, Костров обращается к барьерным функциям границ, которые нередко оборачивались враждой и конфликтами в трансграничных территориях. Он заостряет внимание на частых перенесениях природных, этнических границ в подобных пространствах с помощью военной силы, причем он связывает это не столько с политическими или экономическими интересами (бельтиры, например, безболезненно пережили переход населяемой ими местности из Томской области в Минусинский округ Енисейской губернии), сколько с ментальными особенностями конфликтующих народов.

Так, для инородцев, вытеснявших бельтиров с их земель, расширение границ обитания есть единственный способ выживания, тогда как бельтиры, стремясь сохранить свою национальную идентичность, безболезненно присоединяются к другой культуре как элементу региональной идентичности. Пространство само по себе, с точки зрения Кострова, для них не столь значимо, они сами способны придать ему необходимые им смыслы. В связи с этим Костров акцентирует внимание на научных спорах о происхождении бельтиров (одни относят их к татарам, другие, например Ю. Клапрот, к тюркскому племени, третьи считают их за финнов), предлагая их называть «отатарившимися финнами». У бельтиров, по наблюдению Кострова, «нет общего облика, общей физиогномии: иногда встретите совершенно русское лицо, иногда монгольское и татарское <...>. Физиогномий чисто финских мне видеть не случилось». Язык бельтиров «один и тот же, каким говорят сагайские татары. От качинского и кайбальского наречия он... отличается только особенным пристрастием к букве *дж*». Бельтиры могут жить и оседло, и как кочевники, причем их дома не уступают домам русских крестьян, а юрты такие же, как у «других здешних инородцев» [19. № 49. С. 81–82]. Их брак освещается православной церковью и сопровождается различными инородческими обрядами. Будучи христианами, они имеют шаманов. Рожденные ими дети носят два имени – христианское и языческое. Упомянутые Палласом

и Спасским обычаи погребения бельтиров, сближающие их с финнами, по словам Кострова, уже давно не существуют. В кибитках бельтиров можно увидеть деревянные иконы Св. Николая и Богородицы Казанской, а перед юртами могут быть повешены шкурки диких животных, которых они, как полагает цитируемый Костровым Спасский, «содержат» едва ли не вместо Бурханов (божества).

Результатом столкновений «русских пришельцев» и инородцев (русские называли их всех татарами) было создание новых острогов, перераставших потом в сибирские города. Например, в статье «Город Кузнецк» (1880) (по этому типу написаны и другие статьи), названной автором «историческо-статистическим очерком», подробно рассмотрены столкновения татар и пришедших им на помощь киргизов с русскими казаками, с чем был связан выбор местоположения Кузнецкого острога.

Любопытно, что Костров считает необходимым сопроводить историческое, документальное повествование изложением преданий татар о постройке Кузнецкого острога. Согласно этим преданиям, на месте острога раньше жили абинцы. Когда русские не смогли взять их укрепление, они прибегли к хитрости: проникли в укрепление через подкоп, и абинцы были вынуждены признать их власть над собой. Русский царь заинтересовался, каким ремеслом занимается завоеванный народ. Узнав, что большая его часть – кузнецы, он велел, чтобы выстроенный на их земле город назывался Кузнецком. Сами же абинцы стали называть город Аба-тура, Абинский город или Отец-город.

Не признавая Кузнецк русским городом, инородцы не желали в нем селиться, не раз бунтовали, пытаясь освободиться от русской власти. Основываясь на преданиях, теленгуты, поддерживаемые татарами, не раз нападали на Кузнецк, проникали в город обманом, убивали множество горожан, вывозили из него многие товары, разносили слухи о подходе большого китайского войска с целью покорить город себе, приводя в ужас и городское начальство, и горожан.

Костров приводит несколько преданий о попытках инородцев завоевать Кузнецк. Среди них рассказ о нападении загадочного народа чудь (собирательное древнерусское название ряда племен и народностей прибалтийско-финской группы) на город, о спасении города двенадцатилетним мальчиком, один на один сразившимся с тюркским племенем туканцев. Интересно, что сохранились предания и о побе-

дах русских в борьбе за Кузнецк. Костров приводит предание о телеуте Алаганчике, о некоем Серебренникове, отличившемся в одном из набегов калмыков на Кузнецк. Во многих инородческих преданиях бытует мотив предводительства русского войска седым стариком на белом коне, осеняемым огненным столбом высотой до неба. Позднее русские признали, что в инородческих преданиях речь шла об Илье-пророке, имя которого стало чествоваться в Кузнецке и его окрестностях.

Предметом внимания Кострова являются территориальные споры как отличительный признак трансграничных территорий, что вывело автора на осмысление границ – их пересечения, переноса, взаимоотношений приграничных пространств и т.д. – как динамического и, самое главное, социального и социокультурного явления. Представленная в статье о Кузнецке модель трансграничных взаимодействий как конструирование социального и культурного опыта, на разных уровнях и на разных этапах развития трансграничных территорий дополняет модели, выстроенные в рассмотренных выше очерках Кострова. В ней обозначена зависимость напряжения, развития социальных взаимодействий и взаимосвязей от стремления противоборствующих сторон расширить свое пространство в трансграничном регионе.

Большой интерес представляет «Обзор этнографических сведений о самоедских племенах, обитающих в Сибири» Кострова, вышедший в Санкт-Петербурге отдельным изданием в 1879 г. Вновь используя социокультурный подход, автор начинает обзор с мысли о возможности классификационного разделения северо-западной Сибири «в отношении обитающих в ней инородческих племен, на две полосы: западную или Угорскую, и восточную, или Самоедскую». Первую заселяют финские племена – вогулы и остяки, вторую – самоеды, составляющие, по мнению Кострова, «переход от финского племени к турко-монгольскому». Однако далее он указывает, что «при таком разграничении финского и самоедского племен, годном только для общего и более наглядного обзора их расселения, не должно упускать из виду того обстоятельства, что как те, так и другие, занимают значительные пространства и вне означенных пределов». Причем самоеды в значительно большем размере «переступили означенные выше границы» [20. С. 3], выйдя далеко за пределы своей родины – верхней долины Енисея и Саянских гор.

Продолжая классификацию, Костров делит самоедов на северную и южную группы. Заслуживает внимания критерий такого разделения: «Первая до сего времени значительно сохранила еще в главных чертах свою народность <...>. Вторая группа... состоит из самоедов или обрусевших, или отатарившихся, или омонголившись» [20. С. 4]. Далее автор выделяет три ветви северных самоедов: юрацких самоедов, тавги-самоедов и остяко-самоедов, несколько ветвей южных самоедов – томские самоеды, камасинцы, карагасы, кайбалы, маторы, бельтиры и сойоты.

Свой обзор Костров продолжает подробным анализом научных работ предшественников о самоедах. Его интересуют главным образом этнографические исследования, что «вполне соответствует всем требованиям современной науки» [20. С. 17]. Начало изучения самоедов под этим углом зрения он связывает с именами Миллера, Гмелина, Палласа, Лепехина. Первые «обстоятельные сведения» о сибирских самоедах, по мнению Кострова, были собраны спутником Палласа в его экспедициях, студентом В.Ф. Зуевым, впоследствии ученым-естествоиспытателем, этнографом, академиком Санкт-Петербургской Императорской академии наук. Внимание Кострова привлекает вывод Зуева о том, что северные самоеды, проживающие в местах, заселенных остяками, практически смешались с ними. Заметки Зуева, включенные Палласом в его сочинение «Путешествие по разным провинциям Российского Государства» (СПб., 1786–1788), а также Ф.И. Белявского и других интересны Кострову и своим эмпирическим материалом о внешнем виде самоедов, их одежде, религии, занятиях и промыслах.

Особое значение Костров придает трудам М.А. Кастрена, русского филолога, исследовавшего финно-угорские и самодийские языки и фольклор. Преимущество Кастрена перед другими исследователями самоедских племен Костров видит в том, что «он принял за занятия подобного рода... во всеоружии лингвистики, отлично знакомый с финскими наречиями и изучив, насколько это было необходимо, некоторые восточные языки» [20. С. 7].

Почти всегда положительно оценивая результаты и выводы исследований своих предшественников, Костров решительно опровергает мнение П.И. Третьякова, автора сочинения «Туруханский край, его природа и жители» (1871), согласно которому юраки и самоеды со-

ставляют два различных племени. Принципиальным для него оказалось и уточнение мысли ряда ученых о чисто самоедском или чисто тюркском происхождении камасинцев. Вслед за Кастреном (а иногда и оспаривая его) Костров настаивает на том, что «камасинцы, состоящие из трех улусов: Угумакова, Абалакова и Ачульского, представляют смесь тюрков с самоедами. Угумаковский улус состоит весь из тюрков или татар и говорит тем же самым языком, каким говорят кичинские татары, живущие в долине Енисея. Жители Абалаковского улуса говорят языком самоедским, смешанным с татарскими словами. Что касается до Агульского улуса, то он состоит из потомков древних коттов, народа родственного с енисейскими остяками. Абалаковский улус камасинцев, по мнению Кастрена, есть ничто иное, как колония самоедов, вышедшая из Саянских гор. Но только языком и ограничивается сходство их с самоедами; по религии жители этого улуса христиане, а в большей части других отношений – татары. Они носят татарское платье, держатся татарских обычаев и даже в чертах лица обнаруживают помесь с татарами. Самоедского в них осталось только то, что они занимаются оленеводством и леса предпочитают степям» [20. С. 10].

Того же мнения придерживается Костров и в отношении карагасов, проводя идею взаимопроникновения культур, весьма распространенную в XIX в. среди представителей теории диффузии культур, получившей свое начало в антропогеографической школе немецкого социолога, географа, этнолога Ф. Ратцеля. Теория диффузии культур в свою очередь дала начало школе «культурной морфологии» этнографа Л. Фробениуса, теории «культурных кругов» Ф. Гребнера и культурно-исторической школе В. Шмидта.

Костров останавливается на отмеченных Кастреном случаях, когда укоренение иной культуры в культуре народа-восприимчика приводит к исчезновению последнего. Первым признаком этого, считает очеркист, является исчезновение языка. Так случилось с кайбалами и маторами: «Кастрен нашел, что из семи родов, которые составляют племя кайбалов, четыре самоедского происхождения, а три – остяцкого. Это мнение основано им на языке, который еще помнили некоторые престарелые кайбалы. Маторы составляют один из самоедских родов кайбалов. Маторский язык ныне совершенно исчез. Как кайбалы, так и маторы совершенно отатарились» [20. С. 13]. То же самое произо-

шло с сойотами, проживающими в Тункинском крае, – они «совершенно обурятались, не сохранив никаких преданий о своем самоедском происхождении». Костров приводит и мнение русского географа и натуралиста Г.И. Радде, согласно которому «сойоты составляют совершенно особенное племя, в котором кровь северного самоеда соединена с южною тюркско-татарскою кровью. Теперь это племя говорит монгольским наречием, употребляемым и у бурят. Сойоты утверждают, что они забыли родной язык и полагают, будто урянхи на монголо-китайской границе – их братья» [20. С. 14].

Продолжением рассмотренной публикации Кострова можно считать его сочинение, вышедшее также отдельным изданием в Томске в 1882 г. под названием «Образцы народной литературы самоедов» (перепечатано из «Томских губернских ведомостей»). Мысль об укоренении у самоедов русской культуры и христианства как их пути к прогрессу и выходу из варварства и дикости является центральной в этой статье: «христианство и культура должны в непродолжительном времени пустить корни между ними (самоедами. – И.А.)» [21. С. 1]. Это долженствование, очевидно, диктуется, с одной стороны, идеологией Просвещения, а с другой – имперской идеологией.

Исходя из геополитических амбиций государства, Костров так представляет будущее сибирских самодийцев: «Судьба самоедов, без сомнения, будет заключаться в том, что они поселятся» в тундре на берегах рыболовных рек, плодородных и удобных для скотоводства, «и оленеводство променяют на рыболовство и скотоводство. Русские показали уже им прекрасный пример в этом отношении: при всех больших реках находятся уже небольшие русские колонии, из которых некоторые достигли необыкновенного благосостояния. В некоторых местах бедные самоеды последовали уже их примеру» [21. С. 1].

Однако Костров предвидит и отрицательные моменты такого окультуривания, как модели взаимосвязей в трансграничных территориях Сибири: «опыт показал, что в подобных случаях они (самоеды. – И.А.) теряют свою народность и делаются более и более русскими; это-то самое и отвлекает самоедов от всяких попыток к оседлости, потому что народность свою они считают выше всего и готовы пожертвовать для нее всеми благами жизни» [21. С. 1]. Проводя границу между русскими поселенцами и самоедами как цивилизационную, Костров уверен, что «во всяком случае, они (самоеды. – И.А.) недолго

еще могут сохранять эту свою народность, потому что даже если бы они держались в самом строгом отделении от русских и если бы ушли в самые недоступные тундры, цивилизация преследовала бы их и там, а, по мере сближения с нею, в той же мере увеличивались бы и потребности их» [21. С. 1–2]. Неизбежной платой за цивилизацию как объективно наступающий прогресс для самоедов, по мнению Кострова, будет потеря их языка, религии и обычаев. Бедность самоедов может привести их и к необходимости уйти в услужение русским колонистам, но и в этом случае они вынуждены будут проститься со своей «народностью», что, как считает Костров, равно вымиранию. Он прямо называет самоедов вымирающим народом, потомство которых едва ли будет знать о том, что когда-то существовал такой народ¹.

От самоедов для истории уже почти ничего не осталось, продолжает Костров, кроме памятников «народной литературы». Среди них – предания, большая часть которых посвящена теме вытеснения самоедов другими племенами с их родных территорий. Сюда же входит некоторое число богатырских и лирических песен (Костров приводит тексты богатырских песен о богатыре Кат-Ман-Пуче, камасинской песни о молодой Дадыгат и лирических «Плач жены на смерть мужа», «Мщение жены», «Мщение мужа», «Свадебная песня» и др.). Самое главное, считает Костров, это самодийское отношение к этим песням и певцам, сама неповторимая манера их исполнения, что может быть утрачено навсегда. Способ исполнения самодийских песен он описывает, опираясь на Кастрена: «С религиозным почти благоговением прислушиваются они к каждому слову, срывающемуся с уст певца. Точно также, как и шаман, сидит певец на скамейке или

¹ В статье «Путешествие д-ра Радлова через Алтай к Телецкому озеру и реке Абакану», опубликованной в «Томских губернских ведомостях» в 1881 г. и в этом же году отдельным изданием, Костров проводит ту же мысль о влиянии цивилизации на жизнь и культуру инородцев, в частности телеутов: «Телеуты ясно показывают, что цивилизация может развиваться только сама собою, а не насильственно. Усилия правительства цивилизовать сибирских инородцев во многих отношениях остались бесплодными. Здесь же, напротив, народ образуется сам собою. Как только стало у него меньше земли, он отказался от коневой жизни, построил дома, стал заниматься земледелием и живет теперь подобно русским крестьянам, хотя и придерживается еще обычаев, полученных в наследство от предков» [22. С. 15].

на сундуке посредине юрты, а слушатели располагаются вокруг него. В Томской губернии Кастрен заметил, что певец старается выразить телодвижениями участие, принимаемое им в своем герое. Тело его трясется, голос дрожит, левою рукою он беспрестанно закрывает глаза, полные слез, а в правой держит стрелу, обращенную острием к полу. Слушатели сидят, обыкновенно, безмолвно; но, когда богатырь погибает или взвивается на крылатом орле к облакам, у них вырывается громкое хее, соответствующее нашему ура» [22. С. 9–10].

Ниже Костров приводит тексты нескольких сказок, записанных этнографом Н.П. Григоровским в Нарымском крае, и самодийские сказки, опубликованные Кастреном, а также загадки, собранные в том же Нарымском крае, с отгадками: «Человек идет вперед и растет, и толстее; как убывает месяц, так опять делается тонок (Веретено)» или «По одной реке яром идет вверх черная лодка, а песочным местом идет вверх белая лодка (Осетр и нельма)» и др.¹

По контрасту с самоедами дается описание жизни, быта и культурных традиций якутов в «Очерках юридического быта якутов»,

¹ В статье «Песни минусинских татар» 1859 г. Костров связывает свой подход к народным песням инородцев с гердеровским: «Народные песни, – говорит Гердер, – суть архивы народа, сокровища его науки, религии, феогонии, космогонии, жизни предков, исторических событий. Это голос его сердца, образ его души в радости и горе, близ брачного ложа и на краю могилы. Едва ли в мире есть народ, у которого не было бы родных, заветных песен. Путешественники слышали их то нежные, то наивные, то трогательные, и между дикими племенами Америки и Австралии, и на негостеприимных берегах Ледовитого моря, и среди раскаленных песков пустыни. У инородцев Минусинского округа есть также свои народные песни, песни бедные и в поэтическом отношении, и по своему содержанию; но, тем не менее, интересные для всякого, кто желает ближе узнать характер этих инородцев» [19. 1859. № 30. С. 168]. Сожалея об отсутствии у минусинских татар исторических песен или, точнее, о том, что большая часть их забыта, Костров пересказывает сохранившийся отрывок такой качинской или кызыльской песни о богатыре Чайзаге, в которой видит черты, близкие к древнерусским «причитаниям». Далее приводится отрывок сагайской богатырской песни, две обрядовые татарские песни, строящиеся на импровизации и потому имеющие множество вариантов. В упомянутой выше статье «Путешествие д-ра Радлова через Алтай к Телецкому озеру и реке Абакану» Костров приводит записанные Радловым телеутскую историческую песню о Пи Тасе, песню, исполняемую шаманом при принесении жертвы духам, и еще несколько песен, сказок и преданий.

опубликованных в Санкт-Петербурге в 1878 г. Представляя еще одну модель социокультурных отношений разных народов, населяющих трансграничные территории, Костров видит главное отличие якутов в том, что, «не смотря на... разбросанность» их расселения по Сибири, они являются самым многочисленным инородческим племенем и «почти везде сохранили свои племенные особенности – облик, язык, нравы, обычаи, одежду, и не только не поддались влиянию окружающих их других народностей, но даже подчинили их своему влиянию» [23. С. 3–4]. Говоря о тунгусах, живущих вместе с якутами, автор подчеркивает, что «тунгусское племя долганов совершенно обьякутилось; во многих местах Якутской области то же самое постигло даже русское население». «По этой причине, – пишет Костров, – племя якутов, способное и даровитое, хотя и с большими недостатками, заслуживало всегда особенного внимания со стороны наших ученых путешественников» [Там же. С. 4].

Определяя новизну и актуальность своей работы, Костров указывает на обращение к почти совсем не изученной проблеме «юридического быта» якутов, однако, исходя из междисциплинарности вопроса, открывает свое исследование этнографическими сведениями, в первую очередь отмечая, как он это обычно делает, их достоверность. Последняя подтверждается авторитетными источниками приводимых данных: называются работы И.Г. Георги, Спасского, Геденштрама, Врангеля, Щукина и других исследователей Сибири.

Описывая историю расселения якутов по Сибири, их внешний вид, язык, Костров постоянно указывает на принадлежность якутов к тюркскому племени и «близкие сношения» с бурятами, «народом монгольского племени». При этом он обращает внимание на то, что «селиться обществом» у якутов «не в обычае», что их жилища «чрезвычайно рассеяны», объясняя эту особенность якутским менталитетом, в частности, их «сильной склонностью к уединению и отчуждению», стремлением «уклониться, где только можно, от взаимных связей с другими», и это при радушном гостеприимстве якутов и их готовности поделиться, «чем только богаты хозяева» [23. С. 9].

Это, считает Костров, сказывается на сохранении якутами традиций во всех сферах жизни, включая религию. Будучи почти все крещенными, иногда насильно, они придерживаются языческой веры, шаманства, обожествляющего природу и отличающегося поклонени-

ем духам «“хозяевам“ различных явлений природы». Каждое естественное явление, каждая форма мировой жизни, объясняет Костров, имеет у якутов своего духа-властителя. «Пространства воздуха, воды, горы, леса, планеты, самая внутренность земли, все это наполнено легионами духов. Рядом с духами в шаманской религии стоят души умерших людей и фетиши-идолы естественные и не естественные. Одни из этих идолов представляются существами живыми, личными; другие же считаются только вместилищем, местопребыванием известных духов, которые таким образом делают для человека удобным непосредственное сношение с ними» [23. С. 15–16].

Костров подробно останавливается на описании роли шаманов в жизни якутов: они добиваются милости злых духов жертвоприношениями, заклинаниями и т.п., в чем Костров видит эксплуатацию шаманами простодушных якутов: «Вообще шаманство состоит в кривляниях, криках и грубом обмане, будто шаман колет себя ножом, что весьма приметно для наблюдательного зрителя». К сожалению, замечает Костров, «многие русские столько же верят шаманам, сколько и якуты, и даже рассказывают, что шаман, отрезав себе голову, кладет ее на пол; пошаманив же несколько минут без головы, ставит ее на шею, и голова тотчас прирастает» [23. С. 37, 38].

Подробно описаны вера якутов в девять небес и иерархия якутских богов, похоронные, свадебные обряды, традиционные праздники, отражающие мифологическое сознание этого народа, практически не тронутое временем и взаимодействиями с христианским миром. Сохранили якуты и традиционное пение-импровизацию, и знаменитые устные обращения к богам, и родственные браки (инцесты).

Во второй половине статьи автор приступает к описанию юридической стороны жизни якутов, что, однако, тоже оборачивается бытописанием. Так, например, Костров описывает наказание за преступление: «На оскорбление чести девушки якуты смотрят довольно равнодушно; но если кто-либо из мужчин оскорбит замужнюю женщину, например, собьет с головы ее шапку или сорвет платок, то это считается, что он лишил ее доброго имени, и за такое действие оскорбитель судится по всей строгости народным обычаем, подвергаясь в пользу обиженного штрафу от 10 до 25 рублей» [23. С. 33]. Или: «Произведено ли воровство днем или ночью, со взломом или без взлома, на это не обращается никакого внимания. Но если нет явных улик, то обви-

няемый обыкновенно освобождается от всякого взыскания. Часто бывает, что в таком случае тот, кто обокраден, заключает словесное или письменное условие, при свидетелях, с оподозревающимся в воровстве в том, что, если последний попадет еще раз хоть в какой-нибудь краже, то он должен заплатить ему втрое и цену той вещи, похититель которой не открыт» [23. С. 35].

Отдельно Костров останавливается на отношениях якутских родов до покорения их русскими «завоевателями» Сибири. Это было время беспрестанной войны. Управление якутов русскими воеводами началось с огромных налогов и притеснений, их бунтами и набегами на русские остроги. «Огнестрельное оружие русских, конечно, везде торжествовало; якуты были усмиряемы и забираемы в плен. Пленникам не было никакой пощады», – отмечает Костров и далее приводит примеры жесточайших наказаний якутов русскими воеводами. Только жизнь улусами, где все разбирательства происходили на сходках, остановила внутренние раздоры. К российской власти якуты приспособились весьма своеобразным способом: «Якут под именем власти понимает такую всемогущую силу, которая может делать все, против которой идти, как против судьбы, невозможно, но которая, тем не менее, может ослабить свое карающее действие, если ей, как злему духу, будут принесены своего рода жертвы... Государя императора, при этом, якуты называют Красным Солнышком» [23. С. 38].

В заключении Костров еще раз подчеркивает, что «русские обычаи не имеют никакого влияния на быт якутов, а напротив, язык и обычаи якутов во многих местностях Якутской области сделались всецело достоянием русского населения. Даже в самом Якутске старушки нередко толкуют между собою по-якутски. В обществе, между всеми классами, язык этот господствует, как в других местах недавно господствовал французский. Нет ни одного жителя, который не знал бы по-якутски. Да и не удивительно: в доме нянька – якутка, кухарка – якутка, работник, кучер – все якуты. Дитя, с появлением чувства слуха, поражается звуками якутского языка; поступая в исправление обязанностей гражданина, имеет дело по большей части с якутами. Здешний житель, от обращения с ними, нечувствительно перенимает все их обычаи и лучше говорить по-якутски, нежели по-русски» [23. С. 42–43].

В статье «Енисей на пространстве Минусинского округа» (1860) Костров обращается к осмыслению трансграничья в чрезвычайно ак-

туальном сегодня аспекте исторически сложившихся связей между Россией (Сибирью) и Китаем в приграничных областях. Ключевым здесь оказался политический смысл границы и трансграничья. Пограничный знак, поставленный на высокой горе пограничным комиссаром Е. Пестеревым в 1727 г. вследствие договора, заключенного чрезвычайным посланником графом С.Л. Рагузинским-Владиславичем с китайским посланником Церен-Ваном, разделяет пространство, в представлении Кострова, настолько принципиально на «свое» и «чужое», что сохранность этого и других пограничных знаков нужно было проверять ежегодно, в разные месяцы, что вошло в обязанность пограничных казаков. Показательным для Кострова является и тот факт, что первая речка, впадающая в Енисей в черте нашей границы, естественный рубеж России и Китая, была названа Пограничной.

При этом Костров обращает пристальное внимание на отношения пограничных казаков с саетами, китайскими монголами, тысячами кочующими по левому берегу Уса, по карте принадлежащему России. Казаки «ведут с ними довольно значительную беспошлинную торговлю, променивая им выделанные кожи, ножи, топоры, таганы и другие железные поделки и выменивая у них разные невыделанные звериные шкуры, дабу, китайку (хлопчатобумажные и шелковы ткани. – *И.А.*), иногда плохого сорта фанзы (китайское традиционное жилище. – *И.А.*) и китайский табак» [19. 1860. № 5. С. 18]. Необходимо обратить внимание на проводимую Костровым через весь очерк мысль о необычайном богатстве приграничного Минусинского округа, которое пока можно назвать только потенциальным, поскольку крайняя удаленность от Центральной России и отсутствие надежных путей сообщения не позволяют устанавливать с ним внутренние взаимосвязи. Обозначенный как принадлежащий России, округ остается абсолютно не освоенным, и даже отношения с близкими приграничными территориями Китая не развиты. Здесь ограничиваются, по сути, нелегальной торговлей между пограничными казаками и саетами.

В более позднем очерке «Торговые сношения Томской губернии с Монголией» (1876) Костров делает ведущим подход к трансграничью как к территории формирования нового пространства и новых отношений народов, его населяющих. В центре внимания автора – идея развития приграничных областей Томской губернии и северо-

западной Монголии. Цель очерка он усматривает в представлении «видов» на эту территорию в будущем.

Как всегда, предлагая читателю исторический обзор «торговых сношений жителей Томской губернии с пограничными монголами и китайскими караулами», начиная с первых опытов, которые «производились посредством калмыков-двоеданцев, кочевавших на границах двух империй и принявших в 1865 году русское подданство», Костров последовательно рассматривает все этапы этого процесса: «потом наши торговцы вошли в непосредственные отношения с монголами и китайцами, содержащими пограничные пикеты, и стали вести довольно оживленную торговлю в урочище Кош-Агач; наконец, в последнее время, русские торговые караваны стали проникать, уже вглубь Монголии, до городов Улясутая и Кобдо, а Кош-Агач остался только пунктом, где находятся склады русских товаров и откуда караваны выступают за границу» [24. С. 1].

Описываемые территории выступают пространством постоянного преодоления препятствий в стремлении соседствующих народов укрепить свою роль в жизни края и граничащих государств, определять их будущее, формировать их образ. «...Торговля была довольно выгодна, – отмечает Костров, – но она встречала препятствия к дальнейшему своему развитию, во-первых, в том, что китайские начальники пограничных караулов принуждали монголов уступать им свои товары для перепродажи русским с значительной надбавкою цен, а во-вторых, потому, что они, не получая, вследствие постоянных смут в Китае, исправно своего жалованья, брали русские товары в кредит и замедляли уплату, иногда же вовсе ничего не платили. Эти обстоятельства побудили наших торговцев выйти из такого зависимого положения и попытаться завести сношения прямо с ближайшими торговыми пунктами Монголии» [24. С. 2].

В условиях удаленности от Центральной России развитие торговых отношений сибирских губерний с граничащими государствами, считает Костров, есть мощный двигатель формирования трансграничья как нового во многих отношениях, кроме экономического, пространства, как своего рода, модель будущего. Так, например, очеркист пишет о необходимости прокладки колесных дорог на рассматриваемых им территориях. Следствием этого явится активизация не только торговли, но и миграции русского населения, «что

будет иметь весьма важное значение при водворении и развитии в этом крае земледельческой, мануфактурной и торговой промышленности. Ввиду этого Кабинет Его Императорского Величества согласился на колонизацию некоторой части Алтая, а именно левого берега р. Катунь и долины р. Чуи, но предварительно пожелал иметь подробные по сему соображения, с нанесением на карту как земель, предположенных в надел русским переселенцам, так и остающихся в пользовании калмыков» [24. С. 11]. С заселением долин Алтая переселенцами из России Костров связывает добычу и переработку полезных ископаемых края, на которые наблюдается большой спрос в той же Монголии и Китае.

Как видим, Костров мыслит системно, увязывая в один узел развитие экономики, политики, социологии и культуры как результат многоуровневого и системного взаимодействия трансграничных пространств. У автора очерка «нет ни малейшего сомнения, что правительство без задержания возвратит все издержки, употребленные на дело, имеющее целью распространение сбыта русских произведений за границу, следовательно, на дело, имеющее целью общегосударственную пользу» [24. С. 13].

Особый интерес представляет в связи с этим публикация Костровым «Проекта о завоевании части Китая», составленного колыванским и иркутским генерал-губернатором И.В. Якоби. Предваряя публикацию проекта (копию с которой Костров снял в 1850 г. в Красноярске) исторической справкой о Якоби, автор публикации так формулирует свою позицию в отношении данной личности и связанного с ним громкого процесса: «зачернил сибиряков в мнении правительства и чуть не в мнении всех русских». Однако документ (первая часть проекта, касающаяся русско-китайских границ) он считает нужным представить широкой публике как интересный с исторической точки зрения. Проект содержит предложения по расширению российских границ с Китаем с использованием военной силы. Никак не комментируя опубликованный документ, Костров так завершает свою статью: «Таков в главнейших чертах проект генерал-губернатора Якоби о завоевании части Китая. Был ли он представлен когда-нибудь на усмотрение правительства или остался в бумагах писавшего его, нам неизвестно. Во всяком случае, в истории наших сношений с китайскою империей, этот проект не должен быть обойден молчанием» [25. С. 9].

Таким образом, очерки Кострова, посвященные проблемам трансграничья в Сибири, вписываясь в контекст современных ему исследований, со всей очевидностью показывают значимость для анализа не самого по себе трансграничного региона, а механизмов влияния данных пространственных условий, проистекающих из особенностей климата, географического положения, исторического развития, на поведение людей, проживающих, мигрирующих в этих территориях. Конкретизируя проблему закладываемых в очерках Кострова стратегий осмысления трансграничного региона, следует прежде всего отметить его внимание к формированию, развитию трансграничных пространств, что востребовано и актуализировано в рамках современной социологии пространства и культурной географии¹. Алгоритм постановки проблемы и ее осмысления, предлагаемый Костровым (с учетом очерковой природы его статей, ориентированной на широкого читателя), включает в себя, во-первых, репрезентацию эмпирического материала о трансграничном пространстве, часто собранного самим очеркистом во время поездок по Сибири или почерпнутого им из авторитетных источников. Во-вторых, трансграничные пространства типизируются и классифицируются Костровым благодаря использованию определенной системы знаков (символов, концептов): река, дорога, граница, горы и т.д. Главное место в очерках Кострова занимают практики трансграничных взаимодействий в связи с тем, что трансгранижье рассматривается автором не столько в качестве географического и геополитического пространства, сколько как место

¹ Сегодня представляются чрезвычайно актуальными, в частности при изучении трансграничья, идеи британского исследователя Дж. Ло, ориентированные на изучение именно подвижности и изменчивости социальной упорядоченности на уровне одной или нескольких общественных групп, акторно-сетевая теория, предполагающая включение материальных объектов в социологические рассуждения и отчасти пересекающаяся с метафорой «социального поля» П. Бурдьё, что открывает перспективы взаимодействия в исследованиях трансграничных территорий социологических подходов с семиотическими и смену угла зрения на объект исследования: трансгранижье как гетерогенный мир, сохраняющий свои свойства при деформации и трансформации. Исследование трансграничного пространства в движении, техническая его составляющая, столь интересующая Дж. Ло в его социологических исследованиях, вероятно, не могло бы начаться без изучения движения в трансграничном мире, что и являлось предметом осмысления Кострова.

локализации социокультурных связей и взаимоотношений жителей трансграничья, позволяющих выстраивать диалог культур и вместе с тем сохранять свою идентичность.

В целом можно утверждать, что Н.А. Костров внес заметный вклад в начальный этап формирования методологии исследования трансграничья на сибирском материале. Этот этап отличался сосуществованием уже апробированных западно-европейскими исследователями и учеными из Центральной России подходов и новых теорий. Так, он органично объединяет историко-географический и отчасти политико-экономический подходы с антропологическим, укрепляя понимание трансграничных территорий как социокультурных явлений, находящихся в постоянном изменении, развитии, усматривая в этом существенные черты сибирского трансграничья и, соответственно, акцентируя междисциплинарный подход к их осмыслению и репрезентации.

Литература

1. Александренков Э.Г. Концепции зарубежной этнологии: Критически этюды. М., 1976. 213 с.
2. Глухова Т.И. Диффузионизм как модель интерпретации феноменов культурного взаимодействия // Вестник Университета Российской академии образования. 2014. № 5. С. 110–113.
3. Наймушина А.Н. Закономерности и фазы культурной диффузии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2014. № 164. С. 78–86.
4. Романова Н.П., Леконцева К.В. Трансграничный регион: эволюция теоретико-методологических подходов // Вестник ЗабГУ. 2013. № 6. С. 95–105.
5. Намсараева Т.Ц.-Е. Культурный капитал субэтнических групп метисного происхождения в условиях трансграничья : автореф. дис. ... канд. культурологии. Чита, 2016. 24 с.
6. Арзуманов И.А. Трансформация пространства религиозной культуры Байкальского региона в трансзиатском контексте (XX–XXI вв.). М., 2009. 347 с.
7. Кучинская Т.Н. Архитектоника социокультурного пространства Китая в условиях транснационального межкультурного взаимодействия РФ и КНР : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Чита, 2013. 42 с.
8. Колосов В.А. Политическая география. Проблемы и методы. Л., 1988. 190 с.
9. Герасименко Т.И. Трансграничные этнокультурные регионы: методологические подходы к изучению // Известия Русского географического общества. 2005. Т. 137, № 1. С. 73–83.

10. Розов Н.С. Феномен трансграничья в исторической и геополитической перспективе // Трансгранижье в изменяющемся мире: Россия – Китай – Монголия : материалы междунар. науч.-практ. конф. 16–20 окт. 2006. Чита, 2006. С. 109–113.

11. Гомбоева М.И. Социокультурная специфика Восточно-Забайкальского трансграничья // Трансгранижье в изменяющемся мире: Россия – Китай – Монголия : материалы междунар. науч.-практ. конф. 16–20 окт. 2006. Чита, 2006. С. 41–46.

12. Сергеев Д.В. Семантический подход к изучению трансграничья // Трансгранижье в изменяющемся мире: Россия – Китай – Монголия : сб. статей. Чита, 2010. С. 47–58.

13. Ярошенко А.В. Проблемные пути концептуализации трансграничья // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2010. № 152. С. 41–47.

14. Леконцева К.В. Интерпретация понятия «трансграничный регион через призму современной социологической методологии // Вестник ЗабГУ. 2013. № 8 (99). С. 60–69.

15. Трубицын Д.В. Трансгранижье как объект культурологического исследования: методологический обзор // Гуманитарный вектор. 2011. № 2 (26). С. 130–137.

16. Емченко Д.Г. Трансграничный регион как социокультурный феномен: дальневосточная модель : автореф. дис. ... канд. культурологии. Челябинск, 2011. 25 с.

17. Шевцов В.В. «Томские губернские ведомости» (1857–1917) в социокультурном и информационном пространстве Сибири. Томск, 2012. 414 с.

18. Васенькин Н.В. Князь Николай Алексеевич Костров и его архив в фондах Научной библиотеки Томского государственного университета // Труды омского областного краеведческого музея. Томск, 2000. Т. X. 47 с.

19. Енисейские губернские ведомости.

20. Костров Н.А. Обзор этнографических сведений о самоедских племенах, обитающих в Сибири. СПб., 1879. 17 с.

21. Костров Н.А. Образцы народной литературы самоедов. Томск, 1882. 36 с.

22. Костров Н.А. Путешествие д-ра Радлова через Алтай к Телецкому озеру и реке Абакану. Томск, 1881. 95 с.

23. Костров Н.А. Очерки юридического быта якутов. СПб., 1878. 43 с.

24. Костров Н.А. Торговые сношения Томской губернии с Монголией. Томск, 1876. 13 с.

25. Костров Н.А. Проект колыванского и иркутского генерал-губернатора Якоби о завоевании части Китая. Б.м. и б.г. 9 с.

Strategies for Understanding and Representing the Cross-Border Territories of Siberia in Nikolay Kostrov's Essays

Tekst. kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2020, 24, pp. 21–46

DOI: 10.17223/23062061/24/2

Irina A. Ayzikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wand2004@mail.ru

Keywords: Nikolay Kostrov, Siberia, border, cross-border territories, representation strategies.

The study is carried out within the state assignment of the RF Ministry of Science and Higher Education, Project No. 0721-2020-0042.

The article discusses the problem of understanding and representation of the cross-border territories of Siberia in Nikolay Kostrov's essays as laying a foundation for the theory and methodology of cross-border studies. The author analyzes descriptions of cross-border territories that are numerous in Kostrov's publications, Kostrov's ideas about the border, cross-border territories and their functions, the models and types of cross-border interactions Kostrov created, and the life styles of the population of these territories. The author proves that Kostrov's essays on the problems of the cross-border territories of Siberia fit into the context of the then contemporary studies and clearly show that it is mechanisms of influence of the spatial conditions of cross-border territories (resulting from the features of climate, geographical location, historical development) on the behavior of people living and migrating there, rather than the territories themselves, that are significant for analysis. Concretizing the problem of strategies for understanding cross-border territories laid down in Kostrov's essays, one should first note his attention to the formation and development of cross-border spaces, which is in demand and updated within the framework of modern sociology of space and cultural geography. The algorithm of stating and understanding the problem that Kostrov proposed (taking into account the essay nature of his articles intended for the general reader) includes: (1) representation of empirical material about cross-border space, often collected by Kostrov himself during his trips to Siberia or gleaned from authoritative sources; (2) typification and classification of cross-border spaces based on a certain system of signs (symbols, concepts): river, road, border, mountains, etc. Kostrov's essays mainly describe practices of cross-border interactions, for he sees cross-border territories as a localization of sociocultural ties and relations of residents of such regions, rather than as a geographical and geopolitical space. This allows building a dialogue of cultures and preserving one's identity. In general, it can be argued that Kostrov made a significant contribution to the initial stage of the formation of the methodology for the study of cross-border territories on the Siberian material. This stage was characterized by the coexistence of approaches already tested by researchers from Western Europe and Central Russia and new theories. In particular, Kostrov organically combines historical-geographical and partly political-economic approaches with anthropological ones. He thus strengthens the understanding of cross-border territories as sociocultural phenomena that are constantly changing and developing (and these are the essential features of the Siberian cross-border region according to Kostrov), and, accordingly, emphasizes the significance of an interdisciplinary approach to their understanding and representation.

References

1. Aleksandrenkov, E.G. (1976) *Kontseptsii zarubezhnoy etnologii: Kriticheski etudy* [Concepts of Foreign Ethnology: Critical Studies]. Moscow: Nauka.

2. Glukhova, T.I. (2014) Diffusionism as a model of phenomena interpretation of interaction in culture. *Vestnik Universiteta Rossiyskoy akademii obrazovaniya – Herald of the University of the Russian Academy of Education*. 5. pp. 110–113. (In Russian).

3. Naymushina, A.N. (2014) Zakonomernosti i fazy kul'turnoy diffuzii [Regularities and phases of cultural diffusion]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 164. pp. 78–86.

4. Romanova, N.P. & Lekontseva, K.V. (2013) Transgranichnyy region: evolyutsiya teoretiko-metodologicheskikh podkhodov [Transboundary region: evolution of theoretical and methodological approaches]. *Vestnik ZabGU*. 6. pp. 95–105.

5. Namsaraeva, T.Ts.-E. (2016) *Kul'turnyy kapital subetnicheskikh grupp mestnogo proiskhozhdeniya v usloviyakh transgranich'ya* [Cultural capital of sub-ethnic groups of mestizo origin in cross-border conditions]. Abstract of Culturology Cand. Diss. Chita.

6. Arzumanov, I.A. (2009) *Transformatsiya prostranstva religioznoy kul'tury Baykal'skogo regiona v transaziatskom kontekste (XX–XXI vv.)* [Transformation of the religious culture space of the Baikal region in the trans-Asian context (the 20th – 21st centuries)]. Culturology Dr. Diss. Moscow.

7. Kuchinskaya, T.N. (2013) *Arkhitektonika sotsiokul'turnogo prostranstva Kitaya v usloviyakh transnatsional'nogo mezhkul'turnogo vzaimodeystviya RF i KNR* [Architectonics of the sociocultural space of China in the context of transnational intercultural interaction between the Russian Federation and the PRC]. Abstract of Philosophy Dr. Diss. Chita.

8. Kolosov, V.A. (1988) *Politicheskaya geografiya. Problemy i metody* [Political Geography. Problems and Methods]. Leningrad: Nauka.

9. Gerasimenko, T.I. (2005) Transgranichnye etnokul'turnye regiony: metodologicheskie podkhody k izucheniyu [Cross-border ethno-cultural regions: methodological approaches to the study]. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 137(1). pp. 73–83.

10. Rozov, N.S. (2006) [The phenomenon of transboundary in the historical and geopolitical perspective]. *Transgranich'e v izmenyayushchemsya mire: Rossiya – Kitay – Mongoliya* [Transboundary in a changing world: Russia – China – Mongolia]. Proc. of the International Conference. October 16–20, 2006. Chita. pp. 109–113. (In Russian).

11. Gomboeva, M.I. (2006) [Socio-cultural specificity of the East Transbaikal transboundary]. *Transgranich'e v izmenyayushchemsya mire: Rossiya – Kitay – Mongoliya* [Transboundary in a changing world: Russia – China – Mongolia]. Proc. of the International Conference. October 16–20, 2006. Chita. pp. 41–46. (In Russian).

12. Sergeev, D.V. (2010) Semanticheskiy podkhod k izucheniyu transgranich'ya [Semantic approach to the study of transboundary]. In: Gomboeva, M.I. & Markova, O.A. (eds) *Transgranich'e v izmenyayushchemsya mire: Rossiya – Kitay – Mongoliya* [Transboundary in a changing world: Russia – China – Mongolia]. Chita: Transbaikal State Pedagogical University for the Humanities. pp. 47–58.

13. Yaroshenko, A.V. (2010) Problemnye puti kontseptualizatsii transgranich'ya [The problem ways of conceptualizing a cross-border area]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 152. pp. 41–47.

14. Lekontseva, K.V. (2013) Interpretatsiya ponyatiya “transgranichnyy region” cherez prizmu sovremennoy sotsiologicheskoy metodologii [Interpretation of the concept of “cross-border region” through the prism of modern sociological methodology]. *Vestnik ZabGU*. 08(99). pp. 60–69.

15. Trubitsyn, D.V. (2011) Transborder Area as an Object of Cultural Studies: Methodological Review. *Gumanitarnyy vector – Humanitarian Vector*. 2(26). pp. 130–137. (In Russian).

16. Emchenko, D.G. (2011) *Transgranichnyy region kak sotsiokul'turnyy fenomen: dal'nevostochnaya model'* [Cross-border region as a socio-cultural phenomenon: The Far Eastern model]. Abstract of Culturology Cand. Diss. Chelyabinsk.

17. Shevtsov, V.V. (2012) “*Tomskie gubernskie vedomosti*” (1857–1917) v sotsiokul'turnom i informatsionnom prostranstve Sibiri [“Tomskie gubernskie vedomosti” (1857–1917) in the Sociocultural and Information Space of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.

18. Vasenkin, N.V. (2000) Knyaz' Nikolay Alekseevich Kostrov i ego arkhiv v fondakh Nauchnoy biblioteki Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Prince Nikolai Alekseevich Kostrov and his archive in the funds of the Scientific Library of Tomsk State University]. In: Yakovlev, A.Ya. (ed.) *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [Proceedings of the Tomsk Regional Museum of Local Lore]. Vol. X. Tomsk: [s.n.].

19. *Eniseyskie gubernskie vedomosti*.

20. Kostrov, N.A. (1879) *Obzor etnograficheskikh svedeniy o samoedskikh plemenakh, obitayushchikh v Sibiri* [Review of ethnographic information about Samoyed tribes living in Siberia]. St. Petersburg: The Panteleev Brothers.

21. Kostrov, N.A. (1882a) *Obraztsy narodnoy literatury samoedov* [Samples of Samoyed folk literature]. Tomsk: Tomskaya gubernskaya tipografiya.

22. Kostrov, N.A. (1881) *Puteshestvie d-ra Radlova cherez Altay k Teletskomu ozeru i reke Abakanu* [Dr. Radlov's journey through Altai to Lake Teletskoye and the Abakan River]. Tomsk: Tomskaya gubernskaya tipografiya.

23. Kostrov, N.A. (1882b) *Ocherki yuridicheskogo byta yakutov* [Essays on the legal life of the Yakuts]. St. Petersburg: V. Kirshbaum.

24. Kostrov, N.A. (1876) *Torgovye snosheniya Tomskoy gubernii s Mongoliej* [Trade relations of the Tomsk province with Mongolia]. Tomsk: [s.n.].

25. Kostrov, N.A. (n.d.) *Proekt kolyvanskogo i irkutskogo general-gubernatora Yakobi o zavoevanii chasti Kitaya* [The project of the Kolyvan and Irkutsk Governor-General Jacobi about the conquest of a part of China]. [s.l., s.n.].

Т.А. Демешкина, М.А. Толстова

КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ В ЖЕНСКОМ ДИАЛЕКТНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ)¹

Аннотация. В статье описывается коммуникативная стратегия самопрезентации в женском диалектном дискурсе. Источником послужили устные автобиографические рассказы, записанные в процессе диалектологических экспедиций, в период с 1946 г. по настоящее время в районы распространения русских старожильческих говоров Среднего Приобья. Рассмотрены две тактики стратегии самопрезентации: тактика передачи объективной информации и передачи субъективной информации. Их вербализация осуществляется с помощью разнородных языковых средств. Выявлено, что положительная самопрезентация связана с моральной составляющей, отрицательная – в большей степени с физической. В процессе реализации стратегии самопрезентации женщины демонстрируют соответствие сложившимся социальным нормам и жизненным принципам, принятым в сельском обществе.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия, самопрезентация, гендер, дискурс, диалект, говоры Среднего Приобья.

Последние десятилетия в отечественной науке отмечены большим количеством работ, посвященных вопросам самопрезентации языковой личности. Данные исследования проводятся психологами, социологами, историками, культурологами и лингвистами.

Самопрезентация понимается как способ управления впечатлением [1, 2], как социальная самость [3], самоподача [4, 5], представление желаемого образа аудитории [6, 7], манипуляция [8] и т.д.²

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-312-90046 «Экспликация разных типов самоидентичности в женском диалектном дискурсе».

² Более подробно см.: Журавлева И.А. Феномен самопрезентации личности в психологии // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2012. № 13. С. 248–253.

И. Гоффманом самопрезентация рассматривается как общая особенность социального поведения, как постоянный процесс предъявления Я-информации, который изменяет свой характер (осознаваемый / неосознаваемый) в зависимости от целей индивида – субъекта самопрезентации и специфики социальной ситуации [1]. По мнению О.А. Пикулёвой, «общаясь с окружающими, человек использует широкий спектр тактик и стратегий самопрезентационного поведения. Какие-то тактики используются нами осознанно для достижения конкретных целей, какие-то неосознанно, как реактивное поведение (обычно в рутинных для человека ситуациях)» [9. С. 69].

В настоящем исследовании самопрезентация рассматривается как коммуникативная стратегия, которая присуща любому виду общения и представляет собой демонстрацию человеком своих личностных характеристик [10]. Коммуникативная стратегия определяется как совокупность речевых действий, направленных на решение общей коммуникативной задачи говорящего (глобального намерения, по ван Дейку). Тактика описывается как одно или несколько речевых действий, которые способствуют реализации стратегии [11].

Самопрезентация тесно связана с понятием самоидентификации. В различных ситуациях стратегия самопрезентации может реализовываться отдельно от самоидентификации, совмещаться с ней или нейтрализовываться [12].

Изучению стратегии самопрезентации посвящены работы многих лингвистов. К настоящему моменту она была рассмотрена на материале следующих типов дискурса: массово-информативного [10], автобиографического [13], политического [14, 15], судебного [16], военного [17] интернет-дискурса [18] и др. Определено, что характер и содержание стратегии самопрезентации зависят от типа дискурса, в котором они воплощаются. Важное значение имеют такие параметры, как цель дискурса, жанровые характеристики, участники и контекст общения, форма коммуникации и содержательная составляющая. Большую роль играют социально-исторические и культурные факторы, так как человек, рассказывая о себе и своей жизни, осознанно или неосознанно выстраивает свой образ в соответствии с социальными установками и культурными ожиданиями (в том числе гендерными), является носителем и индикатором системы нравственных норм и ценностей определенной социальной группы.

Предметом нашего рассмотрения является вербализации коммуникативной стратегии самопрезентации в женском диалектном дискурсе.

Под женским диалектным дискурсом понимается гендерно маркированный тип диалектного дискурса. С одной стороны, он вбирает в себя все черты диалектного дискурса, с другой – имеет ряд особенностей, обусловленных гендерной принадлежностью субъекта дискурса.

Гендерно маркированные типы дискурса отражают специфическую женскую или мужскую систему ценностей, выраженную лингвистическими и экстралингвистическими средствами. Одной из составляющих женского или мужского дискурса является категория участников общения. Так, автор-женщина как участник дискурса проявляет своеобразие женской языковой личности и языкового сознания [19, 20].

Источником исследования послужили устные автобиографические рассказы, записанные в процессе диалектологических экспедиций, организуемых сотрудниками Томского государственного университета с 1946 г. по настоящее время в районы распространения русских старожильческих говоров Среднего Приобья. Всего было проанализировано 760 текстов. Информантами являются женщины в возрасте от 55 лет, рожденные с 1870 по 1954 г.

Анализируемые тексты характеризуются высоким весом самопрезентационного компонента, поскольку ситуация общения диалектолога и диалектоносителя детерминирует сценарий с определенным набором тем: это сообщения о дате и месте рождения, о семье, о возможных переездах, о событиях в личной жизни, о сферах деятельности, о детях, их судьбе, о жизни в настоящее время, об оценке своей жизни и каких-то событий. Развернутый ответ на просьбу диалектолога рассказать о себе и своей жизни неизбежно приводит к использованию стратегии самопрезентации в своем нарративе.

Стратегия самопрезентации актуализуется через набор коммуникативных тактик.

Описание тактик осуществляется в несколько этапов:

- 1) выявление и типологизация основных тактик стратегии самопрезентации;
- 2) анализ плана содержания тактики;
- 3) описание языкового выражения тактики.

На основе характера предоставляемой информации (наличие-отсутствие субъективного, оценочного компонента) в женском диалектном дискурсе выделяются ключевые тактики, посредством которых реализуется стратегия самопрезентации: тактика передачи объективной информации и тактика передачи субъективной информации. Тактика передачи субъективной информации представлена двумя разновидностями: передачей положительной информации и передачей отрицательной информации.

Рассмотрим их подробнее.

1. Тактика передачи объективной информации о себе.

Данная тактика предполагает передачу фактической информации логического характера, которая основана на фактах и сведениях: возраст, семейное положение, наличие / отсутствие детей, профессия, место жительства и т.п. [10]. Предоставление информации, как правило, спровоцировано конкретными вопросами диалектолога.

Языковые средства вербализации анализируемой тактики достаточно разнообразны:

1) числительные: *Монастырка, я и родилась в Монастырке в срок девятом году; Я родилась в тыща девятьсот тридцатом году, в деревне Иванкино, Колпашевского района, за Колпашево там;*

2) собственные имена существительные: антропонимы, топонимы: *А зовут меня Анистья Микитишна Войцеховская!; Я родилась не в Томске, я родилась в деревне, но сразу, вскоре переехали. [А в какой деревне?] Жарковка Шегарского района. Вот. Переехали в Томск;*

3) высказывания, в которых используется самоидентификационная формула – **имя (местоимение) + таксономический / характеризующий предикат**, которая выражает следующие типы самоидентификации информанта:

– Возрастная: **Я – молодая / старая / старуха / пожилая**: *Раньше, как чуть жаря, волосы ведь большие носили, не подстригали. Я вот старуха и то теперь не люблю, обрежу. А тод'а волосы не обрезали, волосы были большие; А теперь уже я старая, у меня зуб нет.*

Стоит отметить, что вербализация возрастной самоидентификации не всегда строится на основе базовых самоидентификационных формул. Высказывания, содержащие объективную информацию о себе, могут иметь различные модификации в исследуемых текстах. К подобным способам относятся случаи неявно выраженного на поверх-

ностном уровне самоидентификационного суждения, когда его приходится восстанавливать, исходя из содержания или связанной с ним контекстуальной / ситуативной информации. Возрастная самоидентификация автора может быть реализована через вербализацию оппозиции «молодость» – «старость», которая объективируется как при рассказе о современной молодежи, так и в воспоминаниях диалектоносителей о времени их молодости: *Но я была полная и здоровая, не то что высохла шишас. Эти места [щиколотки] потрескаются, больни'цев не было, намажешь со'лей и всё; В твои-то года' я была как кровь с молоком. Знашь как я осталась, как налито'чек, как девчонка.*

– Локальная: **Я местная, Я здешная / издешная, Я привезённая, Я деревенская**: *Муж у меня не местный, я местная. Я местная; Урожденка zde'шина я; Я привезённая сюда. Я в первом классе ишишо' была; Родилась в Зырянском. Малограмотная. Давно. Я zde'шина; Изде'шина. Дык у меня первый муж на фронте погиб; Я привезённая сюда. Я в первом классе ишишо' была; Она старенькая, конечно, с девятьсот шестого года, она в деревне росла тоже, да и я деревенская, господи, какая, в городе от, ну чё Колпашево, это большая деревня, а так я считаю себя деревенской.* Локальная самоидентификация реализуется через оппозиции «село» / «деревня» и «город», «местный» – «неместный», которые наделяются атрибутивными свойствами «своего» и «чужого»: *Хотела, в прошлом го'де заболела, меня увезли на Почтовый, я там месяц побыла – нет, я говорю, везите меня домой: я тут не могу в городе жить, мне надо деревню; [А где больше нравилось жить, в городе или в деревне?] Да мы приехали к деревне, нам кажется ши'бко в деревне хорошо. Потому что чё... не знаю, девять лет прожили мы в городе... Нет. Привы'кша, видишь. Родились мы тут и... поэтому нас сюда и тянет.*

– Профессиональная, представленная существительными – названиями профессий: *Всю жизнь я была бухгалтером, начиная с сорок первого года. Как война началась, в нашей деревне бухгалтера забрали в армию, и как я села на его стул, так до семьдесят седьмого года, до первого марта; Я конюхом была. У нас не спрашивали, что женщина работала, что мужчина. Лошадей двадцать было, бык был.*

В анализируемом материале частотны упоминания профессиональных достижений – женщины сообщают о различных статусах, званиях, наградах: *Вот такая жизнь!* Спасибо рыбзавод помогает,

открытки мне присылает к празднику. Я так рада, они меня как маленькую те'шут. Как пришлют, я деточкам похвастаюсь обязательно. Они мне каждый месяц премию давали – это когда я на рыбзаводе работала. Ну, я тоже старалась; Всё время работала. Наград много. Я **ветеран труда**, да трудовая книжка не вся исписана. Я ещё до этого работала на лесозаготовке, а так всё на производстве; В двенадцать лет, десять-двенадцать лет я... мы уже ходили на работу. В колхозе мы ходили пололи посевы. От... осота рвали руками, дёргали, вот. Вот у нас старшая дево... это, ну, сестра моя на два года, мы с ней вместе ходили работать. Мы заработали за одно лето, **нам почётные грамоты дали**, мы по триста трудовней заработали; Были, у меня **всё есть, и премии, и медали есть у меня, и эти, почётные грамоты. Орден**, у меня **орден есть один; Благодарственное письмо**, откуда, не знаю. Света, ещё одну, наверно, достань, там не все тут. Это тоже вот **грамота**... Вот обо мне тут стихотворение, прочитайте тут. [Какую, мам?] Доставай, я найду. Читайте, вслух. [Читают стихотворение.] Это женщина одна писала стихотворение. А это дети. Может, Светлана... эта Елена взяла, на какой-то взяла... [Ой не знаю, не знаю. Все тут. Какие тебе давать-то?] Ну давай этот. [А вот тут у тебя ещё какая-то тетрадь.] Вот, где **грамот-то** полно. [Вот ваш хор.] Ну подай этот, пусть смотрят.

– **Семейно-клановая**: Два правнука. Они правну'ки, а я бабушка, это от дочерей внуки, а таких внучат шесть или восемь, а правнуча'ты двое и я прабабушка.

– **Гендерная**: А получили по пейся'т, пейся'т шесть рублей, даже мужчины по полсотни рублей получали. А я женщина семьдесят семь.

– **Религиозная**: Я верующая, я в бога верую, я молюсь всегда в церкви. В Парабе'ли церковь убрали, я езжу в церковь в Тогу'р; Я церковь-то не ходила, а верующая; [Скажите, а вы в приметы верите?] Я не... не знаю как... Приметы – какие приметы? Я – человек верующий, я Богу верю. Так что... нет.

Таким образом, проанализированная тактика служит средством актуализации разных видов самоидентичности.

2. Тактика передачи субъективной информации.

Данная тактика содержит оценку респондентом своих внешних данных, черт характера, интеллектуального уровня, жизненного опы-

та, описание эмоционального состояния, интересов, демонстрацию аттитудов (Дубских, 2008).

Чаще всего речь идет о позитивной самопрезентации, однако не исключена и цель создания неблагоприятного мнения о говорящем субъекте. Поэтому в рамках данной тактики мы выделяем две ее разновидности: передача положительной и отрицательной информации о себе.

1. Передача положительной информации о себе.

Положительное впечатление о себе в женском диалектном дискурсе эксплицируется через создание достойного в представлении информанта образа, соответствующего социальным и морально-нравственным нормам.

Важнейшей нравственной ценностью и источником уважения в традиционной культуре является труд, который выступает критерием оценки жизни человека в целом: *Ну и слава богу, прожили. И я нисколько не эта говорю, что ишишо' бы мне охота пожить. Я прожила хорошо. Я работала честно, отработала хорошо. Никогда' меня никто не ругал. Я ни разу не пропьянствовала, всегда на работе. Много лет в столовой работала, в нашей, в той, кода' комплекс этот строили, у нас там деревя'нна была столова, триста с лишним человек кормили, работали. Дополна. На кострах варила там трактористам. В общем, я работала много.* Позитивный образ создается и за счет отрицания негативных характеристик: *А раньше на курорты съездила, поощрили меня, я хорошо работала. Никогда не было замечаний за мной, никогда.* К своим положительным качествам информанты относят ловкость и выносливость в работе: *Я смолоду ешишо' така' работя'шиная была, всё в руках горело. Меня за это и дома любили, и свёкор со свекру'хой не забижа'ли. Больно уж я ладная была да за работой ловкая. Но'нче-то девки не ши'бко работают. Мне мать всё говорила: «Отдыхни', доченька», а я уж пока своё не сделаю, ни за что не присяду, и в голове у меня этого нет. И у мужа в дому' всё сама посде'лала. В войну заме'сто мужика сама работала, борону за собой таскала.*

Анализ материала показал, что женщины демонстрируют следующие черты характера и жизненные принципы:

– Честность, порядочность, спокойный нрав: *Потому и в буфете работала. Мне всегда говорили: «Ничё себе не бери, а береги детей».*

Я сколько работала, кусочка лишнего не взяла; Ну это обман, это тоже, это ведь не хорошо. Он всё равно там видит. Это обманом ничего не сделаешь. Вот Вера у нас Палкина. Она же тоже по благу получила. Пух дала и этой врачихе, она ей сделала инвалидность. Ну зачем это? А я ей в глаза сказала. **Я неправды не люблю.** Я вот это место ей на лавочке сказала. Я ей сказала: «Молчи, Вера». Я говорю, я знаю, ты за чё получила, говорю, инвалидность. Молчи лучше, говорю, лучше, вот так вот. Не ругаюсь, ничё. Я не ругалась, просто сказала; Каждый квартал премию получала, значит, в тот период считали, что хороший работник. **Ни с кем не скандалила, не спорила...** Ну на работе, конечно, ко мне относились очень хорошо, я с людьми умела работать.

– Чистоплотность: А я была такая **чистюля**, я и вот от ро'ду, не то что хваюсь, это истинно правда вот. Так она молодец – чистю'нька; Я такая **чистю'лечка**, что только вот вымою, приду, они мальчишки – настроят.

– Умение шить, вязать, вышивать, ткать: Теперь никто ничё не делают: не шьют, не вышивают. **Я мастерица была.** Выбивка – это сейчас называют шитье', вышитое.

– Гостеприимство: Ко мне вообще они ходят и в кино все сюда ходят. Многие и всё чай пьём. И никогда никто не уходит без чая. У нас все дружные здесь бабки. Вот так вот. У нас одна здесь: никогда не посо'дишь чай пить. Я грю, ну едри'т твою мать, да это что такое за человек. Я вообще люблю к кому приду, хоть вот сыта. Мене скажут садись чай, я обязательно чай выпью, но я исть не хочу, но я чай-то выпью. **Я не люблю таких людей. Я люблю, чтобы ты поел и я всегда... Я никогда без чая не отпущу.** Меня хоть кто придёт. Чужи'... У меня много очень знакомых. Много...; Надя у меня хорошая девушка, хорошая. У неё тоже подруг всегда полно. А отец – он скупой. Он не любит меня: какая ты простова'тенькая. И ты вся в мать, гыт, уродилась. А я, грю, это хорошо. Я, грю, **если я человека чаем напою, мне оттуда Бог даёт.** Я грю, я голо'дна никогда сидеть не буду.

– Отрицательное отношение к алкоголю: От водки столько погибло. Э-эй! Ну и при нас же она была, а не пили так. На производстве соберёмся, погуля'шь немного, попляшешь. **Я в рот не беру, а живу, не померла ещё.**

– Соответствие внешнего вида принятым социальным нормам: **Я очень хорошо голову свою носила.** Раньше ведь было позорно с длинными-то волосами перед людьми ходить, да и перед своими тоже. Я ма'ленька помню ещё была, эту Библию взрослые читали, и мы с матерью тут сидели, и написано там, что будут девицы ходить по улице, и будут девицы бесстыдные ли'цы. Как волосы сейчас носите. А мне тогда шибко странно было это слышать, даже страшно немного. Раньше платок после бани носишь, пока не расчешешь. Даже перед своими не смеешь безголовой пройти.

Демонстрация жизненных ценностей и принципов осуществляется в женском диалектном дискурсе через положительную характеристику близких родственников. Так, например, достойное поведение детей представляется результатом правильного воспитания их информантом. Так, важная ценность, передающаяся в процессе воспитания детям, – получение образования. Позитивно оценивается воспитание любви к труду, передача умений, практических навыков: **Я хоть сама и неграмотна, но всех детей своих повьучила.** Ну, думаю, повьучу всех. Я знаю, что я умная, да вот записать-то ничего не умею. И ум-то потому не к месту; **И муж, и дети у меня всегда чи'сты ходили.** У меня этого не было, чтоб грязь. И в дому' всегда прибрано было. **Я и ребятишек к порядку приучила.** Всё они у меня делали и сейчас в колхозе хва'лют, **что всё умеют делать.** Раньше трудно было жить, а тапе'рь лучше жить. Установи'лась жисть хорошая, помира'ть не захочешь никак; Детей? [Ну, ваших. Может в строгости, как ваша мама?] Да-а. [Да?] Да. В строгости. Вот эта вот внучка залезла ко мне на... на эту самую, на койку. Правнучка уже, у меня дети никогда не лазили на койку. Раньше был, были диваны такие, круглые подлокотники такие были, тута полочки. Вот у меня стояла, эта самая, стоял диван, всё беленькое было. Не такие... вот... всё это, и вышивки все были. И чтоб у меня ребёнок залез на этот диван [смеётся]! Я не разрешала. **Дети мои не лазили, это самое. Чтоб за собой всегда всё убирала.** Вот в школу ходили уже, Маринка, конечно, она уже на десять лет моложе Вовки младшего. А вот Нина с Вовкой, у нас они приходят из школы, они снимают форму с себя, вешают на плечики. В шифонер не достанут, дак с той стороны был такой кручо'чек. Они это всё вещи положили. **Чтобы вещи и'хние когда валялися, я не, это самое, никогда.** [С правнучкой уже не так строго?] А? С пра-

внучкой я... Ну я всё равно, я ей сказала: «Вероника, на койку нельзя лазить». Она так на меня посмотрела [смеясь], а я это... Стоит мать её и говорит: «Вероника, ведь баба нам никогда не разрешала на койку»... внучка. Никогда на койку не разрешала. И даже свекровка говорила мне: «Ты не любишь детей». Что ты... я так, это самое, с детьми. Я говорю: «Неправда». Я детей очень любила. Я вот маленькой, девчонкой была, я нянчилась, я сколько там детей вот, ну... там кода мы жили. Столько детей там по это... Де... Ребятишки бегают, играют, а я с деть'ми сижу. Мне вот охота было с детьми сидеть, нянчиться с ними; Вот, мы сошлись с им хорошо жили, на нас все завидовали, что мы хорошо живём. У нас ребятишки уже пошли. Ребятишки пошли в школу. **Дети учились хорошо. Мы всегда были в хороших родителях, что дети наши учились хорошо.** Мы за детей никогда', ни за одного, у нас уже Вовка, пацан пошёл, не хулиганистый был. Все равно хвалили, что учился хорошо.

Наличие патриархальных установок, согласно которым женской сферой является дом и связанные с ним повседневные работы – стирка, уборка, приготовление пищи, демонстрируют высказывания, в которых информанты рассуждают о **женской доле**: *А стирать-то некогда даже было. Вот по ночам даже стирать приходилось. Корзину белья мокрого накладёшь и та'шьишь домой, тяжело шибко, а тащишь. Куда ж денешься, така' уж наша женская доля. Мужики то целыми днями в поле рабо'тат, а у меня-то и мужика не было, всё сама делала, мать помогала, а потом уж и сами дети выросли, помогать стали* (Шег. Бат., 1986, 1913); *Ва'рево – это слово повседневное, частое. «Опять наступило вареве». Это значит: «Ой опять готовить надо: варить ли, жарить – хлопотать». Такова наша доля женская, бабья: ва'ришь, па'ришь каждый день божий* (Верх. Б. Яр., 1979, 1927).

Рассказывая о себе, своих жизненных принципах, женщины приписывают эти качества другим людям – представителям «своего» поколения, тем самым демонстрируя принадлежность к определенной социальной, статусной или возрастной группе, создают впечатление соответствия норме (**как все, все такие были**): *Я жила в общежитии, ну, как и все. Ходили там на танцы. Была как-то тихая такая, скромная... Ну, как бы [смеётся] сейчас я бы уже такой не была...*

Потому что и все мы были такие; Работали как все, чё... Вот и, вот так мы жили, перебивались кой-как.

Сравнивая «своё» поколение с современным, информанты отмечают изменение принципов, ценностей и черт характера.

Так, поколение информантов представляется в рассказах:

– Более работоспособным и выносливым: *Работали много. Вы танцую учитесь, а мы раньше молотили, да коноплю рвали; Летом работали день и ночь. А сейчас. Он литовки держать не умеет.*

– Более смелым: *Сночехо'й ездили на покос. На лошади пове'шашь, садишься верхо'м и едешь. Знаешь, как мы ездили верхом? Я вот, например, родила'сьзде'ся, в посёлке Толмачёво, и вот в Парабель всегда верхом ездили. Да ешио' с ребятами впогон'ку, кто обгонит. А теперь вас посади, вы и не сумеете, испуга'тесь. А мы не боялись. Только бы попалась лошадь – сейчас в стремя, там и поехали.*

– Менее раскрепощенным (о девушках): *Раньше лёлка за невесту ручается, что она честная. На лёлку хомут наденут, если соврёт. Раньше позор был, а счас без позору. Молодёжь бессовестная стала, ни уважению, ни приглашению; А вот пойдёшь, ты вместе и идёшь вместе – парень и девка – вместе мы все ходили. Ну и вот тут как-то и как познако'мисся и всё. И вот и начал, вот он ходит за тобой без конца: «Пойдём туда, пойдём сюда». Но такой не было истории, как сейця'с творится. Это бы я пошла в чужу' квартиру в кладовку с парнем спать. [Вот раньше же тоже были «плохие девушки»?] Да, были. [Вот какие они были?] Тоже также рожали детей, не замужем и рожали вот. Но их тогда', колхозные собранья были, их на собраниях ругали, и всё председатель, вся'ко; Ну чтоб рубаху видно было, мы бы **совестились**. Раньше совестливей были.*

– Уважающим своих родителей: *Тогда родителей почитали. Щас родителей не почитают.*

Положительное впечатление женщины пытаются произвести через описание преодоления трудностей, с которыми пришлось столкнуться в жизни, характеристику своей жизни как трудной, тяжелой: *Я работала на лесозаготовках, когда ишо' была молода. В войну досталось мне. Вся юность наша была в лесу. И учиться не пришлось, всё война покалечила; Вот и но'нче соберёмся со старухами, да говорим, чётало': раньше молоды' были, – **жисть была шибко тру'дна**, а тапе'рь жисть вроде ле'кче, дак опять старось поджима'т; Чё и говорить, миленька,*

плохо, ох и плохо пришлось. *Тапе'рь у нас совхоз, а тоды' ой как плохо жили!* Убили сына, коды' война была, так и вовсе худо стало. Людей всё в армию забирали. *Е'то тапе'рь вно'го жителей, оне' тутошние все, а коды' война была, половина на фронт забирали.* Счас хорошо, правды. *Ну тоды', до войны, тоже хорошо жили, только тяжело работали.*

Достойный образ формируется при отрицательной оценке или осуждении поступков и моральных качеств других людей, тем самым демонстрируется отсутствие данных качеств у себя: *Она така' рас-трёна, ходит как попало: здесь петелька есь, пуговки нету, здесь пуговка есь, петельки нету. Некуды'шина, растрёна шибко; Сноха моя – у неё муж утонул – без очереди в магазине лезла, а ей сказали, что без очереди, так она всех обстраи'ла, страмовка и всё; Живёт сын хорошо, правда безденежно, да тапе'рь все так в городе живут. Говорила ему приежжа'йсюды', хату, корову заведёшь, свиней да и жили бы припеваючи. А что? Нет. Потому что сноха городска' кака'-то. Ехать в деревню не хочет. Она сюды'-то приедит с им на отдых и то бои'тса переломи'тса. Мало что помога'т. Хочь бы побелила. А пол мыть начнёт – срам единый. Я уж ему говорила, что, говорит, мамаша, у нас кака'-то палка, там у их есь, вот они и моют палкой пол. С ума посжива'ли люди.*

В следующих фрагментах женщины демонстрируют ценности, связанные с отношением к своим детям: *Вот так и жила всё, моя ягодка, и детей растила. Я осталась одной в двадцать шесть лет. И не запилась, и замуж не выходила. Вот. Всё детей растила. [А почему замуж не выходили?] А, ду'машь, что их обидит. У нас у снохе вон за стеной. Осталось одна она рано-то. У неё двое детей осталось, а она какого-то взяла. А Надежда у меня всё: «Мама, возьми папу! Мама!». А четыре года у неё. Осталась с войны. «Надька! Куды' мы с папой-то». Потом чё, пошла, они обедали. Она ему молока поставила, у неё корова же была, доилась. А им простокваши налила. А меня досада взяла. Думаю, меня'т детей на мужа. Вот пришла и говорю: «Надька, ты больше не напоминай папу». Я говорю: «Вон она Зойку да Серёжку перстроки'шей вперёд ему не даёт. Вот когда он молоко выпьет, тода' он вместе с ими перстроква'шу будет хлебать. Не поминай, – я грю. – И с тех пор не заходи!»; Вот соседка моя, кото'ра на председателя вам жаловалась, всю жизнь не рабо-*

тала: один у её сын, так разве она его ро'стила? Роди'ла и бросила, сама за мужиками побе'гла. И работать не работала. Два-три года ежели она работала – так е'то ещё хорошо; Полюбили друг дружку и сошлись [о замужестве]. Четыре года девять месяцев прожили и – война. Ушёл на фронт и погиб. Я замуж больше не пошла, детей не захотела изменять. У меня три сына было.

К языковым средствам реализации тактики передачи положительной информации о себе относятся:

– Лексические единицы, выражающие положительные качества и характеристики информанта: слова с оценочными семантиками, метафоры, сравнения: **Я как белка лазила. С кедры' на кедру' переходила. Так и доставала шишечки; Трудилась как та пчёлка. Сеяла, семь лет вручную сеяла.**

– Существительные с ласкательными суффиксами: **Я такая чистю'лечка, что только вот вымою, приду, они мальчишки – настругают.**

– Существительные, наименования различных статусов, званий, наград: **Были, у меня всё есть, и премии, и медали есть у меня, и эти, почётные грамоты. Орден, у меня орден есть один.**

– Слова-усилители оценочных смыслов: **очень, шибко, вообще, как, какой, такой, уж**, призванные обозначить высокую степень выраженности какого-либо признака: **Всё есть, но ничего не можем сготовить, я очень люблю стряпать, угощать, а не могла тогда).**

– Высказывания с предикатом **хвалить**, отсылающие к чужому мнению об информанте: **Я всё и вывозила на своих руках. Этим вот я и пондра'вилась им всем, они уж меня ши'бко кругом потом хвалили на людях.**

– Высказывания с утвердительной модальностью, в которых употребляются наречия, указывающие на временной и пространственный охват: **всегда, везде**, что является утверждением ценностей, идеалов вне времени, вне пространства, носят родовой характер: **Мы всегда были в хороших родителях, что дети наши учились хорошо.**

– Высказывания, включающие сравнения, сопоставления, направленные на акцентирование своих особых умений и навыков: **Я кули в колхозе ткала. Никто не умел, а я умела; А раньше я на всё мастерица была. И ткала лучшие всех в селе, и пряла'. А уж какие скатёрки вышивала, дак загляде'нье. У меня их в город брали, смотреть увозили.**

– Высказывания, включающие оппозицию **раньше / тогда – сейчас / теперь**: *Ну, молодёжь были почётливые, родных уважали, отца-мать уважали, были скромные. Это вот как сейчас матерятся. А раньше, что ты.*

Таким образом, самопрезентация осуществляется прямым (через обращение к своим качествам характера, действиям) и косвенным (через описание качеств, свойств, оценки окружающих людей) способом.

2. Передача отрицательной информации о себе.

Тактика передачи отрицательной информации о себе в женском диалектном дискурсе представлена в меньшей степени. Как показал анализ материала, чаще всего она касается оценки качеств, не зависящих от субъекта и связанных с объективным течением жизни.

Наиболее частотной для женского диалектного дискурса является отрицательная оценка своего интеллекта, памяти, речевых способностей, внешнего вида, связанных с возрастными изменениями: **Какая я теперь собеседница!? Я уже говорить не могу. Что скажу – минута пройдёт, Я уже забыла, что сказала.** *Ну, и что вы будете записывать, что я говорю и потом что?.. Ну это целую книгу надо написать про мою семью, про историю. Одни... кому это нужно теперь [Сколько вам лет?] С первого марта пошло восемьдесят девятый год, вот мне сколько лет. Я роди'лась в двадцать четвёртом году. Это страшно слушать эту цифру. Я уже глухая и говорить не могу. Раньше собеседница была какая-то, ну... только начну говорить, и у меня развивается мысль, и всё, а теперь уже всё пропало. Вам это, конечно, не понять... вот, а сюда в тридцать первом году, куда' ссылали всех сюда. Сколько этих губернаторов, сколько, страшно говорить, сколько начальства пе'режито, и я уже их могу и не всех вспомнить; А. Ну, сё ремя тут живу. Тут родилась, тут и живу. Вишь какие мы грязные, страшные, стар'ры. Уж и на людей-то не похожи, чё тут с нами разговаривать-то? Ну, садитесь, чё хотели вы?; А я-то уже, ещё и глухая шибко. Близко-то [слышу]. Вот тута сижу, а они в этой комнате разговаривают, а говорят как не по-русски, я их не понимаю. Разговор слышу, но это... Дак дверь-то... **Попортились уши, попортились.** Не так уже слышу. И вот когда уже чё скажут, я уже: как? Чего? Знаешь, молодые-то не то, чтобы там, да ну тебя уже, привязалась. Покамест тебе, до тонкости не расскажешь. Всех замучу. Уже года, чё ж. Если бы было мне там пятьдесят лет, и то е'то уж, а ведь это восьмой десяток уж мне идёт. И вот*

так я подумано: уж долго я живу. Уж два десятка, их ещё не чувствуешь, а ведь это ж восемь, это только сказать! Это их прожить.

Отрицательно оценивается несоответствие социальным нормам, связанных с возрастом: *И вот чеча' шиеися'т лет. Семь детей у меня было, вобиз' десять у меня было, вырастила семь. Седьмой-то от в пятый класс ходит. Молодые не носят, а я **старая дура** на пятидеся'тым принесла.*

Необходимость соблюдения норм, принятых в обществе, доказывает частотность употребления лексических единиц **стыд**, **стыдно**, **позор** при реализации стратегии самопрезентации в женских автобиографических рассказах.

Причинами того, что женщины испытывает стыд за себя, могут быть:

– Несоответствие внешнего вида сложившимся нормам: *Нам бывало сколько было, ну лет по десять, а чё, давай ходить в этих, как их сейчас называют-то, купальники. А раньше-то их не было. Рубашки нижни были, оденешь, застегнёшь, во, купальники. **А дед как увидел, как попёр на нас. Так выдрал.** И больше чтоб так вышел в ограду, как сейчас выходют, **стыдно**. Вот я даже сейчас, уж наглядно всё так, всё равно я к этому привыкнуть не могу. Мы воспитаны не тем духом.*

– Неблаговидные поступки детей: *Так вот моя Татьяна с подружкой ночью залезли в огород к соседям. Решили они ягоду порвать, клубнику. А ночь тёмная, ягоды не видно. Они её больше не рвали, а топтали. Принесли домой поели зелёную, а шкурки от ягоды покидали домой на тротуар. Утром соседка приходит и жалуется мне, что кто-то ночью ягоды потоптал. Жалко ей. Говорит, говорит, а я гляжу, в углу двора ошкурки валяются. Она тоже заметила, но ничего не сказала. Ушла. Да, **стыдно было**. Девчонок своих отругала хорошенько, чтобы не повадно было лазить в чужие огороды.*

– Некоторые физиологические состояния, особенности: ***Потеряла я зубки. И, вроде бы, как сказать, и стыдно про них говорить.** И где положила, не помню, куда, но у меня никто никогда не видел их. Никогда, я их никогда не показывала, потому что как бы ну чтоб меня не забре'зговали, ничё. Всё уже выискала, нигде нет; Он на тринадцать лет был старше меня, на четырнадцать. Ну и что, конечно, как Вам сказать... **Мне и стыдно говорить это... И забеременела я.***

А мне уже было, когда это пришло, четыре зимы работала, на кирпичных двенадцать лет работала.

Негативную оценку получает принадлежность информантов к сельской культуре, низкий уровень образованности, отсутствие квалификации, профессии.

При общении с диалектологом женщины характеризуют отрицательно себя как жителя деревни: **Я? Проста работница, крестьянка, да и всё. В деревне чем работаешь, чё придётся, то и работаешь; Вижу, как молочко переливается, а таперь погляди – мы уж, говорит, прилетели. С солнышком прилетели, а буран был, <сосветный> буран. Дура деревенска, не видывала, не слыхивала ничего.**

Негативная самооценка также связана с неграмотностью, отсутствием образования: **Я неграмотна, ни холера не знаю. Я кака'-то бестолкова.** В то же время женщины стремятся объяснить свои высказывания и поступки для того, чтобы избежать негативных оценок. Так, например, информанты ссылаются на внешние обстоятельства, рассказывая об отсутствии образования из-за бедности, необходимости работать с раннего детства: **Да ведь ребяташики большие стариков теперь знают, учутся все. Учителя для них приезжают, по классам всё разделёно. А нас обучили чуть буквы читать, вместе всех учили. Да и время не было ши'бко учиться, работать надо было. Дак чё знала, всё перезабыла; Я сама неграмотная, некогда было грамоте в наше время учиться. Сама-то я в колхозе всю жизнь проработала; За мной к тятё приходили, говорили, что учи'ца надо, а в школу-то ходить нам в чём было... Неграмотная я. И дома, и в колхозе работала. Туда пошла пятнадцать лет было мне. Косила, жала. Все на себе таскала, дрова рубила. Всё делала; Неграмотна. Ни одного класса не кончала. Чё в школу ходить, прясь, ткать, холсты надо; Поучились, семь классов кончила, поступить никуда не поступила. Може быть, я училась хорошо, мо'же быть поучилась бы, так ничё, грамота мне шла. Жить в городе негде было. Папа у нас умер накануне войны, в сороковом году. Нас было четверо детей, маме было трудно, в о'бшэм, я осталась в деревне. Но, чё в деревне? Работа началась, моло'деньки начали работать, работа тяжёла, война, жить тяжёло, трудно, голодно, холодно. Но пережили, слава богу, всё; Учутся оба хорошо, сама неграмотна, своих родителей ругаю. Они меня не учили.**

Некоторые поступки в прошлом женщины оправдывают возрастом, неопытностью: *Замуж вышла, молодая была, дура... Надо было сперва узнать, какой характер, какой чего, а потом выходить. Вот так, девчонки. Так узнавайте, испытывайте их, суков таких; Ну, были. Ну, делали. Нет, аборт, мне это делали тут, я соврала, только довыскребали раз.* [Ну, так называют.] *Молодыми нормально были, а щас карьер, ой, вот дура-то была молода. Жизнь-то как было? Ничё негде взять, ничего.*

К языковым средствам реализации тактики передачи отрицательной информации относятся:

1) лексические единицы, выражающие отрицательные качества и характеристики информанта: оценочные номинации: *Я вот прошлый год, дура, отдала его*; прилагательные: [А можно сфотографироваться с вами?] *Ну, пожалуйста.* [Спасибо!] *Давайте, мы с вами будем? Ой я старая, страшная, морщиниста;*

2) синтаксические конструкции, содержащие описание неблагоприятных фактов, действий и поступков, заслуживающих осуждения: *Слезливая я к примеру. Сижусь и плачу. С нервами плохо. Что-нибудь такое и в слёзы. Растапаны нервы, ни с того ни с сего, кто-нибудь обидное слово скажет, током как ударит в сердце и слёзы. Нервный человек. У меня, бывало, колотушкой не выбьешь слёзы. А тапе'рь приду к врачу, у меня слёзы ручьём. Другой раз даже стыдно.*

Таким образом, стратегия самопрезентации в женском диалектном дискурсе реализуется двумя тактиками. Их вербализация осуществляется с помощью разноуровневых языковых средств: лексических, словообразовательных, морфологических, синтаксических.

Выявлено, что положительная самопрезентация связана с морально-этическими нормами, отрицательная – в большей степени коррелирует с физической сферой жизни.

В процессе самопрезентации женщины демонстрируют соответствие сложившимся нормам и идеалам, принятым в обществе.

Анализ обнаруживает сложное дискурсивное взаимодействие двух рассматриваемых понятий: самоидентификации и самопрезентации. Маркирование собственной идентичности осуществляется посредством использования стратегии самопрезентации. Наиболее «приспособленной» к передаче идентификационных смыслов является тактика передачи объективной информации, широко представленная в женской речи.

Литература

1. Гоффман Э. Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000. 304 с.
2. Майерс Д. Социальная психология : пер. с англ. СПб., 2007. 794 с.
3. Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. М., 2000. 312 с.
4. Крижановская Ю.С., Третьяков В.П. Грамматика общения. Л., 1990. 204 с.
5. Шепель В.М. Имиджелогия: секреты личного обаяния. М., 1997. 166 с.
6. Кыштымова Е.М. Психосемиотические основания создания и функционирования индивидуального образа. Имиджелогия – 2006: актуальные проблемы социального имиджмейкинга : материалы четвертого междунар. симпоз. по имиджелогии / под ред. Е.А. Петровой. М., 2006. С. 155–159.
7. Петрова Е.А. Визуальная психосемиотика общения. М., 2001. 245 с.
8. Доценко Е.Л. Манипулятивные технологии // Реклама: внушение и манипуляция. Самара, 2007. С. 637–703.
9. Пикулёва О.А. Самопрезентация женщин старшего возраста: российские особенности // Женщина в российском обществе. 2014. № 1 (70). С. 69–77.
10. Дубских А.И. Реализация коммуникативной стратегии самопрезентации личности в масс-медиаальном дискурсе (на материале «звездных» интервью) : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2014. 225 с.
11. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М. : Едиториал УРСС, 2003. 284 с.
12. Лаппо М.А. Самоидентификация и самопрезентация в разных типах дискурса // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Психология. 2012. Т. 6, № 2. С. 72–76.
13. Волошина С.В. Коммуникативная стратегия самопрезентации в автобиографическом дискурсе // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. № 9 (92). С. 261–265.
14. Атьман О.В. Вербализация стратегии самопрезентации в президентских предвыборных дебатах как агональном жанре политического дискурса США // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). С. 96–102.
15. Полатовская О.С. Коммуникативная стратегия самопрезентации (на материале американского политического дискурса) // Политический дискурс в парадигме научных исследований : сб. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. Тюмень, 2015. С. 112–121.
16. Никифорова Э.Ш. Коммуникативные стратегии и тактики судебного дискурса // Вестник ЧелГУ. 2012. № 17 (271). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-strategii-i-taktiki-sudebnogo-diskursa> (дата обращения: 03.04.2020).
17. Уланов А.В. Коммуникативные стратегии в военном дискурсе // Язык и культура. 2014. № 4 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-strategii-v-voennom-diskurse> (дата обращения: 03.04.2020).
18. Дайнеко П.М. Дискурсивные стратегии самопрезентации в институциональном интернет-общении : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 25 с.

19. Солодкова Е.В. Женский автореферентный дискурс в английском языке : дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2011. 204 с.

20. Минец Д.В. Гендерная концептосфера женского мемуарно-автобиографического дискурса : дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2012. 177 с.

The Communicative Strategy of Self-Presentation in Female Dialect Discourse (Based on Autobiographical Stories)

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2020, 24, pp. 47–67

DOI: 10.17223/23062061/24/3

Tatiana A. Demeshkina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: demeta@yandex.ru

Maria A. Tolstova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail:

tolstova_11@mail.ru

Keywords: communicative strategy, self-presentation, gender, discourse, dialect, dialects of Middle Ob region.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 19-312-90046.

The article examines the communicative strategy of self-presentation in female dialect discourse. Female dialect discourse is understood as a gender-marked type of dialect discourse. On the one hand, it incorporates all the features of dialect discourse; on the other, it has a number of features due to the gender of the subject. The sources of the study were oral autobiographical stories recorded during dialectological expeditions organized by the staff of Tomsk State University from 1946 to the present time in the areas where Russian old-timer dialects of the Middle Ob region are in use. The description of self-presentation strategy tactics in the female dialect discourse includes the following stages: identification and typification of the main tactics; analysis of their content; description of their linguistic expression. Based on the nature of the data provided (presence or absence of a subjective evaluative component), the authors identified the key tactics implementing the strategy of self-presentation: transferring objective information and transferring subjective information. The tactic of transferring objective information about oneself involves the transfer of factual information of a logical nature, which is based on facts: age, marital status, presence/absence of children, profession, place of residence, etc. The tactic of transferring subjective information contains the respondent's evaluation of their appearance, character traits, intellectual level, life experience, description of the emotional state, interests, demonstration of attitudes. A positive impression of oneself in female dialect discourse is verbalized through the creation of a worthy image that corresponds to social and moral norms. Women demonstrate the following character traits and life principles: diligence, honesty, decency, calm temper, cleanliness, hospitality, negative attitude to alcohol, etc. Life values and principles are expressed through a positive description of close relatives, contrast with other people, negative evaluation or condemnation of actions and moral qualities of

other people. The transmission of negative information about oneself is associated with evaluations of one's intelligence, memory, speech abilities, appearance, age-related changes, as well as the informants' belonging to rural culture, low educational level, lack of qualifications and profession. The communicative self-presentation strategy tactics in female dialect discourse are verbalized using multilevel linguistic means: evaluative vocabulary, metaphors, comparisons, numerals, adverbs, and various types of statements.

References

1. Goffman, E. (2000) *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoy zhizni* [The Presentation of Self in Everyday Life]. Translated from English by E. Vlasova. Moscow: Kuchkovo Pole.
2. Myers, D. (2007) *Sotsial'naya psikhologiya* [Social psychology]. Translated from English. St. Petersburg: Piter.
3. Cooley, Ch.H. (2000) *Chelovecheskaya priroda i sotsial'nyy poryadok* [Human nature and social order]. Translated from English. Moscow: Ideya-press.
4. Krizhanovskaya, Yu.S. & Tretyakov, V.P. (1990) *Grammatika obshcheniya* [Communication Grammar]. Leningrad: Leningrad State University.
5. Shepel, V.M. (1997) *Imidzhologiya: sekrety lichnogo obayaniya* [Imageology: secrets of personal charm]. Moscow: Kul'tura i sport.
6. Kyshtymova, E.M. (2006) Psikhoosemioticheskie osnovaniya sozdaniya i funkcionirovaniya individual'nogo obraza [Psychosemiotic basis for the creation and functioning of an individual image]. In: Petrova, E.A. (ed.) *Imidzhologiya – 2006: aktual'nye problemy sotsial'nogo imidzhmeykinga* [Imageology – 2006: Topical Problems of Social Image-making]. Moscow: RITs AI. pp. 155–159.
7. Petrova, E.A. (2001) *Vizual'naya psikhosemiotika obshcheniya* [Visual Psychosemiotics of Communication]. Moscow: Gnom i D.
8. Dotsenko, E.L. (2007) Manipulyativnye tekhnologii [Manipulative technologies]. In: Raygorodsky, D.Ya. (ed.) *Reklama: vnushenie i manipulyatsiya* [Advertising: suggestion and manipulation]. Samara: Bakhrakh-M. pp. 637–703.
9. Pikuleva, O.A. (2014) Self-presentation of older women: Russian specifics. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve – Woman in Russian Society*. 1(70). pp. 69–77. (In Russian).
10. Dubskikh, A.I. (2014) *Realizatsiya kommunikativnoy strategii samoprezentatsii lichnosti v mass-medial'nom diskurse (na materiale "zvezdnykh" interv'yuu)* [Implementation of the communicative strategy of personality self-presentation in mass-media discourse (based on "star" interviews)]. Philology Cand. Diss. Chelyabinsk.
11. Issers, O.S. (2003) *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Moscow: Editorial URSS.
12. Lappo, M.A. (2012) Samoidentifikatsiya i samoprezentatsiya v raznykh tipakh diskursa [Self-identification and self-presentation in different types of discourse]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya – Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Psychology*. 6(2). pp. 72–76.

13. Voloshina, S.V. (2014) Communicative strategy of self-presentation in autobiographical discourse. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 9(92), pp. 261–265. (In Russian).

14. Atman, O.V. (2011) Verbalizatsiya strategii samoprezentatsii v prezidentskikh predvybornykh debatakh kak agonal'nom zhanre politicheskogo diskursa SShA [Verbalization of the self-presentation strategy in presidential pre-election debates as an agonal genre of political discourse in the United States]. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 1(35). pp. 96–102.

15. Polatovskaya, O.S. (2015) Kommunikativnaya strategiya samoprezentatsii (na materiale amerikanskogo politicheskogo diskursa) [Communicative strategy of self-presentation (based on the American political discourse)]. In: Shapochkin, D.V. (ed.) *Politicheskii diskurs v paradigme nauchnykh issledovaniy* [Political discourse in the paradigm of scientific research]. Tyumen: Tyumen State University. pp. 112–121.

16. Nikiforova, E.Sh. (2012) Communicative strategies and tactics of trial discourse. *Vestnik ChelGU*. 17(271). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-strategii-i-taktiki-sudebnogo-diskursa> (Accessed: 3rd April 2020). (In Russian).

17. Ulanov, A.V. (2014) Communicative strategies in the military discourse. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 4(28). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-strategii-v-voennom-diskurse> (Accessed: 3rd April 2020). (In Russian).

18. Dayneko, P. (2011) *Diskursivnye strategii samoprezentatsii v institutsional'nom internet-obshchenii* [Discursive strategies of self-presentation in institutional Internet communication]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

19. Solodkova, E.V. (2011) *Zhenskiy avtorreferentnyy diskurs v angliyskom yazyke* [Women's author's discourse in English]. Philology Cand. Diss. Irkutsk.

20. Minets, D.V. (2012) *Gendernaya kontseptsfera zhenskogo memuarno-avtobiograficheskogo diskursa* [Gender conceptual sphere of women's memoir-autobiographical discourse]. Philology Cand. Diss. Cherepovets.

КНИГА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 002.2:140.8(571.1/.5)"19/20"

DOI: 10.17223/23062061/24/4

И.Ф. Гнусова

КНИГИ О ЕРМАКЕ В БИБЛИОТЕКЕ Г.К. ТЮМЕНЦЕВА КАК РЕПРЕЗЕНТАНТ КУЛЬТУРНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ СИБИРСКОГО ЧИТАТЕЛЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ТГУ)¹

Аннотация. На материале изданий из личной библиотеки томского педагога Г.К. Тюменцева выявляется комплекс представлений сибирской интеллигенции XIX–XX вв. о личности Ермака и истории покорения Сибири. Анализируются разные типы представленных текстов – художественные, научные, научно-популярные, затрагивается вопрос об историко-литературных предпосылках к их появлению. Исследуется степень читательского внимания к каждому из изданий, на основе чего делается вывод о востребованности героического сюжета, связанного не только с захватом, но и с окультуриванием Сибири.

Ключевые слова: Г.К. Тюменцев, библиотека, читатель, Ермак, Сибирь, трансграничье, А.С. Хомяков, П.П. Свиньин, А.С. Суворин.

Завоеватель Сибири, историческая личность и герой народного эпоса Ермак Тимофеевич – ключевая фигура сибирского фронта² и особого «мифа» о Сибири в русской культуре. После выхода в свет «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина личность Ермака начинает активно осмысливаться в текстах самого разного рода – от «Дум» К.Ф. Рылеева до массовой беллетристики конца XIX в., от исследований академика И.П. Шульгина до популярной биографии народника Н.А. Полушина. Цель настоящей работы – выяснить, что

¹ Результаты исследования были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

² Под фронтиром «понимается место или момент встречи двух культур разного уровня развития» [1].

из этих источников оказалось актуальным для сибирского читателя-интеллекта на рубеже XIX–XX вв., какое представление о Ермаке формировалось в культурном ландшафте покоренного им когда-то пространства. Репрезентативным материалом для этого является библиотека известного томского педагога и краеведа Г.К. Тюменцева.

Гавриил Константинович Тюменцев (1842–1931) был связан с Сибирью на протяжении всей своей жизни. Через три года после его рождения семья переезжает из Семипалатинска в Омск. Далее Тюменцев после обучения в Тобольской гимназии в числе лучших выпускников получает право поступления в Казанский университет – с условием, что после его окончания прослужит десять лет учителем в одной из сибирских гимназий. Тюменцев крайне ответственно относится к возложенной на него задаче: в автобиографии он отмечает, что в последний год обучения в Казани «ознакомился с литературой о Сибири, пользуясь материалами из универ[ситетской] библиот[еки], так как... уже тогда думал в Сибири заняться собиранием... работ по изучению края» [2].

В 1866 г. Тюменцев начал свою педагогическую карьеру в Сибири: служит в Омске, затем в Красноярске, наконец с 1870 г. – в Томске, где работал учителем и, кроме того, получил задание «привести в порядок фундаментальную библиотеку мужской гим[назии], чем... и занимался в течение 3 лет» [2]. В 1877 г. Тюменцев был назначен директором только что открывшегося Алексеевского реального училища, на базе которого также начал с нуля создавать библиотеку – к концу его службы она насчитывала уже около 10 тысяч томов. Параллельно Тюменцев продолжал собирать «печатны[е] материаль[ы] по исследованию Сибири» [2].

Этот кропотливый труд по формированию личной библиотеки и стал в итоге главным наследием сибирского педагога. После революции Тюменцев передал все принадлежащие ему книги библиотеке Томского университета «для общего пользования» [2]. Наиболее ценной частью коллекции стали 335 томов конволютов, которые собирал сам владелец, под общим заглавием «Сборники статей о Сибири и о прилежащих к ней странах». В их состав входят книги, статьи из периодических изданий, а также самые разнородные материалы, объединенные сибирской тематикой (в общей сумме около 4 тысяч единиц). Как отмечает Г.И. Колосова, это «практически все, что печаталось как

в России о Сибири, так и в самой Сибири» [3. С. 118]. Все конволюты имеют твердый переплет, большая их часть открывается титульным листом, специально заказанным Тюменцевым в типографии.

В 1925 г., когда «тюменцевские сборники» поступили в университетскую библиотеку, ее директор А.И. Малютин назвал их «энциклопедией сибиреведения»¹, а сегодня исследователи единогласно признают собрание этих материалов уникальным книжным памятником, отражающим «духовные запросы сибирского интеллигента второй половины XIX – начала XX в.» [4. С. 179]. Именно в этом смысле – как коллекция, собранная «характерным представителем» «томской интеллигенции» [5. С. 87], для столь же образованной, культурной и широко мыслящей аудитории, – «Сборники статей о Сибири» оказываются чрезвычайно репрезентативным материалом для исследования культурной идентичности сибирского читателя на рубеже XIX–XX вв.

Корпус изданий, посвященных «удалому Ермаку Тимофеевичу», «покорителю Сибири» (заглавия, как будет показано далее, практически дублируют друг друга), дает представление о социокультурном мифе, с которым неразрывно связываются исторические истоки особого «трансграничного» положения сибирского региона. Для сибирского читателя этот сюжет был чрезвычайно актуален. Как показывает уже беглый анализ материалов «тюменцевских сборников», Ермак был для сибиряков своеобразной «точкой отчета», локальным маркером «сотворения мира», то есть культурной, цивилизованной Сибири. Выражение «начиная с подвигов Ермака» сопровождает не только исторические изыскания, но и естественно-научные труды сибирских ученых XIX в.² В исторических же статьях авторы открыто говорят о глобальной роли казачьего атамана, который вывел Сибирь «из мрака неизвестности, покрывавшего ее с доисторических времен», и тем самым ввел в «общую семью культурных народов», дав возможность «жить общечеловеческой жизнью, общечеловеческими интересами» [7. С. 1].

Собранные Тюменцевым книги и статьи о Ермаке выпущены в период с 1832 по 1897 г. в основном столичными издательствами. Как и большинство материалов в составе тюменцевских конволютов, эти книги не объединены тематически и обнаруживаются в самых разных

¹ Цит. по: [3. С. 116].

² См., напр.: [6. С. 3].

томах «Сборников статей о Сибири». Издания включают произведения различных жанров, в числе которых как художественные (историческая повесть, исторический роман, трагедия), так и нехудожественные (исторический очерк, научная статья, материалы юбилейных чтений). Особняком стоят две беллетризованные биографии Ермака. Отметим, что важной составляющей многих произведений является фольклор: былины и песни о покорителе Сибири почти в полном объеме включаются и в научные статьи, и в биографии атамана. Читательская аудитория изданий неоднородна, хотя большинство книг направлено на массового образованного читателя второй половины XIX в.: почти все они написаны популярным языком, многие изобилуют эмоциональными и оценочными выражениями.

Хронологически наиболее ранним в коллекции Тюменцева является издание трагедии А.С. Хомякова «Ермак» (1826). Книга выпущена в 1832 г. в Москве в типографии Семена Селивановского и входит в 86-й том «Сборников статей о Сибири» [8]. «Ермак, трагедия в пяти действиях, в стихах» – одно из наиболее известных художественных произведений о Ермаке и одновременно одно из наименее удачных. Романтический образ Ермака у Хомякова максимально далек от исторической правды: это не деятельный и харизматичный атаман, а постоянно рефлексирующий, чувствительный герой, которого мучает его прошлая преступная жизнь, проклятие отца, воспоминание об оставленной невесте и роковые предсказания Шамана. Недостатки драмы Хомякова были очевидны уже его современникам. Критик К.А. Полевой в рецензии именно на это первое отдельное издание «Ермака» недоумевал, зачем автор заменил «интерес исторический собственным вымыслом» [9. С. 239] и не представил казачьего атамана «так, как живет он в преданиях»: «богом победы, грозным завоевателем, умным, находчивым во всех положениях» [9. С. 239–240].

Своеобразно представлен в романтической трагедии Хомякова и сибирский топос. Как замечает А.Н. Вахрушева, «Сибирь в тексте является пространством смерти»: неслучайно в речи казаков она «имеет характеристики, связанные с гибелью жизненного начала: “молчание”, “горесть”, “ожидание смерти”, “чужая земля”, “беспредельная пустыня»» [10. С. 48]. Впрочем, финальные слова главного героя – «Сибири боле нет: отныне здесь Россия» [8. С. 167] – содержат намек на грядущее преображение «страны безлюдной и пустой».

Издание трагедии не содержит никаких помет и достаточно хорошо сохранилось. Трудно предположить, как оказалась эта книга в коллекции Тюменцева, будучи выпущенной задолго до его рождения, однако включение драматического опыта Хомякова в состав конволутов свидетельствует о том, что коллекционер считал его важным для интерпретации образа Ермака или для представления о том, как менялся этот образ с течением времени. 1820–1830-е гг. действительно стали периодом всплеска интереса литераторов к личности знаменитого атамана и появления целого ряда произведений о нем. Это было связано и с выходом в 1821 г. IX тома «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, содержащего историю покорения Сибири, и с популярностью романов В. Скотта. Есть обоснованные предположения о том, что в одно время с А.С. Хомяковым «написать поэму об Ермаке или сделать его героем новой исторической драмы» [11. С. 392] собирался и А.С. Пушкин, но замысел так и не был реализован. А к середине 1830-х гг. появляется и первый исторический роман о Ермаке, издание которого также находится в библиотеке Г.К. Тюменцева.

Автор произведения «Ермак, или Покорение Сибири. Исторический роман XVI столетия» (1834) – П.П. Свиньин, писатель, журналист, первый издатель «Отечественных записок», историк-любитель, коллекционер, кроме того, он добился определенных успехов на дипломатической службе. Писать романы Свиньин начал из коммерческих соображений, а к историческому материалу обратился после громкого успеха романа М.Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году», вышедшего в 1829 г. Хотя «Ермак» и считается лучшим произведением Свиньи́на, современники оценили его невысоко, называя «неудачным подражанием Загоскину»¹ и обвиняя в искажении исторических характеров.

Роман «Ермак, или Покорение Сибири» представлен в библиотеке Тюменцева двумя отдельными изданиями [13]. В «Сборники статей о Сибири» он не был включен, возможно, из-за объема: роман был выпущен в петербургской типографии Х. Гинце в 1834 г. четырьмя отдельными частями, каждая из которых содержит от 170 до 230 страниц. Еще более вероятной причиной является то, что роман уже попал к Тюменцеву в виде сборников: первые и последние две части были по-

¹ Цит. по: [12].

парно переплетены прежним владельцем. На то, что это было сделано вскоре после выхода изданий, указывают использованные материалы – в том числе яркие форзацы из популярной в первой половине XIX в. мраморной бумаги со стандартным сочетанием красного, желтого и изумрудного цветов¹.

В отличие от издания трагедии Хомякова, физическое состояние книг с романом Свинына свидетельствует о значительном и многолетнем интересе читателей к этому произведению. Страницы покрыты темными пятнами, особенно загрязнены нижние правые углы нечетных страниц – свидетельство того, что их перелистывали с определенным усилием, отдельные углы и вовсе оторваны. Первые тетради обоих сборников почти полностью оторваны от блока, обнажая корешок; частично рассыпаются и другие тетради.

Книги содержат несколько помет: во второй части чернилами продублированы колонцифры 18 и 19; в третьей части обведена карандашом одна колонцифра; на последней странице четвертой части оставлены математические расчеты чернилами. Есть две отметки и внутри издания, обе представляют собой карандашный крест (X) на полях. На странице 59 третьей части романа эта маргиналия сопровождает галантное обращение автора к читательницам, «милым читательницам мод иностранных», предваряющее описание интерьеров дворца хана Кучума в столице Сибири Искере: «Да! сударыни, прикажите поскорее *разрушить стены ваших кабинетов под фальшивый мрамор, увеличивающий*² лихорадку в продолжении 12-ти месячной белой и зеленой зимы нашей, и обейте стены *черными соболями* (выделено автором. – И.Г.), коими была убрана внутренность минаретов Кучумова гарема» [13. Ч. III. С. 59]. На странице 70 той же части крестом отмечено описание одного из обычаев остяков, коренного сибирского народа: «Убив медведя, они поют ему извинительные песни, а содрав с него шкуру, низко кланяются и *благодарят, что он позволил снять с себя шубу*» [13. Ч. III. С. 70].

¹ Благодарим за консультацию заведующую сектором изучения и раскрытия фонда Научной библиотеки Томского государственного университета, д-ра ист. наук Валерию Анатольевну Есипову.

² Здесь и далее, за исключением отдельно оговоренного, курсивом выделены строки, напротив которых расположены пометы на полях.

Сложно сказать однозначно, с чем связаны две эти пометы: возможно, читатель выразил сомнение в представленных фактах, а возможно, они, напротив, показались ему любопытными. Свиньин, между тем, постоянно акцентирует точность исторических описаний Сибири и населяющих ее народностей: в тексте романа встречается множество постраничных примечаний, в которых автор объясняет значение непонятных слов, указывает на источники тех или иных сведений или подчеркивает, что описываемые обычаи до сих пор сохраняются на территории Сибири. Это тоже была традиция Загоскина, снабдившего «Юрия Милославского» комментариями под заголовком «Исторические замечания». Новым является только прямое цитирование «Истории государства Российского» Карамзина, ссылки на которую также даются в постраничных сносках. Причем речь идет не только о заимствовании фактов – автор не стесняется, например, завершить главу о смерти Ермака патетическим восклицанием Карамзина: «Конец горький для завоевателя: ибо, лишаясь жизни, он мог думать, что лишается и славы?.. Нет! волны Иртыша не поглотили ее: Россия, История и Церковь гласят Ермаку вечную память!» [13. Ч. IV. С. 138].

Это прямое цитирование неслучайно: основной пафос карамзинской «Истории» полностью соответствовал державно-патриотической идее, положенной Свиньиным в основу своего романа. Хотя «Ермак» и не вывел своего автора в первый ряд русской литературы, он оказался знаковым с точки зрения идеологической: роман убежденного монархиста Свиньинова, во многом, закрепил представление о Ермаке «в идеологеме народного единения вокруг трона» [14. С. 40].

Известный омский историк А.В. Ремнев указывает, что, начиная с Николая I, власти Российской империи уделяли много внимания правильной «трактовке» героев из народа. В литературе, «толстых» журналах, живописи и театральных постановках был распространен единый сюжет о Ермаке, который, в частности, «был представлен как освободитель туземцев от деспотизма Кучума, не разрешал казакам “своевольничать”, “ласково” обращался с народом (включая татар), за что они быстро прислали власть царя и стали платить ясак» [14. С. 40]. Завершает образ «раскаяние» бывшего разбойника, его «уверование», а также прощение, данное царем. Все эти акценты присутствуют у Свиньинова. Его Ермак, «желая сделаться достойным Христовым воином, выполнял с точностью все заповеди Господни и обязан-

ности православной веры, требуя того же и от своей дружины» [13. Ч. II. С. 162]. Во время богослужения герой чувствует, как спадает «тяжкое бремя грехов» [13. Ч. III. С. 41]. Милостив он к завоеванным народам: остяков облагает «легкою данью» [13. Ч. III. С. 69], татар «также обласкал, ...обложив посильным ясаком» [13. Ч. III. С. 70], что «привлекло сердца Мусольман к своим победителям» [13. Ч. III. С. 70].

В библиотеке Тюменцева не содержится других произведений о Ермаке первой половины XIX в. Объясняется это тем, что в период 1840–1860-х гг. их вообще практически не появлялось¹. Однако в 1862 г. Российская империя официально праздновала тысячелетие своей истории, в связи с чем в Великом Новгороде был установлен монумент, включающий скульптурные группы наиболее выдающихся героев отечественной истории. После непростого отбора был утвержден список из 109 персон, в число которых вошел и завоеватель Сибири. Как отмечает А.В. Ремнев, тем самым было официально закреплено помещение Ермака «в пантеон национальных героев» [14. С. 41]. Вероятно, именно это стало стимулом для авторов и издателей, потому что с 1863 г. в России начинают регулярно выходить биографии Ермака и повести о знаменитом атамане. А юбилей присоединения Сибири к России, отмечавшийся в 1881–1883 гг., и вовсе возвел Ермака в ранг наиболее популярных персонажей русской истории, что обусловило публикацию большого количества произведений о нем.

Именно с юбилейными событиями связано следующее издание, посвященное завоевателю Сибири. Это единственное в коллекции Г.К. Тюменцева пример обращения к личности Ермака самих сибиряков, и он весьма репрезентативно представляет собственный взгляд сибирской интеллигенции на неоднозначную фигуру народного героя.

Дать полноценную характеристику этому изданию оказалось чрезвычайно сложно: в состав тома 280 «Сборников статей о Сибири» оно

¹ Если судить по каталогам Российской государственной библиотеки, в этот период вышли только три издания о Ермаке: довольно известная драма Н.А. Полевого «Ермак Тимофеич, или Волга и Сибирь» (1845), исторический рассказ для детей «Ермак» этнографа П.И. Небольсина (1849) и научный доклад академика И.П. Шульгина, посвященный, в числе прочего, появлению Ермака и завоеванию Сибири (1842).

вошло без обложки и титульного листа. О заглавии, годе и месте издания, и даже типе представленных материалов можно судить только по небольшой преамбуле: «12-го декабря минувшего года, в 12 часов дня, как было сообщено в 51 № Тобольских губернских ведомостей, по поводу 300-летнего юбилея Сибири, в актовом зале Тобольской гимназии устроено было литературное утро, посвященное воспоминанию о покорении Сибири и первых ее завоевателей. В том же № напечатана была программа чтений, текст которых и предлагается здесь» [15. С. 1].

Благодаря сотрудникам отдела газет Российской государственной библиотеки нам удалось разыскать объявление, о котором идет речь в этом своеобразном предисловии. Оно было размещено в «Тобольских губернских ведомостях» от 18 декабря 1882 г., а значит, издание, включенное в конволют, вышло уже в 1883 г. (в преамбуле упоминается, что информация в газете относится к «минувшему году»). Уточнить, является ли Тобольск местом издания сборника, позволил каталог «Книги Тобольской губернии», составленный Е.Н. Коноваловой. Материалы чтений в нем даны тремя библиографическими записями, с указанием на то, что все они выпущены типографией Тобольского губернского правления и представляют собой отгиски из газеты «Тобольские губернские ведомости» № 3–5 за 1883 г. [16. С. 254]. Исходя из этого, можно предположить, что сборник вовсе не имел общего заглавия.

Издание включает три научных доклада. Вместе с предисловием они составляют единую тетрадь в 16 листов, какая-либо концевая страница отсутствует. Однако найденное объявление в «Тобольских губернских ведомостях» подтверждает, что это все вошедшие в сборник материалы, поскольку программа чтений включала три выступления научного характера, а также исполнение ряда песен¹.

Доклады имеют сплошную нумерацию и, кроме того, связаны тематически: первый представляет очень подробные «Исторические

¹ В середине научной программы «хором гимназических певчих исполнена была песнь: “Ты взойди красное солнышко”», а по окончании докладов «исполнены были хором “На севере диком” и “Из страны, страны далекой, с Волги матушки широкой”, муз. Даргомыжского. Утро закончилось народным гимном: “Боже, Царя храни!”» [17].

сведения о Сибири до покорения ее Ермаком», второй посвящен собственно «Покорению Сибири Ермаком», в третьем анализируется «Личность Ермака в народной поэзии». Кем являлись авторы докладов, помогло установить объявление: первый из них, чей исторический очерк характеризуется наибольшей научностью, – инспектор Тобольской гимназии И.А. Введенский, два последних написаны «учителями истории и русской словесности» И.П. Львовым и Н.А. Куратовым (в издании их инициалы отсутствуют, однако оба обозначены как «учителя»).

Анализ содержания сборника показывает, что взгляд сибирских педагогов на Ермака существенно отличается от тех «официальных» трактовок его образа, которые имели место в литературе первой половины века. Пафос всех трех докладов – в восхищении безграничной смелостью «простого казака», которая и привела к «великому историческому событию, имеющему характер мирового значения» [7. С. 1], как патетически пишет об этом И.А. Введенский. Впрочем, автор первого доклада (возможно, в силу своей административной должности) все-таки более сдержан в оценках. В логике своего материала о предпосылках завоевания Сибири он заключает, что к моменту появления Ермака «русский человек» уже «стучался у ворот Азии, ждал только смелого вождя, под предводительством которого он мог бы идти на “неверного и поганого салтана”» [7. С. 15].

Два других автора проявляют гораздо большее свободомыслие, анализируя своего героя. Вопреки стремлению официальной историографии нивелировать разбойничье прошлое дружины Ермака, И.П. Львов в своем докладе усиленно акцентирует истинное положение дел. С самого начала он высказывает удивление не столько смелостью Ермака, сколько тем, что подвиг покорения Сибири свершили «совсем неизвестные люди» – «бездомные казаки-бродяги!» [18. С. 17]. Всю первую половину своего повествования он упорно именуется отряд казаков «ничтожной шайкой» и «бездомными бродягами». Львов последовательно отмечает, что вплоть до покорения столицы Сибири Искера казаки занимались не чем иным, как «грабежом», и каждая их победа ознаменована тем, что они «разграбили и сожгли» [18. С. 18] очередной населенный пункт. Без всякого пиетета он сообщает, что из-за трудностей в начале пути многие участники похода «разбежались» [Там же]. Столь же прямолинеен автор и по отноше-

нию к самому Ермаку. «Главный предводитель беглецов, – сообщает он, – атаман Ермак Тимофеевич, получивший от своей шайки имя “Ермак”, по мнению некоторых исследователей, за то, что был кашеваром (“Ермак” значит *таган* (выделено автором. – И.Г.)... подставка для приготовления пищи)» [18. С. 17]. Обыденное происхождение имени героя Львов подчеркивает несколько раз.

И только в середине рассказа подвиги завоевателей Сибири, видимо, захватывают и скептического автора: «шайка» превращается в нейтральное «отряд», «команда» и даже былинное «рать», а вместо «разграбили» он начинает повторять «завоевали», не избегая и акцентов на героических обстоятельствах: татары были «в количестве в 30 раз большем против казаков» [18. С. 18]. Ермак также именуется теперь «смелым казаком» [Там же. С. 19]. Впрочем, на его гибели Львов не заостряет много внимания, указывая главным образом на то, что «его дело не погребло» [Там же. С. 20], и завершая доклад громким заявлением просветительского характера: «Но извлекать одни богатства из этой благодатной страны – мало: нравственный долг всех русских людей, заселяющих Сибирь, – распространять семена цивилизации среди диких туземцев» [Там же. С. 21].

Любопытен и третий доклад в сборнике, посвященный личности Ермака в народной поэзии. Его автор Н.А. Куратов делает акцент на первостепенной значимости былин по сравнению с литературными произведениями о Ермаке, поскольку «в них лучше всего выражается идеал народной жизни, его понятие о прекрасном» [19. С. 23]. Приводя полностью текст быliny о завоевании Сибири, записанной в Олонецкой губернии, Куратов подчеркивает поразительную точность упоминаемых в ней исторических событий и географических подробностей, а также восхищается «живой прелестью изложения», заставляющей слушателей «трогаться судьбой» героя [Там же. С. 27].

Произведя разбор других былин о Ермаке, автор в финале подвергает критике оду И.И. Дмитриева, написанную в 1794 г. «Здесь недостает поэтической правды, – прямо заявляет Н.А. Куратов, – все крайне напыщенно», а Ермак «представляется не казаком удалым, ...а чем-то вроде Александра Македонского, или еще мало того: Димитриев его возводит в полубога» [19. С. 32]. Закрепляя приоритетность народной точки зрения на Ермака, докладчик подчеркивает: «Боль-

шая разница быть народным героем, и героем только образованных людей» [Там же. С. 23].

А. Оксенов продолжает тему, анализируемую в статье тобольского учителя, десять лет спустя. Его небольшой научный труд «Ермак в былинах русского народа» 1892 г. [20] также включен в «Сборники статей о Сибири», причем в более ранний том 175. Судя по всему, автором статьи является А.В. Оксенов – отец поэта, критика, переводчика и врача Иннокентия Оксенова. А.В. Оксенов – петербургский филолог и педагог, преподаватель 6-й классической гимназии, где учились многие литераторы [21]. Его научная работа выпущена в виде небольшой брошюры объемом в 21 страницу. Тем не менее издана она очень качественно: снабжена солидным титульным листом, на первой и последней страницах текст сопровождается тематически подобранным орнаментом и изящно выполненной буквицей.

Однако в отличие от тобольского сборника докладов, значительная часть которого покрыта темными пятнами, говорящими о неоднократном использовании, издание А. Оксенова находится в идеальном состоянии: очень чистая белая бумага, ни единого пятна или пометы в тексте. Объяснить это читательское невнимание можно тем, что статья петербургского филолога имеет исключительно научный характер, и таких материалов в библиотеке Тюменцева немного. Стиль Оксенова совершенно лишен эмоциональности, столь характерной для участников литературного утра в Тобольске, практически не отличается от современных научных работ. К тому же автор выбирает для исследования достаточно локальный предмет. «Оставляя в стороне исследование эпоса о Ермаке по существу, – пишет А.В. Оксенов, – мы в настоящем очерке желали только обратить внимание на факт эпического появления сибирского завоевателя в семье древних русских богатырей» [20. С. 21].

В статье вовсе не рассматривается тема покорения Сибири – Ермак выступает здесь только как герой былин об Илье Муромце, где становится его младшим соратником, племянником или сыном. Оксенов, впрочем, отмечает, что сам этот факт позволяет «судить о... чувствах народных по отношению к историческому Ермаку» [20. С. 4], о признании завоевания Сибири «в своем роде богатырским подвигом» [Там же. С. 21], однако тему эту ученый не развивает. К достоинствам статьи следует отнести научно выверенный библиографический список мате-

риалов – всех известных автору изданий былин с участием Ермака, который может пригодиться и современным исследователям.

В целом же научные издания – меньшая часть корпуса книг о Ермаке в составе «Сборников» Тюменцева; гораздо более активно в последние десятилетия XIX в. издавались популярные биографии атамана. Это было связано, и не в последнюю очередь, с расширением читательской аудитории, облик которой, как пишет Т.Л. Воробьева, «коренным образом изменили» «социально-экономические преобразования в России на рубеже веков» [22. С. 91]. Именно в этот период «формируется массовый читатель, который в культурном плане характеризуется... осознанной потребностью в чтении» [Там же].

Одним из интересных примеров популярного исторического очерка является вошедшее в том 232 «Сборников статей о Сибири» сочинение А.Н. Овсянникова «Ермак Тимофеевич. Покоритель Сибири» из журнала «Детское чтение» за 1882 г. [22, 23]. Это был один из самых читаемых в дореволюционной России журналов для детей, который издавался с 1869 г. под редакцией известного педагога А.Н. Острогорского. В нем печатались как художественные произведения, преимущественно русских авторов, так и научно-популярные статьи технической, естественно-научной или исторической тематики. Автор исторического очерка о Ермаке А.Н. Овсянников (1842–1899), петербургский педагог и ученый, сотрудничал со многими журналами, для которых писал статьи по своей специальности – истории и географии.

Очерк Овсянникова о Ермаке являет собой замечательный пример добротного научно-популярного текста. В нем действительно чувствуется рука педагога – в сокращенном и переработанном виде эта работа могла бы войти в школьные учебники. Не впадая в патетический тон, не сбиваясь на сухое перечисление известных фактов и практически не прибегая к средствам художественного вымысла, автор неторопливо рассказывает хорошо обдуманную им историю покорения Сибири, снабжая ее множеством интересных подробностей. Очевидно, что историк Овсянников пользовался большим количеством источников: в тексте встречаются слегка переработанные цитаты из Карамзина, ссылки на летописи, тексты народных песен, официальные документы. В наши задачи не входит оценка точности и достоверности всех приводимых в очерке исторических фактов, но представляются бесспорными другие качества этого текста – его до-

ступность, занимательность, а главное, взвешенность оценок, что было, как уже показано, редкостью в текстах о Ермаке.

Ярким примером тому может служить финал очерка, где автор оценивает личность Ермака. «Все дошедшие до нас известия о нем, – пишет А.Н. Овсянников, – свидетельствуют о том, что он вполне заслужил название велеумного (выделено автором. – И.Г.) атамана, как величает его одна из древнейших сибирских летописей. Доблести, которыми он отличался, его отвага и энергия, осторожность и расчетливость, умение начальствовать над ратными людьми, не привыкшими к строгой дисциплине... давали ему заметное, неоспоримое преимущество перед всеми находившимися под его начальством атаманами... Он мог бы исполнить возложенное на него Строгановыми поручение так, как исполнил бы его менее даровитый казацкий атаман, ограничился бы набегом на землю Сибирских Татар, разорением их... Но не так понял свое дело Ермак... Он с самого вступления своего в Сибирское царство имел в виду не хищнический набег, а прочное завоевание» [23. С. 265–266].

Очерк хорошо оформлен и визуально: он разбит на главы, в начале каждой из которых, по примеру «Истории» Карамзина, дается краткий перечень основных тем. В начале и в конце текста расположены две иллюстрации; кроме того, статья снабжена постраничными примечаниями и колонтитулами.

Неудивительно, что фрагмент журнала с сочинением А.Н. Овсянникова, вошедший в «тюменцевские сборники», сильно пострадал от многократного прочтения. Первая страница статьи прорвана насквозь прямо на первом абзаце текста, причем повреждение столь значительно, что на оборот пришлось подклеивать дополнительный лист белой бумаги. Весь первый разворот расчерчен простым карандашом на неровные клетки, видны также безуспешные попытки стереть эти полосы. Буквица и рисунок, сопровождающий ее, раскрашены кем-то из юных читателей – вероятно, анилиновыми красителями, на что указывает довольно яркий отпечаток от рисунка на соседней странице. Кроме того, в первый разворот вложена тонкая бумажная закладка, наиболее явно свидетельствующая об интересе сибирского читателя к этому очерку – бесспорно, одному из лучших в коллекции Тюменцева.

Популярно изложенные истории завоевания Сибири выпускались, разумеется, и для взрослого читателя. Два схожих издания с белле-

тризованной биографией Ермака Тюменцев разместил в 181-м томе рядом – это единственный случай такого тематического объединения в его корпусе материалов о знаменитом атамане. Обе книги выпущены крупнейшими издателями своего времени: первая вышла в типографии А.С. Суворина, вторая – И.Д. Сытина.

Известный журналист, писатель и издатель А.С. Суворин был одновременно и автором «рассказа» (так обозначен жанр произведения) под заголовком «Ермак Тимофеевич, покоритель Сибири», опубликованном в 1887 г. в серии «Русские замечательные люди» [24]. Примечательно, что это произведение Суворина изначально вышло в 1863 г. и было первым в череде популярных биографий Ермака: пронзительный Суворин сразу уловил общественный интерес к народному герою. В библиотеке Тюменцева содержится уже третье издание суворинского «рассказа» (по объему он действительно невелик – 68 страниц), а всего до революции он публиковался шесть раз.

Большое количество переизданий этого произведения объясняется не одним лишь читательским интересом к герою. Будучи написана талантливым журналистом, эта беллетризованная биография Ермака сочетает преимущества публицистического и художественного стиля: язык Суворина прост, ясен, фразы лаконичны, но содержательны. При этом автор в меру использует прием включения прямой речи героев, так что биография не превращается полностью в художественное произведение и сохраняет качество объективности. Очень умело Суворин вводит в текст фразеологические обороты, часто используемые в разговорной речи: «теперь держать ухо востро», «Ермака и след простыл», «в одно ухо впускают, в другое выпускают». При этом по мере развития сюжета стиль повествования все больше приобретает сказовые черты, с присущей фольклорному нарративу плавностью, тягучестью фраз. Вот как описываются, например, богатства Сибири: «Всего в Сибири было вдоволь – и земли хорошей, и лугов, и лесов всяких, и зверя, и рыбы, и воздух был здоровый. В горах находили железо, серебро, золото, медь, свинец, самоцветные камни. Одним словом сказать – в Сибири было приволье человеку» [24. С. 6].

В целом суворинская биография, как и текст Овсянникова, отмечена яркими чертами научно-популярного стиля. Автор очень наглядно, часто при помощи сравнений, объясняет своему читателю различные исторические факты. Характеризуя столицу тогдашней Сибири,

Суворин, например, объясняет, что она была «хуже иного нашего уездного городка» [24. С. 7]. Встречаются в тексте и постраничные примечания. Замечательной находкой Суворина было активное использование фольклорных текстов – песен и былин о Ермаке. При этом в сам рассказ он включает только небольшие фрагменты, как бы подтверждая правдивость своего повествования. Кроме того, две песни о Ермаке напечатаны в книге после авторского текста как приложение.

Отдельно стоит отметить и финал рассказа, в котором Суворин обращается к современности, тем самым актуализируя историческое повествование. Он подробно описывает памятник Ермаку, установленный в Тобольске в 1839 г., и особо акцентирует внимание на датах, которые на нем выбиты. В заключение Суворин говорит, что «в Сибири, у всякого крестьянина, даже самого бедного, висит везде портрет атамана-князя Ермака» [24. С. 59].

Неизвестно, намеренно ли Тюменцев включил в свои «Сборники» именно это издание суворинского рассказа, но необходимо отметить, что оно очень удачно и по техническому исполнению: с выразительным титульным листом, удобным для прочтения шрифтом, небольшими элементами орнамента, а также великолепными иллюстрациями – «тремя рисунками на дереве художника Савицкого, гравированными в Париже» [24. Тит. л.]. Помет в издании нет, но пятна и повреждения ряда страниц определенно говорят о неоднократном прочтении рассказа. Впрочем, в этом отношении книга Суворина значительно уступает своей «соседке» по конвольту, размещенной сразу за ней.

Издание биографического рассказа Н.А. Полушина «Атаман Ермак Тимофеевич, покоритель Сибирского царства», вышедшее в 1892 г. в типографии И.Д. Сытина [25], примечательно в первую очередь тем, что вшито в конвольт вместе с яркой цветной обложкой. На передней ее стороне размещена иллюстрация неназванного художника, которая сразу указывает на то, что перед нами книга для более массовой аудитории, чем издание Суворина. Ермак с дружиной стоят на высоком берегу широкой реки, он указывает своим людям на другой берег, покрытый лесистыми холмами. Герой изображен как традиционный былинный богатырь, в его облике нет никаких намеков на разбойничье прошлое. В руках его шлем, под ногами – ружье. За спиной Ермака, в толпе казаков видны священнослужители, которые держат стяги с ликом Спасителя. Рисунок обрамлен рамкой с традиционным фольклорным орнаментом, в который вписана

первая часть заглавия: «Атаман Ермак Тимофеевич». На задней сторонке размещена красочная реклама московской типографии И.Д. Сытина.

Н.А. Полушин, журналист и писатель, автор рассказов и пьес из народного быта, был рекомендован издателю И.Д. Сытину не кем иным, как Л.Н. Толстым: начинающий литератор неоднократно присылал известному писателю свои произведения. С 1889 г. Полушин начал работать в издательстве Сытина, занимаясь составлением знаменитых отрывных календарей – они были собственным изобретением издателя, своего рода универсальным справочным пособием и пользовались колоссальной популярностью. Параллельно Полушин продолжал заниматься созданием драматических произведений для народных театров. Писал он также очерки об истории родного города Иванова – этот опыт, возможно, и стал причиной того, что Полушин взялся за популярное переложение биографии Ермака.

Хотя это произведение, сопровождаемое множеством иллюстраций, также выдержало 4 издания (у Тюменцева сохранилось второе), по своим характеристикам оно значительно уступает суворинскому. Полушин не случайно назван на титульном листе составителем текста, поскольку даже при беглом его анализе можно обнаружить признаки компиляции. Более выраженный, чем у Суворина, сказовый стиль здесь парадоксально перемежается статистическими данными с обилием цифр: «Широко и далеко раскинулось Сибирское царство, до Ледовитого океана дошло, моря Камчатское и Охотское в себя втянуло, а сколько рек да озер у этого богатого царства, так это и рассказать трудно. Велико Русское царство – 4 миллиона с лишком квадратных верст земли занимает, а Сибирь чуть не втрое больше: почти 11 миллионов квадратных верст имеет» [25. С. 3–4]. Здесь очевидны не только стилистические огрехи, но и логическая недоработка.

Таким же искусственным соединением разных по стилю и содержанию фрагментов отмечен и финал повествования. Былинное описание гибели героя («пролил Ермак свою кровь по Сибирскому царству, отдал свою жизнь Иртышу-реке...») продолжается сухой констатацией фактов: «Пришли по Ермакову следу новые русские воины... Кучум бежал в степь, где его убили киргизы» [25. С. 107]. А следом, без всякого логического перехода помещено описание памятника Ермаку в Тобольске, взятое из книги Суворина с самыми незначительными

изменениями. По примеру Суворина Полушин включает в свое произведение и текст наиболее известной песни о Ермаке.

Однако если вспомнить о том, что издание предназначено для народного чтения, следует признать, что в произведении Полушина есть и свои достоинства. Подвиги Ермака, например, излагаются с почти кинематографической динамикой, а разговорно-просторечные выражения здесь кажутся вполне органичными для пересказа народной легенды: «Кинулся Ермак к лодке, бросились на него татары. Епанча так и вцепился в Ермака, треснул его Ермак изо всей силы по башке саблей – только Епанчу и в живых видели, поосадили татары со страху назад, добежал Ермак до реки, чтобы в лодку вскочить, – хватъ, отнесло ветром лодку от берега чуть не на половину реки» [25. С. 98]. В свете читательского адреса характерно также, что в тексте гораздо сильнее выражена религиозная составляющая, а стиль произведения, несмотря на вкрапления исторических сведений, ближе к художественному, чем к научно-популярному.

Эта тенденция к художественному изложению истории Ермака становится еще более явной в 1890-е гг., когда начинают появляться новые исторические повести и романы о Ермаке. Два примера таких изданий есть и в коллекции Тюменцева. Первый из них – это роман Е. Николаевой «От плахи – к почести» в 3-х частях, выпущенный в петербургской типографии Е. Евдокимова в 1890 г. [26]. Он не был включен Тюменцевым в состав конволютов, вероятно, из-за своего объема и уменьшенного формата издания.

Несмотря на то что жанр произведения определен как «исторический роман из эпохи завоевания Сибири», на самом деле это один из первых примеров массового любовного романа в исторических декорациях. В основе сюжета Николаева – сомнительный и не подтвержденный никакими свидетельствами¹ факт женитьбы Ермака на Оль-

¹ Интересно, что в предисловии к первой публикации романа в петербургском журнале «Луч» Е. Николаева пытается придать научную весомость своему сюжету, утверждая, что женитьба Ермака – исторический факт. В доказательство она указывает на то, что «в 1883 году, в № 606 “Петербургских ведомостей” была напечатана статья г. Викентия Журавского, удостоверяющего, что в бытность свою в Западной Сибири, в Сольвычегодске, он сам видел документы, подтверждающие брак Ермака» [27]. Вскоре после этого в томской газете «Сибирский вестник» было опубликовано открытое письмо к Е. Николаевой некоего жителя

ге Строгановой, внучке наиболее известного из уральских солепромышленников XVI в. Аникея Строганова. В реальности никакой Ольги Яковлевны не существовало¹ – вероятнее всего, писательница выбрала это имя, опираясь на трагедию Хомякова и тем самым пытаясь дополнительно упрочить достоверность своего романа. Оттуда же, вероятнее всего, «перекочевал» в роман Николаевой и эпизод спасения героини от опричника.

Но если не принимать во внимание легкомысленное обращение автора с историческими фактами и явную надуманность любовного сюжета, нужно признать, что Е. Николаевой удалось написать чрезвычайно увлекательный роман. Легендарный завоеватель Сибири предстает в нем в неожиданной ипостаси страстного героя-любовника, предмета мечтаний как русских «боярышень», так и татарских красавиц: «Снова встал перед нею этот дорогой образ, мощный, сильный, кося сажень в плечах... с темными кудрями, волною сбегавшими с смуглого лба, с смелыми, жгучими глазами. Какая ласка и нежность светились в этих очах, когда они обращались на нее» [26. С. 71].

При этом в первых частях романа Ермак оказывается скорее второстепенным лицом – читатель следит преимущественно за переживаниями Ольги, ее любовным томлением, мечтами, ожиданием, радостью тайного свидания с героем, последующими терзаниями и т.д. Однако к концу второй части писательнице, видимо, показался исчерпанным этот сюжет – очевидно, что поездка Ольги с дружиной Ермака в Сибирь выглядела бы чересчур неправдоподобно. Поэтому Ольга умирает в родах на пути к мужу, а Ермак, завоевав Сибирь, становится объектом вождения одной из наложниц Кучума. Сюжет теперь разворачивается вокруг его моральных терзаний между памятью о любимой жене и страстью к «дикарке», которая, конечно, одерживает верх.

Тобольска А. Крылова, в котором он фактически обвиняет писательницу во лжи. Крылов указывает, что 606 номера «Петербургских ведомостей» не существовало вовсе, поскольку в год выходит всего 365–366 номеров этой газеты, а Сольвычегодск находится вовсе не в Западной Сибири [28]. Добавим, что, хотя В.М. Журавский – реальная личность, и в Сольвычегодске он действительно был, никаких документальных свидетельств, о которых он якобы упоминал в печати, до сих пор не обнаружено.

¹ У Якова Аникиевича Строганова, согласно историческим документам, до взрослого возраста дожили только две дочери – Варвара и Феодосия (см.: [29. С. 24–25]).

Неудивительно, что издание романа «От плахи – к почести» дошло до наших дней в крайне плачевном состоянии: очевидно, оно пользовалось огромным успехом у читателей, особенно женского пола. Книжный блок полностью оторван от переплета, большинство тетрадей не скреплены друг с другом или даже разделены на отдельные листы со смятыми и порванными краями, часть страниц отсутствует вовсе (например, потеряны или намеренно изъяты из книги листы с описанием первой встречи Ольги и Ермака, когда он спасает героиню от опричника). На страницах встречаются незначительные надписи чернилами, но интерпретировать их не представляется возможным¹.

На этом фоне весьма бледно смотрится еще один образец художественного переложения событий, связанных с завоеванием Сибири, – «повесть из времен Иоанна Грозного» под заголовком «Удалой Ермак Тимофеевич, покоритель Сибирского царства» [30]. Она была включена Тюменцевым в 333-й том «Сборников статей о Сибири» и, что показательно, прекрасно сохранилась. Само издание было выпущено в 1897 г. в Москве книгопродавцем С.А. Живаревым и не содержит никакой информации об авторе. Как показывает каталог Российской государственной библиотеки, под той же «издательской маркой» в конце 1890-х гг. вышла целая серия небольших исторических повестей, причем большинство также анонимны.

При знакомстве с текстом «Удалого Ермака Тимофеевича» становится понятно, что он представляет собой реферативное изложение известных исторических фактов. Основные мотивы официального «ермакова сюжета»² в повести сохранены: патриотический пафос, важная роль православной церкви, стремление Ермака оправдать вину за свое разбойничье прошлое и доброта к народам Сибири. Хотя события и описываются художественными средствами, стиль неизвестного автора настолько нивелирован и не имеет каких-либо специфических примет, что мало отличается от исторических очерков о Ермаке. Подробнее останавливается рассказчик только на диалогах исто-

¹ Например, на стр. 256 подчеркнуты и дополнительно отмечены галочкой на полях две строчки, в которых говорится о мизантропических настроениях одного из героев: «Он ненавидел людей; он пожалел бы собаку *скорее, чем человека.* – Из всех скотов, – говорил он, – настоящий скот *только один – человек*» [26. С. 256].

² Определение А.С. Янушкевича, см.: [31. С. 47].

рических персонажей. Впрочем, его стремление ни в чем не отходить от исторической правды на фоне романа Николаевой можно оценить только положительно.

Проведенное исследование позволяет с уверенностью заявить о высокой репрезентативности корпуса изданий о Ермаке, включенном Г.К. Тюменцевым в свою коллекцию. Очевидно, что томский педагог тщательно следил за всеми книгами о покорении Сибири, выходящими как в центральных, так и в сибирских издательствах. При этом первостепенное внимание он проявлял прежде всего к тому, что выпускалось в Европейской России, выражая тем самым общий для его круга интерес к «русской» истории региона. Тем не менее в библиотеке представлены все типы изданий о Ермаке – научные, научно-популярные и художественные. Репрезентативна коллекция и с точки зрения временного охвата: Тюменцев смог включить в нее даже книги, выпущенные до его рождения, дабы представить наиболее важные произведения о Ермаке первой половины XIX в. Благодаря этому читателям оказалась доступна не только динамичная картина представлений о завоевателе Сибири на протяжении почти века, но и весь спектр форматов, позволяющих раскрыть эти представления.

При этом речь идет не только о различных вариантах авторского видения – коллекция Тюменцева позволяет изучить еще и собственный взгляд на Ермака сибирского читателя. Степень сохранности книг, немногочисленные пометы, ряд внешних признаков – все это дало возможность оценить, что оказалось наиболее интересным для представителей томской интеллигенции, а также более широких слоев образованного населения. Очевидно, что здесь лидируют художественные произведения о Ермаке – особенно объемный исторический роман П. Свиньина и любовный роман Е. Николаевой. Однако не меньший интерес вызвали и научно-популярные издания, прежде всего беллетризованные биографии героя. В обоих случаях увлекательность повествования оказывается не менее важна, чем качество изложения: так, издание рассказа Н. Полушина, сильно уступающее произведению А.С. Суворина, сохранилось хуже, а книга с типично дамским романом Е. Николаевой рассыпается на части вследствие многократного прочтения. Однако значительным читательским вниманием отмечен и замечательный исторический очерк А.Н. Овсянникова,

в котором дана наиболее взвешенная оценка личности покорителя Сибири.

Ярким примером собственного осмысления событий XVI в. сибирской интеллигенцией стал сборник докладов «литературного утра» в Тобольске. На фоне однотипной трактовки личности Ермака столчными авторами тобольские педагоги довольно свободно выражают свою оценку деятельности атамана и его дружины, а также критикуют их воплощение в литературе, далекое от исторической правды.

Значительное количество книг о Ермаке в библиотеке Тюменцева свидетельствует о востребованности среди сибирских читателей героического сюжета, связанного, что немаловажно, не только с захватом, но и с окультуриванием «богатой и обширной страны, называемой Сибирью» [30. С. 3]. А «разноликость» Ермака в коллекции томского педагога как нельзя лучше доказывает широту взглядов сибирской интеллигенции на рубеже XIX–XX вв., стремление местного читателя следить за всеми тенденциями как литературного процесса, так и исторической мысли России и формировать собственное представление об истоках сибирского «трансграничья».

Литература

1. Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005. URL: <http://www.sibistorik.narod.ru/project/frontier/intro.html> (дата обращения: 16.08.2020).

2. Автобиография Гавриила Константиновича Тюменцева. URL: <https://сибиряки.онлайн/documents/avtobiografiya/> (дата обращения: 1.08.2020).

3. Колосова Г.И. «Энциклопедия сибиреведения»: книжное собрание Г.К. Тюменцева в фондах Научной библиотеки Томского университета // Вторые Макушинские чтения (23–24 мая 1991 г., Томск): [Материалы]. Томск, 1991. С. 116–118.

4. Колосова Г.И. Специфика состава книжного собрания Г.К. Тюменцева как отражение духовных запросов сибирского интеллигента второй половины XIX – начала XX в. // Факторы формирования духовного мира и социального облика населения Западной Сибири с древности до современности. Томск, 2004. С. 179–186.

5. Айзикова И.А. Художественная литература в книжной коллекции Г.К. Тюменцева (статья первая) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2016. № 1 (10). С. 86–116.

6. Залеский С.И. Отчет о командировке, состоявшейся летом 1893 года, по предложению Господина Томского Губернатора. Томск : Губ. тип., 1893 (Иссле-

дование пригодности некоторых маловодных местностей Барнаульского и Каинского округов к заселению переселенцами из Европейской России). 135 с.

7. *Введенский И.А.* Исторические сведения о Сибири до покорения ее Ермаком // [Материалы литературных чтений, посвященных 300-летию юбилею Сибири, в Тобольске в декабре 1882 г.]. Тобольск, 1883. С. 1–15.

8. Ермак, трагедия в пяти действиях, в стихах, сочинение Алексея Хомякова. М. : Типография Семена Селивановского, 1832. 167 с.

9. К.П. [Полевой К.А.] Ермак, трагедия в пяти действиях, в стихах, сочинение Алексея Хомякова // Московский телеграф. 1832. Ч. XLIV, № 6. С. 225–244.

10. *Вахрушева А.Н.* Романтическая концепция личности в трагедии А.С. Хомякова «Ермак» // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2010. № 4. С. 46–50.

11. *Цейтц Н.В.* К истории неосуществленного замысла Пушкина об «Ермаке» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1939. [Вып.] 4/5. С. 386–396.

12. Свинын Павел Петрович // Русские писатели. 1800–1917 : биографический словарь : в 7 т. М. : Большая Российская энциклопедия, 2007. Т. 5. С. 519–524. URL: <https://project.orenlib.ru/litmap/index.php?dn=person&mid=1&to=articleopen&id=68> (дата обращения: 5.08.2020).

13. Ермак или Покорение Сибири. Исторический роман XVI столетия // Сочинение Павла Свинына. СПб. : В типографии Х. Гинце, 1834. Ч. I–IV.

14. *Ремнев А.В.* Ермак как герой: от сибирских летописей до «Памятника тысячелетия России» // Влияние петровской эпохи на развитие сибирских городов (история, краеведение, культура) : материалы Всерос. науч. конф. (Омск, 11–14 окт. 2010 г.). Омск, 2010. С. 34–42.

15. [Материалы литературных чтений, посвященных 300-летию юбилею Сибири, в Тобольске в декабре 1882 г.]. Тобольск, 1883. С. 1.

16. *Коновалова Е.Н.* Книга Тобольской губернии. 1790–1917. Сводный каталог местных изданий. Новосибирск, 2006. 528 с.

17. По случаю 300-летней годовщины покорения Сибири... // Тобольские губернские ведомости. 1882. № 51 (18 декабря). С. 1.

18. *Львов [И.П.]*. Покорение Сибири Ермаком // [Материалы литературных чтений, посвященных 300-летию юбилею Сибири, в Тобольске в декабре 1882 г.]. Тобольск, 1883. С. 17–21.

19. *Куратов [Н.А.]*. Личность Ермака в народной поэзии // [Материалы литературных чтений, посвященных 300-летию юбилею Сибири, в Тобольске в декабре 1882 г.]. Тобольск, 1883. С. 23–32.

20. *Оксенов А.В.* Ермак в былинах русского народа. СПб. : Типография А.С. Суворина, 1892. 21 с.

21. *Биневич Е.* Оксенов Иннокентий Александрович // Энциклопедический словарь «Литераторы Санкт-Петербурга. XX век». URL: <https://lavkapisateley.spb.ru/enciklopediya/o/oksjonov-> (дата обращения: 7.08.2020).

22. *Воробьева Т.Л.* Молодежные читательские практики в Томске (конец XIX – начало XX в.) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2017. № 15. С. 91–103.
23. *Овсянников А.Н.* Ермак Тимофеевич. Покоритель Сибири // Детское чтение. СПб., 1882. № 12. С. 234–266.
24. *Суворин А.С.* Ермак Тимофеевич, покоритель Сибири : рассказ. 3-е изд. СПб. : Типография А.С. Суворина, 1887. 68 с.
25. Атаман Ермак Тимофеевич, покоритель Сибирского царства / составил Н. Полушин. М. : Типография И.Д. Сытина и Ко, 1892. 108 с.
26. Николаева Е. От плахи – к почести. Исторический роман. Из эпохи завоевания Сибири : в 3 ч. СПб. : Типография Е. Евдокимова, 1890. 677 с.
27. *Николаева Е.* От плахи – к почести // Луч. 1890. № 7. Приложение.
28. *Крылов А.* Женат ли был Ермак (Открытое письмо г-же Николаевой – автору романа из эпохи завоевания Сибири: «От плахи – к почести») // Сибирский вестник. 1890. № 135. С. 1.
29. *Купцов И.В.* Род Строгановых. Челябинск, 2005. 224 с.
30. Удалой Ермак Тимофеевич, покоритель Сибирского царства: Повесть из времён Иоанна Грозного. М. : С.А. Живарев, 1897. 180 с.
31. *Янушкевич А.С.* «Ермаков сюжет» в русской литературе 1820–1830-х годов // Мотивы и сюжеты русской литературы. От Жуковского до Чехова. Томск, 1997. С. 40–48.

Books About Yermak in the Library of Gavriil Tyumentsev as an Indicator of the Siberian Reader’s Cultural Self-Identification (Based on Materials from the Research Library of Tomsk State University)

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2020, 24, pp. 68–95

DOI: 10.17223/23062061/24/4

Irina F. Gnyusova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: irbor2004@mail.ru

Keywords: Gavriil Tyumentsev, library, reader, Yermak, Siberia, transboundedness, A.S. Khomyakov, P.P. Svinin, A.S. Suvorin.

The study is carried out within the state assignment of the RF Ministry of Science and Higher Education, Project No. 0721-2020-0042.

Yermak Timofeevich, the conqueror of Siberia, is a key figure of the Siberian frontier and a special “myth” about Siberia in Russian culture. The aim of the article is to find out the idea of Yermak that Siberian intellectual readers formed at the turn of the 20th century. The library of the eminent Tomsk teacher Gavriil Tyumentsev is a representative material for this study. During his life, Tyumentsev collected books and various materials about Siberia. The corpus of publications on Yermak belongs to the period from 1832 to 1897. The books are mainly issued by the capital’s publishing houses and include works of various genres, both fiction (historical story, novel, tragedy) and non-fiction (historical essay, research paper, materials of anniversary readings). Two

fictionalized biographies of Yermak stand apart. Folklore is an important component of many works. Readers of the publications are heterogeneous, although most of the books are intended for the mass educated reader. The degree of preservation of the books, few notes, and a number of external signs—all this made it possible to assess what turned out to be the most interesting for the reader. Fictional works about Yermak are in the lead, especially the voluminous historical novel *Yermak, or the Conquest of Siberia* (1834) by P. Svinin and the love story *From Chopping Block to Honor* (1890) by E. Nikolaeva. However, popular science publications, primarily fictionalized biographies of the hero, aroused no less interest. In both cases, the fascination of the narrative turns out to be no less important than the quality of the text: for example, the publication of the short story of the populist N. Polushin, which is much more inferior to the work of the famous journalist and publisher A.S. Suvorin, has been preserved worse, and the book with E. Nikolaeva's woman's novel falls to pieces as a result of repeated reading. However, a remarkable historical essay by the Petersburg teacher A.N. Ovsyannikov, in which the author gave the most balanced assessment of the conqueror of Siberia, also attracted the reader's attention. The collection of reports of the "literary morning" in Tobolsk (1883) is a vivid example of how the Siberian intelligentsia understands the events of the 16th century. Against the background of the same type of interpretation of Yermak's personality by the metropolitan authors, Tobolsk teachers freely express their assessment of the activities of the ataman and his army, and also criticize their presentation in literature, which is far from the historical truth. The significant number of books about Yermak in the Tyumentsev library testifies to the fact that the heroic plot, associated not only with the capture, but also with the domestication of Siberia, was in demand among Siberian readers. And the "diversity" of Yermak in the collection of the Tomsk teacher is the best proof of the breadth of views of the Siberian intelligentsia at the turn of the 20th century, the desire of the local reader to follow all the trends of both the literary process and the historical thought of Russia and form their own idea of the origins of the Siberian "transboundedness".

References

1. Rezun, D.Ya. & Shilovsky, M.V. (2005) *Sibir', konets XVI – nachalo XX veka: frontir v kontekste etnosial'nykh i etnokul'turnykh protsessov* [Siberia, the end of the 16th — the beginning of the 20th century: the frontier in the context of ethnosocial and ethnocultural processes]. Novosibirsk: Sova. [Online] Available from: <http://www.sibistorik.narod.ru/project/frontier/intro.html> (Accessed: 16th August 2020).
2. Tyumentsev, G.K. (n.d.) *Avtobiografiya* [Autobiography]. [Online] Available from: <https://sibiryaki.onlayn/documents/avtobiografiya/> (Accessed: 1st August 2020).
3. Kolosova, G.I. (1991) ["The Encyclopedia of Siberian Studies": G.K. Tyumentsev's book collection in the Research Library of Tomsk University]. *Vtorye Makushinskie chteniya* [The Second Makushin Readings]. May 23–24, 1991. Tomsk. pp. 116–118. (In Russian).

4. Kolosova, G.I. (2004) Spetsifika sostava knizhnogo sobraniya G.K. Tyumentseva kak otrazhenie dukhovnykh zaprosov sibirskogo intelligenta vtoroy poloviny XIX – nachala XX v. [The specificity of G.K. Tyumentsev's the book collection as a reflection of the spiritual needs of a Siberian intellectual in the second half of the 19th – early 20th centuries]. In: Voskresenskaya, M.A. (ed.) *Factory formirovaniya dukhovnogo mira i sotsial'nogo oblika naseleniya Zapadnoy Sibiri s drevnosti do sovremennosti* [Factors of the formation of the spiritual world and social appearance of Western Siberian population from antiquity to the present]. Tomsk: NTL. pp. 179–186.

5. Ayzikova, I.A. (2016) Fiction in the book collection of G.K. Tyumentsev (Article I). *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing.* 1(10). pp. 86–116. (In Russian). DOI: 10.17223/23062061/10/6

6. Zalesky, S.I. (1893) *Otchet o komandirovke, sostoyavsheysya letom 1893 goda, po predlozheniyu Gospodina Tomskogo Gubernatora* [Report on a business trip that took place in the summer of 1893, at the suggestion of the Tomsk Governor]. Tomsk: Gubernskaya tiografiya.

7. Vvedensky, I. (1883) [Historical information about Siberia before its conquest by Yermak]. *Materialy literaturnykh chteniy, posvyashchennykh 300-letnemu yubileyu Sibiri, v Tobol'ske v dekabre 1882 g.* [Proceedings of literary readings dedicated to the 300th anniversary of Siberia, in Tobolsk in December 1882]. Tobolsk: [s.n.]. pp. 1–15.

8. Khomyakov, A. (1832) *Ermak, tragediya v pyati deystviyakh, v stikhakh* [Yermak, tragedy in five acts, in verse]. Moscow: Tipografiya Semena Selivanovskogo.

9. K.P. [Polevoy, K.A.] 1832) *Ermak, tragediya v pyati deystviyakh, v stikhakh, sochinenie Aleksey Khomyakova* [Yermak, a tragedy in five acts, in verse, by Alexei Khomyakov]. *Moskovskiy telegraf.* XLIV(6). pp. 225–244.

10. Vakhrusheva, A.N. (2010) Romanticheskaya kontseptsiya lichnosti v tragedii A.S. Khomyakova “Ermak” [The romantic concept of personality in A.S. Khomyakov's tragedy “Yermak”]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya “Istoriya i filologiya” – Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series.* 4. pp. 46–50.

11. Tseytts, N.V. (1939) K istorii neosushchestvlennoy zamysla Pushkina ob “Ermake” [On the history of Pushkin's unfulfilled plan about “Yermak”]. *Pushkin: Vremennik Pushkinskoy komissii.* 4/5. pp. 386–396.

12. Nikolaev, P.A. (ed.) (2007) *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskiy slovar': V 7 t.* [Russian writers. 1800–1917: Biographical Dictionary: In 7 vols]. Vol. 5. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya. pp. 519–524. [Online] Available from:

<https://project.orenlib.ru/litmap/index.php?dn=person&mid=1&to=articleopen&id=68> (Accessed: 5th August 2020)

13. Svinyin, P. (1834) *Ermak ili Pokorenie Sibiri. Istoricheskiy roman XVI stoletiya* [Yermak or the Conquest of Siberia. Historical novel of the 16th century]. St. Petersburg: Kh. Gintse.

14. Remnev, A.V. (2010) [Yermak as a hero: from the Siberian chronicles to the “Monument to the Millennium of Russia”]. *Vliyanie petrovskoy epokhi na razvitie sibirskikh gorodov (istoriya, kraevedenie, kul'tura)* [The influence of Peter the Great's era

on the development of Siberian cities (history, local history, culture)]. Proc. of the All-Russian Conference. Omsk, October 11–14, 2010. Omsk. pp. 34–42. (In Russian).

15. Anon. (1883) *Materialy literaturnykh chteniy, posvyashchennykh 300-letnemu yubileyu Sibiri, v Tobol'ske v dekabre 1882 g.* [Proceedings of literary readings dedicated to the 300th anniversary of Siberia, in Tobolsk in December 1882]. Tobolsk: [s.n.]. p. 1.

16. Konovalova, E.N. (2006) *Kniga Tobol'skoy gubernii. 1790–1917. Svodnyy katalog mestnykh izdaniy* [The Book of Tobolsk Province. 1790–1917. The consolidated catalog of local publications]. Novosibirsk: SB RAS.

17. *Tobol'skie gubernskie vedomosti.* (1882) Po sluchayu 300-letney godovshchiny pokoreniya Sibiri... [On the occasion of the 300th anniversary of the conquest of Siberia]. 51 (18th December). p. 1.

18. Lvov, [I.P.] (1883) Pokorenie Sibiri Ermakom [The conquest of Siberia by Yermak]. In: *Materialy literaturnykh chteniy, posvyashchennykh 300-letnemu yubileyu Sibiri, v Tobol'ske v dekabre 1882 g.* [Proceedings of literary readings dedicated to the 300th anniversary of Siberia, in Tobolsk in December 1882]. Tobolsk: [s.n.]. pp. 17–21.

19. Kuratov, [N.A.] (1883) Lichnost' Ermaka v narodnoy poezii [Yermak's personality in folk poetry]. In: *Materialy literaturnykh chteniy, posvyashchennykh 300-letnemu yubileyu Sibiri, v Tobol'ske v dekabre 1882 g.* [Proceedings of literary readings dedicated to the 300th anniversary of Siberia, in Tobolsk in December 1882]. Tobolsk: [s.n.]. pp. 23–32.

20. Oksenov, A. (1892) *Ermak v bylinakh russkogo naroda* [Yermak in the epics of the Russian people]. St. Petersburg: A.S. Suvorin.

21. Binevich, E. (n.d.) Oksenov Innokentiy Aleksandrovich [Oksenov Innokenty Aleksandrovich]. In: Bogdanova, O.V. (ed.) *Entsiklopedicheskiy slovar' "Literaturny Sankt-Peterburga. XX vek"* [Encyclopedic Dictionary "Literators of St. Petersburg. 20th century"]. [Online] Available from: <https://lavkapisateley.spb.ru/enciklopediya/o/oksjonov/> (Accessed: 7th August 2020).

22. Vorobyeva, T.L. (2017) Youth reading practices in Tomsk (late 19th – early 20th centuries). *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing.* 15. pp. 91–103. (In Russian). DOI: 10.17223/23062061/15/6

23. Ovsyannikov, A. (1882) Ermak Timofeevich. Pokoritel' Sibiri [Yermak Timofeevich. The Conqueror of Siberia]. *Detskoe chtenie.* 12. pp. 234–266.

24. Suvorin, A.S. (1887) *Ermak Timofeevich, pokoritel' Sibiri: Rasskaz* [Yermak Timofeevich, the Conqueror of Siberia: A Story]. 3rd ed. St. Petersburg: A.S. Suvorin.

25. Polushin, N. (1892) *Ataman Ermak Timofeevich, pokoritel' Sibirskogo tsarstva* [Ataman Yermak Timofeevich, the conqueror of the Siberian kingdom]. Moscow: I.D. Sytin i Ko.

26. Nikolaeva, E. (1890) *Ot plakhi – k pochesti. Istoricheskiy roman. Iz epokhi zavoevaniya Sibiri* [From the chopping block – to honor. A historical novel. From the era of the Siberian conquest]. St. Petersburg: E. Evdokimov.

27. Nikolaeva, E. (1890) *Ot plakhi – k pochesti* [From chopping block to honor]. *Luch.* 7. Appendix.

28. Krylov, A. (1890) Zhenat li byl Ermak. (Otkrytoe pis'mo g-zhe Nikolaevoy – avtoru romana iz epokhi zavoevaniya Sibiri: “Ot plakhi – k pochesti”) [Was Yermak married? (Open letter to Mrs. Nikolaeva – the author of the novel about the Siberian conquest: “From the chopping block – to honor”)]. *Sibirskiy vestnik*. 135. p. 1.

29. Kuptsov, I.V. (2005) *Rod Stroganovykh* [The Stroganov family]. Chelyabinsk: [s.n.].

30. Anon. (1897) *Udaloy Ermak Timofeevich, pokoritel' Sibirskogo tsarstva: Povest' iz vremen Ioanna Groznogo* [Daring Yermak Timofeevich, Conqueror of the Siberian Kingdom: A Story from the Times of Ivan the Terrible]. Moscow: S.A. Zhivarev.

31. Yanushkevich, A.S. (1997) “Ermakov syuzhet” v russkoy literature 1820–1830-kh godov [The “Yermak plot” in Russian literature of 1820–1830s]. In: Yanushkevich, A.S. (ed.) *Motivy i syuzhety russkoy literatury. Ot Zhukovskogo do Chekhova* [Motives and plots of Russian literature. From Zhukovsky to Chekhov]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 40–48.

УДК 002.2”81

DOI: 10.17223/23062061/24/5

И.В. Тубалова

ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В СОСТАВЕ АРХИВА А.Д. ГРИГОРЬЕВА (ПРАЖСКАЯ СЛАВЯНСКАЯ БИБЛИОТЕКА)¹

***Аннотация.** Статья представляет аналитическое описание сибирских диалектологических материалов основателя Томской диалектологической школы А.Д. Григорьева, хранящихся в Славянской библиотеке – подразделении Национальной библиотеки Чешской Республики (Прага). Содержание и форма представления этих материалов отражают исследовательские установки автора и могут быть востребованы в современной лингвистике для изучения как динамики развития диалектологии и лингвистики в целом, так и принципов формирования парадигмы полевых исследований. Материалы могут быть интересны историкам, этнографам и др., так как отражают широкий исследовательский кругозор их автора.*

Ключевые слова: *А.Д. Григорьев, архив, диалектология, лингвистическая методология, полевая лингвистика.*

Александр Дмитриевич Григорьев – русский этнограф, историк, диалектолог, фольклорист, общественный деятель – является основателем диалектологического направления, активно развивающегося в Томском государственном университете в настоящее время. О.И. Блинова, последнюю четверть века руководившая Томской диалектологической школой и являвшаяся одним из самых активных ученых-идеологов, продолживших дело А.Д. Григорьева, пишет: «Год основания научной школы – 1917-й. Основоположник школы – первый декан историко-филологического факультета Томского государственного университета (ранее Императорского), заведующий кафедрой русского языка и словесности профессор А.Д. Григорьев. Он провёл первые диалектологические экспедиции в села бывшей Томской

¹ Статья написана в рамках научного проекта № 8.1.10.2020 «Подготовка контента для электронной энциклопедии “Словесная культура Сибири”» (институциональные уровни функционирования словесной культуры в регионе)», выполненного при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

губернии, заложил основы диалектологических штудий» [1. С. 125]. А.Д. Григорьев работает в Томске с 1917 по 1922 г. [2].

Биография, научная деятельность и характер исследовательских материалов А.Д. Григорьева нашли отражение в ряде исторических и историко-литературных работ [3–8 и др.], в том числе – в отдельной статье энциклопедического издания «Профессора Томского университета» (авторский коллектив под руководством С.Ф. Фоминых) [2], а также в алфавитном указателе «Русская эмиграция в Польше 1919–1945» (составители – А.Р. Мохоля, П.М. Лавринцев) [9].

Диалектологическая деятельность А.Д. Григорьева отличается не только значимыми результатами в изучении фольклора и народной речи, но и активностью в продвижении диалектологии как научного направления, распространении его идей. Так, в 1903 г. А.Д. Григорьев выступает с инициативой о создании Московской диалектологической комиссии (создана в 1904 г.; с 1919 г. – Постоянная комиссия по диалектологии русского языка), поддержанной московскими лингвистами, в том числе – Д.Н. Ушаковым [3. С. 698]. В период работы в Томске А.Д. Григорьев становится организатором и первым председателем Общества этнографии, истории и археологии (1917 г.) [2. С. 88–89], одним из аспектов деятельности которого становится организация сибирских диалектологических экспедиций.

Несколько наиболее значимых диалектологических работ А.Д. Григорьева опубликованы в изданиях Томского государственного университета: например, «Русские говоры западной половины Николаевского уезда Самарской губернии» [10], «Программа для собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты русского языка в Сибири: Северно-великорусские и средневеликорусские говоры» [11], «Устройство и заселение Московского тракта в Сибири с точки зрения изучения русских говоров» [12].

Биографические сведения об А.Д. Григорьеве [2, 4] указывают на то, что в Томский университет он прибыл уже сложившимся диалектологом, вооруженным значительным экспедиционным и исследовательским опытом. О своих исследовательских намерениях, связанных с Томским периодом работы, позже он напишет: «Оказавшись первым представителем кафедры русского языка и словесности в Томском университете, я поставил себе целью изучить мало известные еще в науке русские говоры Сибири, насколько позволят мои силы, небольшое количество сво-

бодного времени (при исполнении обязанностей по своей кафедре, деканству, проректуре и замещению родственных профессур) и создавшаяся обстановка (гражданская война и внутренние фронты)» [13. С. 26].

Сибирские диалектологические изыскания определили содержание научной и преподавательской деятельности А.Д. Григорьева в Томском университете [2. С. 89]. Здесь в 1921–1922 гг. он читает специальный курс по диалектологии «Русские старожильческие говоры Сибири», ведет исследование русских говоров Сибири, является организатором и активным участником экспедиционной деятельности [13. С. 30] (результаты его томских диалектологических исследований опубликованы позже в отдельной монографии «Русские старожильческие говоры Сибири» [13]).

Материалы, собранные в рамках этих экспедиций, послужили основой для дальнейшего исследования русских говоров Сибири, которые А.Д. Григорьев продолжил в Чехословакии [2. С. 89], где он провел последние годы жизни – после выхода в отставку [Там же. С. 88].

Именно в Праге хранится его личный рукописный и машинописный архивный фонд, вызывающий особый исследовательский интерес и обычно обозначаемый как «пражский архив» [6, 8 и др.]. Пражский архив А.Д. Григорьева составляют собрание старорусских рукописей, личный архив, подготовленные к печати труды, подготовительные материалы к исследованиям и другие материалы [8].

Наиболее значительная его часть хранится в Архиве чешской Академии наук [6, 8, 14]. Меньшая часть пражского архива А.Д. Григорьева размещена в Славянской библиотеке – подразделении Национальной библиотеки Чешской Республики (Клементинум, Прага). Именно здесь находятся сибирские диалектологические материалы, которые являются объектом нашего описания в данной статье.

Общая характеристика собрания старорусских рукописных книжных памятников из пражской коллекции А.Д. Григорьева представлена в работе А.В. Флоровского [8]. Большая часть хранящихся в пражском архиве памятников старорусской письменной традиции была собрана А.Д. Григорьевым в Архангельской губернии. Небольшая их часть (6 памятников) была приобретена исследователем в Томске. Они включают рукописи как светские, так и культового содержания. Рукописи распределены самим А.Д. Григорьевым по группам в зависимости от места их приобретения и содержания [Там же].

Диалектологические материалы А.Д. Григорьева, представляющие факты фиксации обыденной устной речи носителей русских старожильческих говоров Сибири первой трети XX в., практически не описаны в отечественном научном контексте и в исследовательский оборот не введены. Часть материалов такого типа входит в состав пражского архива ученого.

Охарактеризуем диалектологические материалы той части пражского архива, которые хранятся в Национальной библиотеке Чешской Республики. В их составе – несколько экземпляров печатного издания «Программы для собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты русского языка в Сибири: северновеликорусские и средневеликорусские говоры» и рукописные записи речи сибиряков, сделанные в рамках диалектологических экспедиций.

1. Программа для собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты русского языка в Сибири¹.

Данное сочинение впервые было издано в Томске, в журнале «Известия Томского университета» (Томск: Типография Всероссийской академии Генерального штаба, 1919) [11]. Как отмечает сам автор, создано данное сочинение им на основании программы, составленной Московской диалектологической комиссией по северновеликорусским и средневеликорусским говорам в 1911 г.: «В ней мною сделаны только необходимые для Сибири изменения и добавления» [Там же. С. 2].

Архивные экземпляры Программы представляют собой оттиски [15] из указанного журнала [11]. На титульной странице издания под основным заголовком в скобках размещен указывающий на это подзаголовок: «Оттискъ изъ Извѣстій Томскаго Университета» [15]. Конкретные экземпляры содержат рукописные пометы.

1.1. Сам текст включает введение, подписанное автором, и список вопросов к респондентам. Данный текст был составлен автором еще в Томске и предназначен для предъявления респондентам с дальнейшей фиксацией их ответов на разработанные с учетом специфики объекта исследования (Сибирские говоры) вопросы.

Текст Программы представлен в графике и орфографии, принятой до реформы 1917–1918 гг. (включает букву «Ѣ», «І», а также «Ъ» на

¹ Далее – Программа.

конце слов). Печатный экземпляр Программы представляет собой брошюру из 10 листов; текст размещен на 16 страницах.

Первая часть Программы представляет небольшое (одна страница) введение, написанное от имени А.Д. Григорьева и обращенное к респондентам. Автор достаточно эмоционально и лично (с использованием персонифицированной «Вы»-формы) призывает их поучаствовать в исследовательской деятельности: «Русские говоры Сибири почти не изучены. Приступая к изучению их и к составлению диалектологической карты русского языка в Сибири, в надежде на Ваше благосклонное содействие, я обращаюсь к Вам с просьбой сообщить мне сведения об особенностях русского языка той местности, где Вы живете или жили» [15. С. 2].

Далее автор дает инструкцию по заполнению представленной в Программе анкеты. Стиль инструкции также отражает априорную признательность автора за проделанную респондентами работу: «Я буду благодарен Вам за всякое сообщение, как подробное, так и краткое, но убедительно прошу прежде всего дать точные ответы на прилагаемые вопросы, хотя бы эти вопросы и казались Вам несущественными, а затем, если Вы найдете возможным, дополнить свои ответы и другими сведениями <...> Если Вы не имеете времени для полного ответа, можете ограничиваться подчеркиванием и исправлением в программе примеров, соответственно известному Вам говору» [15. С. 2]. В то же время в инструкции фиксируются четкие профессиональные установки диалектолога, отражающие направленность на реализацию научных идей автора: «Старайтесь писать так, как произносят, не стесняясь общепринятым правописанием и обязательно отмечая ударения <...> Прислушивайтесь к языку старожилов, староселов и новоселов, а не временно проживающих у Вас. Если есть разница в говоре известных Вам селений, то, приводя примеры, будьте добры всякий раз указывать, от жителей какого именно селения Вы его слышали» [Там же].

Введение завершается просьбой, отражающей внешнюю специфику экспедиционной деятельности того времени: «Ввиду того, что, вследствие дороговизны печатания и бумаги, программа печатается в ограниченном числе экземпляров, очень прошу возвращать программу даже в том случае, если она не будет заполнена» [15. С. 2].

Собственно анкетная часть Программы состоит из двух общих вопросов и 87 частных вопросов, касающихся конкретных особенностей говорения.

Первый из общих вопросов – паспортизирующий: просьба дать сведения о названии населенного пункта, к которому относятся ответы, его географическом положении («назовите ближайшую железнодорожную станцию (или паромную пристань) и почтовое отделение и укажите приблизительное расстояние от станции и от уездного города» [15. С. 3]) и особенностях формирования его населения («отметьте, откуда и когда явились жители описываемого селения» [Там же]). Второй общий вопрос направлен на дифференциацию окающих и акающих говоров («Говорят ли у Вас на *о* или на *а*, т.е. произносят *воды*, *домой* или *вады*, *дамой*?» [Там же]). К этому вопросу добавлен инструктивный компонент, связанный с выбором той части анкеты, с которой предстоит работать респонденту, – в зависимости от типа описываемого говора («Если у Вас говорят на *о*, то отвечайте на вопросы с 3 по 13 и с 17-го до конца, а если у Вас говорят на *а*, то отвечайте на вопросы с 14 до конца» [Там же]).

Частные вопросы делятся на 3 части: 1) «Вопросы для окающих говоров» [15. С. 3], 2) «Вопросы для акающих говоров» [Там же. С. 5] и 3) «Вопросы, общие для всех говоров» [Там же. С. 8]. Части 1 и 2 представляют вопросы, направленные на выявление фонетических особенностей, отражающих, по мнению А.Д. Григорьева, специфику окающих и акающих говоров. Третья часть составлена из вопросов, обнаруживающих специфику говоров в фонетическом (независимо от их окающего / акающего типа), грамматическом и лексическом аспектах.

Формулировки вопросов отражают результаты адаптации московской программы к сибирскому материалу и представляют собой, несмотря на скромное замечание автора (см. выше), продукт огромных исследовательских изысканий ученого. Так, само разделение вопросов, направленных на выяснение фонетической специфики исследуемых говоров, на два типа отражает гипотезу исследователя о наличии в данном регионе как окающих, так и акающих говоров. Основную цель своей работы, осуществляемой при использовании данной Программы, А.Д. Григорьев обозначает как «выяснение общего распределения русских говоров старожилого населения Сибири и общего характера их (оканья и аканья)» [13. С. 29].

В конкретных вопросах отражаются результаты предварительных выводов об особенностях сибирских говоров: фонетических «Произносят ли у Вас в слоге, непосредственно предшествующем ударяемому, *о* всегда как *о*, или не всегда...?»¹ [15. С. 3], «Произносят ли: берегу, перенёс, или бирягу, пирянёс, или как-нибудь иначе?» [Там же. С. 4] («Какие звуки произносятся вместо *о*, *а* в слогах после ударения: а) не в конечном слоге: борыды, из горыда, в горыде, этыва, дурычка, палычка, или: борады, из горада, в гораде, этава, дурачка, палачка, или с неясным звуком?» [Там же. С. 6], и под.); грамматических («Не говорят ли у Вас косить трава, топить баня, вода принести, шуба надеть?» [Там же. С. 15], «Употребляется ли у Вас деепричастие в значении сказуемого, т.е. говорят ли: он уехатчи, ему на пятый десяток пошотчи, много денег было оставши, корова была теливши, замуж вышотцы вместо: он уехал, ему пошло на 5-й десяток... осталась... телилась... вышла? Приведите побольше примеров. – Нет ли разницы в значении между этими оборотами, т.е. между «он уехал» и «он уехатчи» и т.д.» [Там же] и под.); лексических («Как говорят у Вас чаще: конь или лошадь; орать или пахать; пахать (хлеб) или рушать, или резать; волочить или бороновать (боронить) или скородить; зыбка – люлька; баской – красивый; мести (пол веником), или пахать?» [Там же. С. 16]).

Наряду с вопросами, направленными на экспликацию собственно лингвистической информации, в разделе «Вопросы, общие для всех говоров» автор пытается получить этнолингвистическую и лингвогеографическую информацию, что также соответствует его научным интересам, но не связано напрямую с целью использования данной Программы: «Кроме того, было бы желательно, если бы Вы дали список слов, употребительных в известной Вам местности, например: названий построек, частей избы, сельскохозяйственных орудий, домашней утвари, одежды (и частей одежды), животных, хлебных и полевых растений, кушаний...» [15. С. 16], «Укажите, не изменяется ли в чем-нибудь говор старожилов под влиянием переселенцев и обратно, не отличает-

¹ Здесь и далее курсив и полужирный шрифт, а также знаки пунктуации соответствуют типографскому варианту представления текста Программы; авторская орфография сохраняется в словах, выполняющих функцию примеров диалектного произношения.

ся ли говор молодежи от говора старшего поколения, а если изменяется, то в чем именно» [15. С. 16].

Характер вопросов отражает особенности сбора информации, свойственные диалектологической парадигме начала XX в., когда полевая лингвистика еще только зарождалась. В соответствии с этим респонденты выполняли роль «посредников» между ученым-исследователем и носителем диалекта, производя промежуточную оценку особенностей говорения последних.

При этом такая оценка, согласно характеру вопросов, не была абсолютно бытовой, полностью лишенной профессиональных оснований.

Как пишет сам автор, в качестве основных респондентов предполагались студенты историко-филологического факультета Томского университета, прибывшие на учебу из разных местностей: «Ее экземпляры я широко распространял среди студентов Историко-филологического и (в бытность мою проректором) других факультетов, а также рассылал. Благодаря этому было получено не малое число ответов на вопросы этой программы из разных мест Сибири, но преимущественно Западной» [13. С. 28]. Для работы с Программой респонденты должны были владеть литературной нормой и обладать первичными базовыми знаниями в области теории языка. В связи с этим вопросы формулируются с использованием указаний на специальные характеристики языковой системы («Как произносят родит.-винит. пад. ед. ч. женск. рода местоимения 3 го лица: *её* или *ее*? Или, быть может, у Вас говорят *ее* или *её* только в родит. пад., а в винит. – *яну*, *ею* или *ю*?» [15. С. 13]), особенности диалектных норм разных территорий России («Произносят ли *ч* мягко, по-московски: дочь, *бочька*, *чистый*, *чяй*, *черьви*, *молчи*, или твердо: дочь, *бочька*, *чыстый*, *чэрьви*, *молчы*, *чай* (вроде, как «тшай»)?)» [Там же. С. 10]) и под.

Установка на владение респондентов литературной нормой выражается в направленности вопросов на фиксацию ее нарушения: «Не пропускают ли у Вас *д* после гласного перед *и*, например: *лошай*, *гляи*, *погои* вм. лошади, *гляди*, *погоди*?» [15. С. 12], «Не произносят ли у Вас *мм*, *гм* вместо *бм*: *омман* или *огман*, *нн* вместо *дн*: *ланно*, *обинно*, на *нно* (на дно), *досанно*?» [Там же].

1.2. Особый интерес представляют рукописные пометы, выполненные разным почерком, чернилами разного оттенка и карандашом. Их содержание и расположение на страницах позволяет предполо-

жить, что они сделаны (1) исследователем и (2) респондентами, отвечающими на анкетные вопросы. Большинство помет сделаны на русском языке, отдельные – на чешском.

1. Среди помет (предположительно) исследователя можно выделить: записи, связанные с организацией исследования; записи, оформляющие исследовательские метаданные; комментарии к ответам респондентов. Перечисленные типы помет отражают содержание диалектологической деятельности на основании Программы.

2. Пометы респондентов включают: ответы на вопросы Программы, выполненные при помощи подчеркивания или словесной записи; дополнительные комментарии к собственным ответам.

Рассмотрим в качестве примера пометы, зафиксированные в одном из экземпляров Программы.

Созданный в Томске и предназначенный для распространения в основном среди томских студентов текст анкеты во введении содержал томский адрес, по которому «ответы на программу и записи произведений» [15. С. 2] автор просил высылать. В рассматриваемом архивном экземпляре томский адрес перечеркнут, над ним между строк от руки на чешском языке вписан адрес в Прешове (где А.Д. Григорьев работал до переезда в Прагу [2. С. 88]). Один из исследователей отмечает, что это эмигрантский адрес А.Д. Григорьева [7]. Как пишет этот же исследователь, «дополнительную, хотя, на наш взгляд, и не совсем надежную информацию ученый черпал у сибирячек, вышедших замуж за чехословацких легионеров» [Там же]. Таким образом, это помета, связанная с организацией исследования: сбор диалектологической информации с использованием Программы продолжался и в период работы А.Д. Григорьева в Чехословакии.

Об этом же свидетельствуют пометы, содержательно относящиеся к метаданным. Так, вверху страницы, начинающей собственно анкетную часть Программы, имеется запись, фиксирующая название города (Прешов) и год (1929 г. – время, когда А.Д. Григорьев жил в Прешове [2]) и означающая, вероятно, место и время сбора материала.

К метаданным относятся и рукописные записи имени респондента (на русском языке), чешского адреса (на чешском) и, вероятно, места, где он жил в России (на русском языке). Соответственно – результаты анализа говора, бытующего там (Ашлыкская волость Тобольской губернии), представлены в анкетных ответах.

Исследовательские комментарии к ответам респондентов спровоцированы либо их непониманием поставленной задачи, либо недостаточностью приведенных ими сведений. Так, в анкете есть вопрос: «Как произносится *e* перед ударением ...г) или, наконец, как *e* везде: слеза, слезы, слезу, слезой...» [15. С. 4]. Отвечая на него, респондент подчеркивает все приведенные примеры и в печатном изображении словоформы «слезы» от руки исправляет «е» на «ё». На полях в виде рукописной пометы имеется исследовательская реакция на ответ: «? ударение слёзы или слезьы», что фиксирует неверную интерпретацию респондентом поставленного вопроса. Ответ на последний вопрос анкеты «В каких еще селениях слышится такой говор, как в Вашем селении?» [Там же. С. 16] респондент формулирует следующим образом: «Во всем Тобольском округе. Старожилы – переселенцы, а речь молодого поколения исправлялась на московское наречие». К этому ответу исследователь представляет следующие рукописные комментарии, направленные на уточнение полученной информации: «Жители – старожилы или переселенцы? Чей это говор – старого поколения старожилов?».

Большинство ответов респондентов выполнены в виде подчеркивания выбранных из предложенных в печатном тексте вариантов, что соответствует построению большинства вопросов Программы. Второй по частотности способ представления помет такого типа – записи ответов респондентов. Большинство ответов респондент приводит кратко, без комментариев, форма ответа прямо соответствует форме вопроса. Например, отвечая на вопрос «Не произносят ли *e* вместо *я* под ударением, например в словах: грезь, петь, дедя, в шлепе, хозеин?» [15. С. 8], респондент подписывает «Нет», вопрос «Произносят ли *ё* вместо *e* перед ударением, например: гнёздо, звёзда, в лёсу, рёка, пётух?» [Там же. С. 5] сопровождается пометой «Не произносят». Реагируя на заданную в Программе общую установку сопоставлять диалектное произношение с литературным, в нескольких случаях респондент отвечает «Произносят правильно», «Правильно» не только на вопросы, где такая установка проявлена формально («Встречается ли у Вас тв. п. ед. ч. вместо предложного от прилагательных и местоимений, напр.: в эфтим доме, о вторым часу, на жолтым песку?» [Там же. С. 13] и под.), но и на вопросы, где она имплицирована («Как произносится 1-ое лицо ед. числа изъявительного наклонения глаго-

лов: любить, кормить, спать /.../ и т.п.: люблю, кормлю, сплю, прошу /.../, или люблю, кормю, спю, прошю /.../ и т. п.?» [15. С. 14]].

Комментарии к собственным ответам фиксируются в пометах респондентов единично, но само их появление на страницах Программы свидетельствует об особом статусе спровоцировавших их вопросов в восприятии респондента. Содержание таких комментариев также имеет выраженную эмоциональную ориентацию. Например, отвечая на вопрос «Не говорят ли у Вас: каво делать, каво говорить и т.д. (вм. что делать, что говорить), кем надеться (вм. чем покрыться) и т.п.?» [Там же. С. 15], респондент помещает на широком нижнем поле страницы следующий рукописный текст: «Говорят и много пришлось бороться в школе, чтоб отучить от таких выражений¹». Кроме того, вероятно, пытаясь активнее выразить особенности оцениваемого произношения, респондент от руки дважды исправляет типографскую фиксацию буквы А в слове «каво» на О.

2. Рукописные записи речи сибиряков, сделанные в рамках диалектологических экспедиций.

Материалы сибирских диалектологических экспедиций представляют собой карандашные или чернильные рукописные записи, сделанные на отдельных листах бумаги или сброшюрованные. Визуально (по внешней оценке почерка) записи выглядят как выполненные рукой одного человека – вероятно, А.Д. Григорьева.

В записях используется смешанный – фонетико-орфографический – тип фиксации речи информантов: важные для исследователя фонетические особенности записывающий передает с помощью букв, отражающих звучание слова, а не его орфографическую форму. Специфика использования способа записи фонетических особенностей, зафиксированных А.Д. Григорьевым в его диалектологических трудах, соответствует его исследовательским установкам. Так, анализируя результаты работы коллег, он пишет: «...было напечатано немало сказок, песен и т.п. памятников народного творчества, записанных в Сибири по большей части общепринятым литературным правописанием, что значительно, а иногда и совсем лишает их ценности в диалектологическом отношении» [13. С. 36].

¹ Авторская пунктуация сохранена.

Среди материалов экспедиций большую часть составляют ответы на вопросы вышеописанной анкеты [11], представленные под соответствующими номерами. В отличие от материала анкетной части Программы, ответы на эти вопросы зафиксированы самим исследователем, вероятно, в рамках личной беседы с информантами.

Кроме того, представлены отдельные записи развернутых связанных речевых произведений жителей сибирских сел. Они предваряются паспортными сведениями о месте производимой записи, а также о самих информантах, например: «село Бериккуль Тюменевской волости Мариинского уезда Томской губернии, на московском тракте, в 154 верстах на юго-восток от Томска и в 55 верстах на запад от Мариинска, из 16(0) дворов с 1 157 жителями (Список на 1911 год, стр. 448–449). Говор старожилы Дятловых мужчин (Кузьмы, Никиты, сына Андрея) и женщины, матери семейства» [16]. Характер этих сведений свидетельствует о том, что эти записи были сделаны исследователем в период его экспедиционной работы в Сибири, сопровождающей исследовательскую деятельность в Томском университете.

Приведенный пример показывает, что автору важно при записи живой речи зафиксировать те сведения, которые отражают статус говорящего, выясняемый при помощи анкетных вопросов Программы: «старожилом», или «староселом», или «новоселом» является говорящий. На решение этого же вопроса направлены и дополнительные сведения, которые в отдельных случаях фиксирует собиратель: «Жена старожилка. Муж был 10 лет на железной дороге, а теперь уже давно занимается опять крестьянством» [16]. Отметим, что последовательно информацию о роде деятельности собеседника автор не фиксирует.

Вот небольшой фрагмент записи речи жителей села Бериккуль Тюменевской волости Мариинского уезда Томской губернии, иллюстрирующий специфику фонетико-орфографической записи: «Шшылы у нас. Сапожник на квартири стаит, так он шшыл. Ришная вада. Таперь пришло время – ложки панадабились. Из даму возьмут, и гребни идут. Он способный ка всиму. С нагами з голаду уш умирают, а он биз наги. Маня! принеси пагано ведро, а то пабижит! Чё дѣлали? За фсѣ время скапили! Можег смяшацца. Лучше аскабли иво ложичкой. Лишнаво ничиво нѣт. Бьѣмса, как придѣтца. Двести пудоф взяли аднаво хлѣба, аставили три пуда. Чяю гдѣ взять? Как-нибудѣ Бог даст прабьѣмса...» [16]. Отметим, что в записи, предваряемой пометой «мужчина» и «женщина», никак (ни

графически, ни пунктуационно) не разграничиваются реплики участников полилога, не фиксируются и реплики-стимулы собирателя: запись сделана исключительно для решения задачи выявить системные фонетические, грамматические и лексические черты записываемого говора. Но приведенную с указанной целью информацию в отдельных случаях можно использовать для решения проблем, поставленных современными диалектологами в соответствии с антропоцентрическим подходом к анализу диалектного материала. Кроме вышеприведенных случаев отражения пола, профессионального статуса говорящих к значимым в антропоцентрическом аспекте относятся фиксируемые также в отдельных случаях сведения об их возрасте («дети»; «ей 24 года», «мать-старуха»), грамотности («Жена – старожилка, грамотная»), семейном статусе («Говор замужней дочери переселенца»), о хозяйственной специфике деятельности жителей села («Но село раньше представляло первый каторжный завод в Сибири (одновременно с ним основан Боготольский завод)») и др.

Строго следуя установке на фактографическую точность лингвистического исследования, А.Д. Григорьев в одном из случаев указывает: «Материалы для говора извлечены мною из 105 частушек, доставленных мне студентом-филологом Томского университета М. Рышкиным, но следует отметить, что материал записи каждой частушки точнее не указывается» [16]. Далее приводится материал, обработанный согласно требованиям Программы по анкетному принципу, в результате он показывает только фонетико-грамматические особенности исполнения частушек – их жанровая специфика (в том числе – ярко выраженные особенности жанровой лексики) оказывается за пределами исследовательского интереса А.Д. Григорьева – автора и фольклористических работ. Игнорирование жанровых форм подтверждается и тем, что извлеченный из частушек материал автор дополняет материалом, извлеченным из записей бытовой речи жительницы того же села: «Этот материал для Петухова пополнен данными, записанными лично мной от жительницы с. Петухова» [Там же].

Отметим отдельно, что некоторые записи сопровождаются пометами собирателя, не относящимися непосредственно к характеристике говоров, но отражающие исследовательские интересы А.Д. Григорьева как этнографа, например: «Старые люди сибиряки носили ранее широкие шаровары и рубаху с перехватами, со сборами и широким косым воротом» [16].

Таким образом, диалектологические материалы А.Д. Григорьева последовательно отражают специфику исследовательской парадигмы, действующей в лингвистике у истоков диалектологических исследований. При этом пометы, значимые для исследования, проведенного с целью выявления старожильского / новосельческого статуса сибирских говоров, могут быть использованы и для решения современных диалектологических задач. Материалы исследованного архива соответствуют начальной стадии формирования методов полевой лингвистики.

Литература

1. Блинова О.И. Лексикографические проекты томских диалектологов (2007–2017 гг.) // Вопросы лексикографии. 2017. № 12. С. 125–133.

2. Григорьев Александр Дмитриевич // Профессора Томского университета: Биографический словарь / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. Вып. 1: 1888–1917. С. 86–89.

3. Добродомов И.Г. Дмитрий Николаевич Ушаков // Отечественные лингвисты XX века. М. : Языки славянской культуры, 2017. С. 697–707.

4. Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.) / науч. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. Т. 1. 514 с.

5. Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.) / науч. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. Т. 2. 598 с.

6. Соколова В.А. Русские ученые-слависты в Чехословакии между двумя мировыми войнами: 1920–1945 гг. : био-библиографические материалы к истории морской филологии в эмиграции // Новые российские гуманитарные исследования. 2009. Т. 4. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/154/> (дата обращения: 15.10.2018).

7. Соучкова М. Научная жизнь А.Д. Григорьева в Чехословакии. Из Ужгорода в Пряшев // Комплексное собрание, систематика, экспериментальная текстология. Вып. 2 : материалы VI Междунар. школы молодого фольклориста (22–24 ноября 2003 года) / отв. ред. В.М. Гацак, Н.В. Дранникова. Архангельск : Поморский гос. ун-т, 2004. URL: http://folk.pomorsu.ru/index.php?page=booksopen&book=6&book_sub=6_22 (дата обращения: 20.06.2020).

8. Флоровский А.В. Собрание рукописей А.Д. Григорьева в Славянской библиотеке в Праге // Институт русской литературы. Труды Отдела древнерусской литературы. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. Т. XVI. С. 573–580.

9. Русская эмиграция в Польше 1919–1945 – алфавитный указатель / сост. А.Р. Мохоя, П.М. Лавринец // Russia.abroad. 1917–1945. URL: http://www.mos-hola.org/russiaabroad/ruspldb/ruspl_g.htm (дата обращения: 15.10.2018).

10. Григорьев А.Д. Русские говоры западной половины Николаевского уезда Самарской губернии // Известия Томского университета. 1919. Кн. 70. С. 1–25.

11. Григорьев А.Д. Программа для собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты русского языка в Сибири: Северно-великорусские и средневеликорусские говоры // Известия Томского университета. 1919. Кн. 70. С. 1–16.

12. Григорьев А.Д. Устройство и заселение Московского тракта в Сибири с точки зрения изучения русских говоров // Известия Института исследования Сибири. 1921. № 6. С. 2–84.

13. Григорьев А.Д. Русские старожильческие говоры Сибири. Вып. 1: К изучению русских старожильческих говоров Сибири (Отдельный оттиск из журнала *Slavia*). Прага, 1928. 37 с.

14. Русский зарубежный исторический архив в Праге – документы: каталог документов, хранящийся в Пражской славянской библиотеке и Государственном архиве Российской Федерации / сост. Л. Бабка, А. Копривова, Л. Петрушева. 1-е изд. Прага : Национальная библиотека Чешской республики – Славянская библиотека, 2011. 564 с.

15. Программа для собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты русского языка в Сибири: Северно-великорусские и средневеликорусские говоры (Оттиск из Известий Томского университета) // Архив Славянской библиотеки при Национальной библиотеке Чешской республики. Фонд: А.Д. Григорьев. 17 с.

16. Материалы диалектологических экспедиций А.Д. Григорьева в районы бытования Сибирских говоров // Архив Славянской библиотеки при Национальной библиотеке Чешской республики. Фонд: А.Д. Григорьев. 17 с.

Dialectological Materials in the Archive of Alexander Grigoriev, the Founder of the Tomsk Dialectological School

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2020, 24, pp. 96–112

DOI: 10.17223/23062061/24/5

Inna V. Tubalova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: itu-balova@inbox.ru

Keywords: Alexander Grigoriev, archive, dialectology, linguistic methodology, field linguistics.

The study is supported by the Tomsk State University Competitiveness Improvement Programme, Project No. 8.1.10.2020.

The article presents an analytical description of the Siberian dialectological materials of the founder of the Tomsk Dialectological School Alexander Dmitrievich Grigoriev, a Russian ethnographer, historian, dialectologist, folklorist, and public figure. Grigoriev's dialectological materials are records of the Russian Siberian dialect speech of the first third of the 20th century. They have practically not been described in the domestic studies and have not been introduced into the research discourse. Grigoriev's research and teaching activities at Tomsk University are Siberian dialectological studies. He investigates the Russian dialects of Siberia, organizes expeditions and actively participates in them. The materials collected during these expeditions were the basis for further research of the Russian dialects of Siberia,

which Grigoriev continued in Czechoslovakia. His personal handwritten and typewritten archival fund is stored in Prague. Part of Grigoriev's Prague archive is housed in the Slavonic Library, a division of the National Library of the Czech Republic (Clementinum, Prague). It is here that the Siberian dialectological materials this article describes are located. The archive under study includes (1) several copies of the publication *Program for Collecting Information Necessary for Compiling a Dialectological Map of the Russian Language in Siberia: North Great Russian and Middle Great Russian Dialects* by A.D. Grigoriev, and (2) handwritten records of the speech of Siberians made during dialectological expeditions. The *Program* was analyzed for its content and the nature of handwritten notes, including researchers' and respondents ones. The expedition materials were analyzed for the information they contain and for the organization of their recording. As a result, it has been revealed that Grigoriev's dialectological materials consistently reflect the specifics of the research paradigm linguistics used at the origins of dialectological studies. The notes that are significant for the study can also be used for solving modern dialectological problems. The materials of the studied archive correspond to the initial stage of the formation of methods of field linguistics.

References

1. Blinova, O.I. (2017) Lexicographic projects of Tomsk dialectologists (2007–2017). *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 12. pp. 125–133. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/12/7
2. Fominykh, S.F. (ed.) (1996) *Professora Tomskogo universiteta: Biograficheskiy slovar'* [Professors of Tomsk University: A Biographical Dictionary]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 86–89.
3. Dobrodomov, I.G. (2017) Dmitriy Nikolaevich Ushakov. In: Berezin, F.M. (ed.) *Otechestvennye lingvisty XX veka* [Russian linguists of the 20th century]. Moscow: Izdatel'ski Dom YaSK. pp. 697–707.
4. Nekrylov, S.A. (2010) *Tomskiy universitet – pervyy nauchnyy tsentr v aziatskoy chasti Rossii (seredina 1870-kh gg. – 1919 g.)* [Tomsk University is the first research center in the Asian part of Russia (mid-1870s – 1919)]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
5. Nekrylov, S.A. (2011) *Tomskiy universitet – pervyy nauchnyy tsentr v aziatskoy chasti Rossii (seredina 1870-kh gg. – 1919 g.)* [Tomsk University is the first research center in the Asian part of Russia (mid-1870s – 1919)]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
6. Sokolova, V.A. (2009) *Russkie uchenye-slavisty v Chekhoslovakii mezhdru dvumya mirovymi voynami: 1920 – 1945gg.: Bio-bibliograficheskie materialy k istorii russkoy filologii v emigratsii* [Russian Slavists in Czechoslovakia between two world wars: 1920–1945: Bio-bibliographical materials to the history of Russian philology in émigration]. *Novye rossiyские gumanitarnye issledovaniya*. 4. [Online] Available from: <http://www.nrgumis.ru/articles/154/> (Accessed: 15th October 2018).
7. Souchkova, M. (2004) *Nauchnaya zhizn' A.D. Grigor'eva v Chekhoslovakii. Iz Uzhgoroda v Pryashev* [Academic life of A.D. Grigoriev in Czechoslovakia. From

Uzhgorod to Prešov]. In: Gatsak, V.M. & Drannikova, N.V. (eds) *Kompleksnoe sobiranie, sistematika, eksperimental'naya tekstologiya* [Complex Collecting, Taxonomy, Experimental Textology]. Vol. 2. Arkhangel'sk: Pomorsk State University. [Online] Available from: http://folk.pomorsu.ru/index.php?page=booksopen&book=6&book_sub=6_22 (Accessed: 20th June 2020).

8. Florovsky, A.V. (1960) *Sobranie rukopisey A.D. Grigor'eva v Slavyanskoy biblioteke v Prage* [Collection of A.D. Grigoriev's manuscripts in the Slavic Library in Prague]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. XVI. pp. 573–580.

9. Mokholya, A.R. & Lavrinets, P.M. (n.d.) *Russkaya emigratsiya v Pol'she 1919–1945 – alfavitnyy ukazatel'* [Russian emigration in Poland in 1919–1945 – the alphabetical index]. [Online] Available from: http://www.mochola.org/russiaabroad/ruspldb/ruspl_g.htm (Accessed: 15th October 2018).

10. Grigoriev, A.D. (1919a) *Russkie govory zapadnoy poloviny Nikolaevskogo uezda Samarskoy gubernii* [Russian dialects of the western part of the Nikolaev district, Samara Province]. *Izvestiya Tomskogo universiteta*. 70. pp. 1–25.

11. Grigoriev, A.D. (1919b) *Programma dlya sobiraniya svedeniy, neobkhodimyykh dlya sostavleniya dialektologicheskoy karty russkogo yazyka v Sibiri: Severno-velikorusskie i srednevelikorusskie govory* [A program for collecting information necessary for compiling a dialectological map of the Russian language in Siberia: North Great Russian and Middle Great Russian dialects]. *Izvestiya Tomskogo universiteta*. 70. pp. 1–16.

12. Grigoriev, A.D. (1921) *Ustroystvo i zaselenie Moskovskogo trakta v Sibiri s tochki zreniya izucheniya russkikh govorov* [Arrangement and settlement of the Moscow tract in Siberia in terms of Russian dialects]. *Izvestiya Instituta issledovaniya Sibiri*. 6. pp. 2–84.

13. Grigoriev, A.D. (1928) *Russkie starozhil'cheskie govory Sibiri* [Russian Old-Timers' dialects in Siberia]. Vol. 1. Prague: [s.n.].

14. Babka, L., Kopršivova, A. & Petrusheva, L. (2011) *Russkiy zarubezhnyy istoricheskiy arkhiv v Prage – dokumenty: katalog dokumentov, khranyashchiyysya v Prazhskoy slavyanskoy biblioteke i Gosudarstvennom arkhive Rossiyskoy Federatsii* [Russian Foreign Historical Archives in Prague – documents: a catalog of documents from the Prague Slavic Library and the State Archives of the Russian Federation]. Prague: National Library of the Czech Republic – Slavic Library.

15. *Izvestiya Tomskogo universiteta*. (n.d.) *Programma dlya sobiraniya svedeniy, neobkhodimyykh dlya sostavleniya dialektologicheskoy karty russkogo yazyka v Sibiri: Severno-velikorusskie i srednevelikorusskie govory (Ottisk iz Izvestiy Tomskogo universiteta)* [A program for collecting information necessary for compiling a dialectological map of the Russian language in Siberia: North Great Russian and Middle Great Russian dialects (Reprint from “Izvestiya Tomskogo universiteta”)]. The Archives of the Slavic Library at the National Library of the Czech Republic. A.D. Grigoriev's Fund.

16. The Archives of the Slavic Library at the National Library of the Czech Republic. (n.d.) *Materialy dialektologicheskikh ekspeditsiy A.D. Grigor'eva v rayony bytovaniya Sibirskikh govorov* [Materials of A.D. Grigoriev's dialectological expeditions to the regions where Siberian dialects were spoken]. A.D. Grigoriev's Fund.

УДК 37.017

DOI: 10.17223/23062061/24/6

Е.Ю. Ромашина

ТЕКСТ И ОБРАЗ: РАЗГОВОР НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ (КНИЖНАЯ ГРАФИКА ОСКАРА ПЛЕТЧА В ГЕРМАНИИ, АНГЛИИ И РОССИИ)

Аннотация. *В Европе второй половины XIX в. массовым явлением книгоиздательской практики стала детская книжка с картинками. Развитие полиграфической техники, становление психологии как научного знания, совершенствование методик образовательного взаимодействия взрослого и ребенка, – все эти факторы обусловили появление изданий для детей, предполагающих не только чтение вслух, но и разглядывание рисунков. Однако взаимосвязи между текстуальным и визуальным нарративами книг еще не были прочны. По экономическим причинам одни и те же иллюстрации нередко использовались в сочетании с разными текстами, переводы и переиздания добавляли разночтений. Данные положения в настоящей статье подтверждены материалами анализа немецких, русских и английских изданий с рисунками Оскара Плетча (1830–1888). Рассмотрены сюжеты, созданные художником, сопоставлены тексты на трех языках. Выявлены варианты интерпретации рисунков, возникающие трансформации смыслов; определена тенденция использования визуальных материалов в дидактических целях.*

Ключевые слова: *детская литература, книжная графика, визуальный нарратив, Оскар Плетч, перевод.*

К середине XIX столетия существенное удешевление и упрощение процессов изготовления иллюминированной печатной продукции в европейской издательской практике превратило детскую «книжку с картинками» в явление массовой культуры. Изображения многократно воспроизводились, тиражировались, складывались в последовательности и серии. Распространение такого рода книжной продукции, усиление ее места и роли в культуре способствовали проникновению образов в сферу повседневного опыта детей и взрослых. Складывался и активно развивался новый жанр детской литературы, предполагающий чтение вслух и подробное разглядывание картинок взрослым вместе с ребенком. Однако взаимосвязь изображения и слова в книге того времени не была прочной: целенаправленный заказ

и изготовление рисунка к тексту были весьма недешевы, и потому издательства нередко использовали готовые клише, так сказать «подержанный товар», «второй тираж» книжного рынка, покупая или беря на прокат необходимые политипажи [1. С. 233]. Таким образом, одни и те же иллюстрации могли соседствовать с разными текстами – незначительно, а иногда и достаточно сильно отличающимися. Переводы и переиздания детской иллюстрированной литературы в других странах добавляли разночтений: стремления издателей и переводчиков адаптировать текст к реалиям другого языка и культуры, несформированность авторского права, просто ошибки и возникающие технические проблемы (например, размеры отведенного на странице пространства), – все это приводило к тому, что текстуальный и визуальный нарративы могли «расходиться» весьма значительно.

Мы рассмотрим ряд детских книг с рисунками одного автора, которые были изданы на протяжении второй половины XIX в. в Германии, Великобритании и России. Проанализируем сюжеты, созданные художником, и сравним комментарии, пояснения и дополнения этих сюжетов на трех языках.

Художник, о котором пойдет речь, – Оскар Плетч (*Oscar Pletsch*, 1830–1888). Он родился в Берлине и учился в Академии художеств в Дрездене, в классах Людвиг Рихтера и Эдуарда Бендемана. Для творчества им изначально был избран жанр «бытовой» живописи с мотивами повседневной семейной жизни. Первый большой успех к нему пришел после создания иллюстрированной книги *Die Kinderstube* / Детская [2]. Позднее Плетч много работал для издательства *Alphons Dürg* в Лейпциге, его рисунки публиковались в Англии, Франции, Швеции, России и США.

Помимо «Детской» мы рассмотрим альбом *Gute Freundschaft* / Тесная дружба [3], сборники стихов *Kleines Volk* / Маленькие люди [4] и *Allerlei Schmik-Schmak* / Всевозможная ерунда [5], изданные в Германии; их переводы на русский [6–8]; *Child-land* / Детский мир [9] – на английском языке; а также российские издания, не имевшие текстуальных аналогов в Европе, но включавшие в себя рисунки Плетча [10].

Нас будет интересовать не только единый изобразительный канон, заданный рисунками Оскара Плетча (в общей сложности около 200 иллюстраций), но и текстуальные отличия указанных изданий. Для начала коротко охарактеризуем их.

Die Kinderstube увидела свет в Гамбурге в 1860 г. Книга вышла с посвящением наследному принцу Фридриху Уильяму Виктору Альберту Прусскому – будущему императору Вильгельму II (1859–1917), титульный лист содержал указание, что оригиналы рисунков находятся в собственности Его высочества. Это был дар художника к рождению кронпринца. Не исключено, что такой «рекламный шаг» немало способствовал популярности издания и отчасти обеспечил его успех. 36 картин Плетча были гравированы Августом Габером (1823–1894) – постоянным сотрудником его учителя Людвиг Рихтера. *Die Kinderstube* выдержала множество переизданий, *de visu* мы познакомились с третьим. Книгу открывало стихотворное предисловие самого О. Плетча, датированное июнем 1859 г. Этот удивительный текст – настоящий мостик между мирами: внутренним миром самого художника, рисованным «весенним миром детства», и пространством непростой «взрослой» реальности.

27 апреля 1859 г. обострилось военное противостояние Франции и Австрии в борьбе за контроль над землями северной Италии. Германский союз не вмешивался в боевые действия, но мобилизация была объявлена. Среди других «под ружье» был поставлен никому не известный художник, молодой муж и отец – Оскар Плетч. Отправляясь в ополчение, он следующим образом распорядился накопленным к тому времени творческим богатством:

Любимый принц, к тебе пришел
Верный канонир-ополченец,
Он лучше всех палит из пушки,
Это для него как стих и рифма.

А если плоха моя поэма,
Любимый принц, не презирай ее!
Эти строки – дикорастущие цветы:
Мошенник норовит отдать больше, чем имеет.

Я – художник, плох и прав,
Ребенок музы и музы раб.
Ей верен – вольный я наемник –
Своими кистью и мольбертом.

Я много рисовал картин
Для взрослых – старых и разумных;
Но гораздо больше нравится мне
Детства мир золотой!

У самого в доме есть любимый ребенок –
Расцветающий бутон, преддверие весны;
Он с ног до головы размером с три туфли,
Любим и мил, также как ты.

Когда мать принесла мне его,
И он протянул ко мне свои ручонки,
Когда улыбнулся и задорно засмеялся,
Я почувствовал себя счастливым.

Время детства, прекрасное время,
Полное весенней радости и песен –
Твою птичью жизнь я ухватил
В книжку с картинками поместил.

Что за небесное сокровище есть
В хижине и в золотом дворце?
Я нарисую его старательным карандашом
И от этого сам стану молодым.

Еще не окончена моя книга,
Но гремят вдали выстрел за выстрелом;
Фыркает конь в предчувствии битвы с франками,
Барабан зовет: проснись! очнись!

Прощай, мой дорогой мольберт!
Прощайте кисть и карандаш!
Прощай, моя жена, и любимый ребенок,
Бутон, рождающий весну!

Я оставляю вас одних –
Боже, теперь ты их единственный щит!
Ещё один поклон, еще один поцелуй,
А теперь я должен маршировать!

И когда было пролито достаточно слёз,
На глаза мне попалась моя книга с картинками.
Она посмотрела на меня и спросила: Скажи,
Пока ты маршируешь, где же буду я?

И когда я пел, и когда думал,
Кому завещаю свою книгу с картинами,
Дорогой принц, я подумал – тебе,
Может быть, она обрадует тебя.

И пришел я к тебе, таким, каков есть,
И склоняюсь пред твоей колыбелью.
Пусть навек Бог продлит твою
Весеннюю пору детства!

Чтоб защищал Он сильной рукой
Твой родной дом, твою Отчизну!
Возлюбленный принц, вот чего желает тебе
Твой преданный канонир.

Берлин, июнь 1859¹.

Изложенная в стихах история имела место в действительности: появление в семье художника первенца вдохновило его на серию «рисунков из детской» – достоверных, трогательных и обаятельных, какие «мог сделать только человек, который живет домом и семьей, находит в них свой мир, центр своих чувств и разума, свои мысли и заботы» [11]. И, отправляясь в ополчение, Плетч действительно подарил их кронпринцу. Напряженность международного конфликта отступила быстро, участвовать в боевых действиях художнику не пришлось. А книга вскоре увидела свет. В России отдельным изданием она не выходила.

Gute Freundschaft / Тесная дружба – это альбом, составленный из 21 картины О. Плетча с краткими подписями к ним. Книга имела подзаголовок: *Eine Erzählung für Damen aber für Kleine* / История для дам, но самых маленьких. Основной смысловой ряд издания – визуальный: иллюстрации представляли собой связный и последовательный рассказ об одном дне двух девочек – постарше и помладше (кузин, как мы узнаем из текста). Рассказ начинался с рисунка, на котором девочка с куклой под мышкой звонит в дверь (на табличке имя хозяина: О. Pletsch) и спрашивает: «Она дома?». Далее мы видим, как подруги разговаривают, играют, затевают большую стирку, секретничают, ссорятся, мирятся и, наконец, прощаются с читателем / зрителем, «понарошку» отправляясь в путешествие. Все иллюстрации датированы 1863-м годом, вероятно, они изначально задумывались и создавались Плетчем как серия.

¹ Здесь и далее переводы с немецкого Анны Безбородовой. Автор выражает признательность переводчику за интерес к теме, бескорыстную и квалифицированную помощь.

Русский перевод «Тесной дружбы» был выпущен в Петербурге в 1869 г. (установлен библиографами) издательством М.О. Вольфа – известным своими иллюстрированными книгами для детей [12, 13]. В этой версии 24 картины; три дополнительные рисунка, вероятно, взяты из более позднего немецкого переиздания: они датированы 1867 годом, но вполне вписываются в общую ленту повествования, героини на них те же. Подписи ко всем рисункам были переведены на русский достаточно точно по смыслу, хотя и не буквально: *А теперь мы должны постирать* превратилось в *Послушай, на днях нам надо будет стирать белье; С большим чувством!* – в *С чувством, с толком, с расстановкой!* и т.д. Тем самым тексты получили несколько иные коннотации, а картинки – прочитываемые смыслы. Однако интереснее другое. В издании Вольфа помимо подписей-пояснений к иллюстрациям появились стихотворения, о них мы скажем ниже.

Стихотворный сборник *Kleines Volk: 20 Charakterzeichnungen von Oskar Pletsch* в русском переводе получил название «Маленькие люди» – хотя, конечно, оригинал ближе по смыслу к словосочетанию «маленький народец». Вышел в свет он в 1869 г. также в издательстве М. Вольфа. В подзаголовке было указано: «16 характеристических рисунков Оскара Плетча». Непонятно, почему при переводе книга утратила 4 иллюстрации, во всяком случае, содержательно это необъяснимо; зато 16 страниц – полный печатный лист, и с точки зрения типографских работ такое издание, вероятно, экономически оказалось более выгодным.

Allerlei Schnik-Schnak была издана в России под названием «Первые шаги жизни: Очерки с натуры» тем же М.О. Вольфом (187–?). Здесь сокращение оказалось еще более существенным – вместо 48 картин немецкого сборника в русский вариант вошли 32 (опять же ровно 2 печатных листа).

На титуле всех трех изданий значилось: текст автора «Степки-растрепки», т.е., надо понимать, Генриха Гофмана¹. Однако сравни-

¹ Генрих Гофман (1809–1894) – врач-психиатр из Франкфурта. В 1844 г. на Рождество он подарил своему трехлетнему сыну самодельный рукописный сборник стихов и картинок о том, что надо умываться и стричь ногти, есть суп, не играть со спичками и т.д., и о том, что случится, если этого не делать. Друзья убедили доктора, что книгу стоит издать, и в 1845 г. появились *Lustige Geschichten und*

тельный анализ немецких оригиналов и русских переводов продемонстрировал, что это не так. Помимо *Struwelpeter* Гофман являлся автором целого ряда детских стихов (например, сборника *ImHimmel und auf de Erde. Herzliches und Scherzliches aus der Kinderwelt / В небесах и на земле. Задушевное и веселое из детского мира*, 1857), однако, как мы знаем, *Gute Freundschaft* вовсе не содержала сколько-нибудь развернутых текстов; стихи, помещенные в *Kleines Volk* принадлежали перу Фридриха Ольденберга (*Friedrich Oldenberg*, 1820–1895), автор текстов в *Allerlei Schnik-Schnak* – Э. М. Арндт¹. Все эти данные указаны в оригинальных немецких изданиях. Вероятно, речь должна идти не об *авторе* «страшилок» про Неряху-Петера, а о *переводчице*, подарившем России собственно Степку-растрепку. Его имя неизвестно: ни сами издания, ни каталоги Вольфа сведений о нем не содержат².

Child-land / Детский мир: книжка с картинками для самых маленьких была издана в Лондоне в 1873 г. На ее страницах около 200 иллюстраций, 107 из них – Оскара Плетча. Рисунки атрибутированы нами либо по авторской монограмме художника: переплетенные буквы О и Р (часто в обрамлении года создания работы), либо на основании сравнения с другими рассмотренными изданиями.

drollige Bilder für Kinder von 3–6 Jahren / Веселые истории и забавные картинки для детей от 3 до 6 лет. В 1847 г. (в 4-м издании) сборник пополнился новыми сюжетами, обрел название *Struwelpeter / Неряха-Петер* и начал свое триумфальное шествие по миру детской литературы. В противовес скучно-назидательным текстам середины XIX в. «ужастики» Гофмана стали очень популярны и любимы детьми. Стихи исполнялись на детских концертах, перерабатывались для любительских постановок, издавались во всех европейских странах (английский перевод - Марка Твена), в Германии – более сотни раз. На русском книжка появилась в 1849 г. с заголовком «Степка-растрепка», и в этой версии до 1914 г. была переиздана 10 раз (тип. Х. Гинце; т-во М.О. Вольфа) [14]. В других (иногда весьма вольных) переводах и с другими иллюстрациями полюбоившиеся рассказы в России выходили у А.Д. Ступина, И.Д. Сытина, И. Кнебель и др.

¹ Арндт Эрнст Мориц (*Ernst Moritz Arndt*; 1769–1860) – немецкий писатель, известен как публицист, драматург, историк. Автор целого ряда произведений для детей.

² В каталоге Российской национальной библиотеки как составитель (?) «Маленьких людей» (СПб, 1869) указан Иван Казимирович Кондратьев (1849–1904), поэт-песенник и драматург. Но в силу возраста автором «Степки-растрепки» он быть не может.

В английском «Детском мире» использованы все иллюстрации (21) из *Gute Freundschaft* (1865), все 20 из *Kleines Volk*, около 20 из *Allerlei Schnik-Schnak* (1866), 6 – из *Die Kinderstube* (1860), остальные – вероятно, из других аналогичных немецких (?) изданий. Их путь в Лондон нам проследить не удалось, можем сказать только, что издательство Самюэля Партриджа (S.W. Partridge & Co) достаточно активно выпускало иллюстрированные издания для детей [15]. Каждая иллюстрация помещена на отдельной странице и сопровождается коротким рассказом в прозе.

Итак, насколько же «разошлись» немецкие, английские и русские тексты, в разных изданиях сопутствующие рисункам Плетча? Повлияло ли это на интерпретацию визуальных сюжетов?

Сразу коротко ответим – да. И настолько сильно, что вызывает оторопь у современного читателя. Причем отметим, что М.О. Вольф обошелся с немецкими оригиналами намного «бережнее», нежели его английские коллеги.

Начнем свой анализ с *Gute Freundschaft*. В русском переводе «Тесная дружба» обрела стихотворные подписи к рисункам. Большинство из них представляют собой прямую речь – монолог или диалог героинь, изображенных на картине. Тексты по-детски эмоциональны, непосредственны, и иногда нарочито нескладны (рис. 1).

Die Puppe und die Freundschaft kriegen einen Riß.

Рис. 1. Gute Freundschaft. Berlin, 1865. S. 16

И кукла, и дружба начинают рваться

«Отдай мне куклу!» – «Вот еще!»
– «Я маменьке скажу!»
– «Ну, перестань реветь! А то
Я в угол засажу!»
– «Не смеешь ты!» – «Ну, не отдам!»
– «Ты все себе берешь!»
– «Пусти же! Кукле пополам
Ты платье разорвешь!» [6. С. 19].

Там, где рассказ ведется от имени взрослого, слышатся другие интонации: прежде всего, ирония, взгляд со стороны доброжелательного, чуть снисходительного старшего, не относящегося всерьез к детским забавам, но потихоньку любующегося ими (рис. 2).

Angenein gefühlvoll!

Рис. 2. Gute Freundschaft. Berlin, 1865. S. 16

С чувством, с толком, с расстановкой

Они поют, поют с глубоким тонким чувством

И восхищаются музыкою своей.

Но как доволен бы остался их искусством

Известный дедушки-Крылова соловей? [6. С. 19]

Английский издатель серию «рассыпал»: рисунки из *Gute Freundschaft* в *Child-land* вошли все, но размещены они были в произвольном порядке, вперемешку с другими иллюстрациями, без соблюдения логики взаимоотношений двух подруг. Одна и та же героиня названа разными именами (она и Лора, и Мария, и Джейн), стирка предшествует раздеванию кукол, сломанная кукла – ссоре и т.д. Впрочем, в английском издании есть тексты, аналогичные немецким заголовкам и русским стихам (рис. 3).

Große Wäsche, kleine Wäsche.

Рис. 3. Gute Freundschaft. Berlin, 1865. S. 6

Большая стирка

Юбочки, платочки,
Чепчики, чулочки,
Рукава, косынки,
Платья, пелеринки,
Скатерти, салфетки –
И вас моем, детки!
Пропасть нам работы!
Много нам заботы!
Холим вас и гладим,
Чешем вас и рядим;
А вы, наши пташки,
Вечно замарашки [6. С. 5].

Кукольная стирка

Это очень серьезно, когда приходит день кукольной стирки. В детской помещена большая лохань с мокрой одеждой и развешены веревки для просушки. Наши две маленькие подруги крайне заняты, и они должны поспешить, потому что папа не хотел бы, чтобы его маленькие девочки отсутствовали, когда он приходит домой [9. Р. 33].

Подчеркнем, что здесь русский переводчик прошел мимо одного нюанса сюжета, а английский – мимо другого. Подпись на немецком означает «Большая стирка, маленькая стирка». На рисунке мы видим девочек, развешивающих на веревке хоть и маленькие, но не кукольные, а скорее собственные, детские, вещи. А рядом кукла достирывает свои. В русском издании текст имеет заголовок «Большая стирка»: героини рассказывают, как они заботятся о «детках-замарашках». Английский вариант – «Кукольная стирка», но текст имеет смысл, аналогичный русскому варианту. Рисунок Плетча тоньше и интереснее, тексты явно «не дотягивают» до него.

Вместе с тем в *Child-land* довольно много рассказов, которые вовсе не совпадают по смыслу с сюжетной линией *Gute Freundschaft*. «Выдернутые» из контекста рисунки интерпретированы удивительным образом. Иногда нейтрально, хотя и «не о том» (рис. 4), а иногда жестам и движениям детей приписаны иные, причем резко отрицательные характеристики (см. рис. 5).

„Ach, käm' sie doch nur wieder!“

Рис. 4. Только, пожалуйста, вернись! Gute Freundschaft. Berlin, 1865. S. 19

Ах, когда б она опять пришла!

И грустно мне, и скучно мне.
 И все мне опостыло!
 И на яву я, и во сне
 Все думаю, как было!
 Когда б пришла она скорей
 Как прежде приходила,
 Я б бросилась на шею ей
 И все бы ей простила! [6. С. 22].

Что делать дальше?

Сыро, и маленькая Лора не может выйти. Так что она играла дома, и развлекалась со своими куклами. Но дождь все идет, она устала от своих кукол, и спрашивает: что делать дальше, чтобы развлечься. Она должна иметь терпение, а папа скоро будет дома к чаю [9. Р. 64].

„Guten Morgen, ausgeschlafen?“

Рис. 5. Доброе утро, как спалось? Gute Freundschaft. Berlin, 1865. S. 3

Здравствуй! Ты выспалась?

Здравствуй! Как ты отдыхала?
 Что ты видела во сне?
 Ты не думала ни мало,
 Полагаю, обо мне?
 От тебя ж мне нет покою;
 Нет терпенья утра ждать!
 Так мне хочется с тобою
 Все болтать, да все играть! [6. С. 3]

Обмен куклами

Каждой из кузин надоели ее собственные куклы, и они хотели бы обменяться. Но они не доверяют друг другу, и потому каждая протягивает руку, но ни одна из них, кажется, не готова отдать куклу первой. Даже собака выглядит удивленной [9. Р. 119]

Кажется невероятным, но в ряде случаев переводчики даже «эмоционально нагрузили» изображения совсем иначе. Подруги ссорятся, одна из них уходит, а оставшаяся играет с куклами в одиночестве, делая вид, что так ей больше нравится. Русский переводчик «повышает градус» ситуации, английский «замораживает» конфликт:

Туда тебе дорога!

Пожалуй! Пусть себе идет!
Ведь мне ее не надо!
Она мне все одно поет,
Что быть мне с ней отрада.
Ни чуть! Мне видется с такой
Невежей нет желанья!
Мне будет веселей одной.
Препадкое создание! [6. С. 21]

Странное место для куклы

Мальшка забрела в пустую комнату, где папа хранит старые книги, но сама она очень редко заходит сюда. Она принесла с собой две куклы, одну из которых усадила в корзину, а для другой нашла место на большой старой книге с застежкой. Папа мало думает о том, что делает ребенок, но полагаю, ее скоро хватятся и тогда найдут здесь очень занятой [9. P. 160].

Обратим внимание, что во многих английских текстах фигурирует герой, которого нет на рисунках, – папа. Это незримая «высшая сила»: как только она является, любая игра должна быть окончена, а умытые, тихие дети обязаны послушно предстать перед ней. Такого поворота событий нет у Плетча, нет его и в русских стихах.

Переходя к анализу следующих изданий, отметим общую для всех сюжетов особенность английского «Детского мира» – в своих текстах эта книга гораздо более дидактична и назидательна, нежели немецкие оригиналы и русские переводы.

Die Kinderstube на русском языке не выходила, и потому сравнить ее мы можем только с английским изданием. Приведем всего два примера, демонстрирующих, насколько существенной могла быть трансформация. В данном случае не приходится даже говорить о переводе: текст повествует совсем о другом, полностью меняет смысл рисунка и зачастую уводит сюжет от экзистенциальных вопросов в бытовую сферу и обратно, задавая движение в противоположных направлениях (см. рис. 6, 7).

Обратимся к сборнику *Allerlei Schnik-Schnak* (в русской версии *Первые шаги жизни*) и обнаружим ту же тенденцию: издательством М.О. Вольфа был осуществлен перевод этой книги, публикация S.W. Partridge & Co переводом не является.

Рис. 6. Die Kinderstube. Hamburg, 1860

Милое дитя, ты – все,
 Что есть у меня на Земле,
 И буду плакать я о тебе,
 Когда в могилу сойду [2. S. 40].

«Мама, я так тебя люблю»

Этель – любящая маленькая девочка, всегда обнимает свою маму. Мама хочет заняться вязанием, но Этель обнимает ее и говорит: «Мама, я так люблю тебя». Боюсь, мама не сможет вязать, пока Этель прерывает ее таким образом [9. P. 141].

Автор-англичанин составил свои тексты, ориентируясь, видимо, только на изображения. В ряде очевидных случаев сюжет, конечно, совпадает, но и очень много «промахов», в том числе в «дешифровке» и трансляции эмоционального состояния героев иллюстрации. Отметим, что английская версия во всех возможных случаях готова трактовать сюжет как некую воспитательную ситуацию: девочка наряжается – чтобы идти в школу; речь малыша перед друзьями (в оригина-

ле – пародия на проповедь) – викторина с яблоком-призом; беседа двух детей – повторение уроков и т.п. (см. рис. 8).

Рис. 7. Die Kinderstube. Hamburg, 1860. S. 36

А тут входит прелестная
Юная фройлян Элизабет.
«Уважаемый папа и
Уважаемая мама,
Смотрите, кофе готов!
Не поискать ли в шкафу?
Есть кусочек пирога».
– Поставь поднос сюда;
Спасибо тебе, Элизабет!
Подойди, любимая, дай руку!
Да ты разгорячилась на бегу.
Твоя забота – всегда подарок,
Не хочешь ли сама чашечку? [2. S. 36]

Завтрак для мамы

Мама нехорошо себя чувствует этим утром, потому что вчерашним холодным днем она ходила по мокрым полям, чтобы навестить бедного умирающего человека. Поэтому она встает не так рано, как обычно, и Гарриет несет ей чашку горячего кофе. Гарриет не позволит маме ждать служанку, когда она больна, она сама может уделить ей больше внимания. Она идет на цыпочках, избегая шума, поскольку больным нравится быть в тишине [9. P. 140].

Рис. 8. Allerlei Schnik-Schnak, Leipzig, 1866. S. 32

Такая хрупкая и милая,
так непорочно и нежно
Сложена маленькая
Лизбет!
Юбочка бело-фиолетовая,
Такая чистая и
свежевыглаженная,
Платьице от Яконнет,
Новехонький корсет,
Какая хрупкая и милая,
так непорочно и нежно
Выглядит сегодня Лизбет!
[5. S. 32]

Как разодета
Наша Лизета!
Словно большая
Дама какая!

Счету нет сборочкам,
Строчкам, оборочкам,
Дырочкам, зубчикам,
Тоненьким рубчикам.

Что за сапожки! –
Чудо в них ножки!
Взорам отрадно,
Так ты нарядна! [8. С. 17]

Почти одета

Матильда почти одета.
Она будет готова к
завтраку через не-
сколько минут, и тогда
надо спешить в школу
[9. P. 167].

Те же особенности перевода можно обнаружить при сравнении немецкого оригинала *Kleines Volk* с русской и английской версиями (см. рис. 9).

Рис. 9. Kleines Volk. Berlin, 1865. S. 1

В плохом настроении

Что ты бурчишь,
любимый малыш,
И насупился как крот?
Другие мальчишки
Бросили тебя?
Или ударил какой-то
грубиян?
Или напала тоска?
Или французы
порвали тебе штаны?
Взбодришь, прыгай прямо на коня!
Тогда мужество сразу вернется
[4. S. 1].

Подо мною конь ретивый
Гордо расправляет стан,
И над шляпою красивый
Развевается султан.
А все как-то неподручно
И неладно мне вполне.
Да, мне скучно,
скучно, скучно;
Оттого, что скучно мне!
[7. С. 6]

Конь Альберта

Альберт любит
скакать на деревянной
лошадке,
с рогом на боку
[9. P. 138].

В целом повторим, что российские издатели ближе к замыслу художника и авторов немецких стихов. Однако не во всех книгах это так.

Мы упоминали, что рисунки Плетча использовались в России и в качестве иллюстраций к оригинальным текстам, никак не связанным с европейскими. В этом случае «расстояние» от буквы до образа иногда

оказывалось очень большим: текстуальный нарратив говорил читателю об одном, визуальный – совсем о другом. Яркий пример – 10-е издание азбуки «Елка» А.М. Дараган. Это роскошный подарочный альбом, текст которого полностью повторял предыдущие девять изданий (первое – 1845 г.), но иллюстрации были заменены практически полностью: Вольф использовал работы известных российских и европейских художников (Георга Мейера, Лоренца Фрëлиха (*Lorenz Frølich*), Генриха Пиллати (*Henryk Pillati*), Эмиля Байарда (*Émile-Antoine Bayard*), Жана Муане (*Jean-Pierre Moynet*) и др.). Оскару Плетчу в этом издании принадлежали 7 иллюстраций, датированных 1863 и 1865 гг.: 2 из *Gute Freundschaft*; 4 – из *Kleines Volk*; 1 – из *Allerlei Schnik-Schnak* (все семь представлены в английском *Child-land*). Тексты азбуки Дараган не имели ничего общего ни с одним из этих изданий. Мало того, в альбоме иллюстрации и текст совершенно не соотносились друг с другом. Даже там, где имелись прямые «отсылки» к рисункам – *Что нарисовано здесь? Рыбак...* – они «не работали»: вместо рыбака читатель видел солдатскую казарму, вместо семьи, о которой шла речь в тексте, – охоту на зайца и т.п. Главный мотив отбора иллюстративного материала оказался «украшательским», декоративным, но не учебным, что демонстрирует, как непрочны были еще связи между визуальным рядом и текстом в российской литературе для детей.

Итак, анализ изданий и сопоставление их сюжетов – вербальных и визуальных – позволили нам определить характер взаимоотношений и взаимосвязей их текстов и образов как «разговор на разных языках». Причиной «разногласия» были не только сущностные отличия слова от изображения, но и проблемы перевода, общие изменения функциональных задач издания (например, в сторону его дидактической направленности), несовпадение культурных кодов в системе разных европейских языков, технические сложности полиграфического производства. Все это приводило к появлению новых смыслов и значений – иногда неожиданных, но всегда важных, интересных и не случайных.

Литература

1. Сидоров А.А. Искусство русской книги XIX–XX веков // Книга в России: в 2 ч. / под ред. В.Я. Адарюкова, А.А. Сидорова. 2-е изд. Ч. II: Русская книга девятнадцатого века. М., 2008. С. 139–283.

2. Die Kinderstube in 36 Bildern von Oscar Pletsch: Die Handzeichnungen befinden sich im Besitz Sr. Königl. Hoheit des Prinzen Friedrich Wilhelm Victor Albert von Preussen. In Holzgeschnitten von August Gaber. Hamburg, 1860. 84 s.

3. Gute Freundschaft: Eine Erzählung für Damen aber für Kleine in 21 Bild-ernerzählt von Oscar Pletsch. Berlin : Verlag der Weidmann schen Buchhandlung, 1865. 24 s.

4. Kleines Volk: 20 Charakterzeichnungen von Oskar Pletsch. In Holzschnitt aus geführt von H. Bürkner. Mit Reimen von Friedrich Oldenberg. Berlin : Verlag d. Weidmannsch, 1865. 44 s.

5. Allerlei Schnick-Schnak Mit 48 Originalzeichnungen von Oscar Pletsch, in Holzgeschnitten von Prof. H. Bürkner. Leipzig : A. Dürr, 1866. 82 s.

6. Тесная дружба: Семейная хроника для крошечных дам / текст авт. «Степки-Растрепки»; 24 рис. Оскара Плетча грав. на дер. проф. Г. Биркнером. СПб.; М. : М.О. Вольф, [1869]. 24 с.: ил.

7. Маленькие люди: [Стихи]: Текст авт. «Степки-растрепки»: 16 характеристических рисунков Оскара Плетча, гравир. на дереве проф. Г. Биркнером / [И. К-ев]. СПб. ; М. : М.О. Вольф, [1869]. [32] с.: ил.

8. Первые шаги жизни: Очерки с натуры [в стихах]: 32 характеристических рисунка Оскара Плетча, гравир. на дереве проф. Г. Биркнером: Текст авт. «Степки-Растрепки». СПб.; М. : М.О. Вольф, [187-?]. [2], 30 л.: ил.

9. Child-land: picture-pages for the little ones: containing nearly 200 designs by O. Pletch, M. Richter, &c. London : S.W. Partridge & Co, 1873. 255 p.

10. Дараган А.М. Елка: Подарок на Рождество. 10-е изд., с 120 политипажами Плетча, Фрелиха и других и 8 раскрашенными табл. по рис. Г. Пилатти. СПб. : М.О. Вольф, 1874. 90 с.

11. N.S. Der Maler der Kinderwelt // Wikisource. URL: https://de.wikisource.org/wiki/Der_Maler_der_Kinderwelt (дата обращения: 20.12.2019).

12. Васильева Е., Пернатьев Ю. Вольф Маврикий Осипович // Тайны истории. Онлайн-архив. URL: <https://secrethistory.su/946-volf-mavrikiy-osipovich.html> (дата обращения: 20.12.2019).

13. Динерштейн Е.А. Петербургский издатель М.О. Вольф // Книга. Исследования и материалы / Всесоюзная книжная палата. 1999. Сб. 76. С. 126–164; Сб. 77. С. 155–185.

14. Гофман Г. Степка-Растрепка. Рассказы для детей. [СПб.] : Тип. Х. Гинце, 1849. 16 л.

15. S.W. Partridge & Co // Bibliopolis. URL: <https://books.bibliopolis.com/main/find/publisher/S.W.%20Partridge%20&%20Co.html> (дата обращения: 19.12.2019).

Text and Image: Conversation in Different Languages (Oscar Pletsch's Book Graphics in Germany, England, and Russia)

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2020, 24, pp. 113–133

DOI: 10.17223/23062061/24/6

Ekaterina Yu. Romashina, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University (Tula, Russian Federation). E-mail: katerinro@yandex.ru

Keywords: children's literature, book graphics, text, visual narrative, Oscar Pletsch, translation.

In the second half of the 19th century, children's picture books became a mass phenomenon in European book publishing practice. The development of printing technology, the formation of psychology as scientific knowledge, the improvement of methods of educational interaction between adults and children led to the appearance of children's books not only for reading them aloud, but also for looking at pictures in them. However, the connections between the textual and visual narratives of books were not yet strong. Often, for economic reasons, the same illustrations were used in combination with different texts, and translations and reprints added discrepancies. In the article, this is illustrated by materials from the analysis of German, Russian, and English editions with drawings by Oscar Pletsch: *Die Kinderstube* (Hamburg, 1860), *Gute Freundschaft* (Berlin, 1865), *Kleines Volk* (Berlin, 1865), *Allerlei Schnick-Schnak* (Leipzig, 1866); *Malen'kie Lyudi* (St. Petersburg, 1869), *Tesnaya Druzhba* (St. Petersburg, 1869), *Pervye Shagi Zhizni* (St. Petersburg, 187?), *Yolka* (St. Petersburg, 1874); *Child-Land* (London, 1873). The plots Pletsch created are compared with the texts in three languages. As a result of the analysis, significant differences between the texts and the visual range of the editions were revealed. The article identifies the options of transforming meanings and interpreting drawings, reveals the tendency of their use for didactic purposes. The album *Gute Freundschaft* (initially containing only short captions to the drawings) acquired detailed poetic texts—monologues or dialogues of depicted children—in the Russian translation. The English publisher “scattered” the visual series: in *Child-Land*, the same drawings were placed randomly and mixed with other illustrations without observing any logic. The London edition contained prosaic texts, many of which did not coincide in meaning with the storyline of the original. The author (translator) sometimes interpreted the images “taken out of context” in a neutral way and sometimes added other (including sharply negative) characteristics to children's postures, gestures, and movements. In a number of cases, the texts emotionally “loaded” the images in a completely different way than the artist conceived: a gesture of greeting turned into a threat, expectation turned into boredom, and so on. It should be stressed that the Russian publisher Mauritius Wolf treated the German originals more carefully than his English colleagues from S.W. Partridge & C°. The analysis of publications and the comparison of their verbal and visual plots allowed identifying the nature of the interrelation of text and image as a “conversation in different languages”. The reason for the “discord” could be translation problems, general changes in the functional tasks of the publication (for example, towards a didactic purpose), the mismatch of cultural codes in the system of different European languages, and technical difficulties in printing. All this led to the emergence of new senses and meanings—sometimes unexpected, but always important, interesting and never accidental.

References

1. Sidorov, A.A. (2008) *Iskusstvo russkoy knigi XIX–XX vekov* [The Russian book art of the 19th – 20th centuries]. In: Adaryukov, V.Ya. & Sidorov, A.A. (eds) *Kniga v Rossii: v 2 ch.* [Book in Russia: in 2 vols]. 2nd ed. Moscow: State Public Historical Library. pp. 139–283.
2. Pletsch, O. (1860) *Die Kinderstube in 36 Bildern von Oscar Pletsch: Die Handzeichnungen be-findensich im Besitz Sr. Königl. Hoheit des Prinzen Friedrich Wilhelm Victor Albert von Preussen.* In Holzgeschnitten von August Gaber. Hamburg: [s.n.].
3. Anon. (1865) *Gute Freundschaft: Eine Erzählung für Damen aber für Kleine in 21 Bild-ernerzählt von Oscar Pletsch.* Berlin: Verlag der Weidmann schen Buchhandlung.
4. Oldenberg, F. & Pletsch, O. (1865) *Kleines Volk: 20 Charakterzeichnungen von. In Holzschnitt aus geführt von H. Bürkner. Mit Reimen von Friedrich Oldenberg.* Berlin: Verlag d. Weidmannsch.
5. Pletsch, O. (1866) *Allerlei Schnik-Schnak Mit 48 Originalzeichnungen von Oscar Pletsch, in Holzgeschnitten von Prof. H. Bürkner.* Leipzig: A. Dürr.
6. Anon. (1869) *Tesnaya družba: Semeynaya khronika dlya kroshechnykh dam* [Close Friendship: A Family Chronicle for Tiny Ladies]. Text by the author of “Stepka-Rastrepka”, 24 designs by Oscar Pletsch engraved on wood by prof. G. Birkner. St. Petersburg; Moscow: M.O. Wolf.
7. Anon. (1869) *Malen'kie lyudi* [Little people]. 16 illustrations by Oscar Pletsch, engraved on wood by Prof. G. Birkner. St. Petersburg; Moscow: M.O. Wolf.
8. Anon. (187-?) *Pervye shagi zhizni: Ocherki s natury [v stikhakh]* [First steps in life: Sketches from nature [in verse]]. 32 designs by Oscar Pletsch, engraved on wood by Prof. G. Birkner. St. Petersburg; Moscow: M.O. Wolf.
9. Pletsch, O. (1873) *Child-land: picture-pages for the little ones: containing nearly 200 designs by Oscar Pletch, M. Richter.* London: S.W. Partridge & C°.
10. Daragan, A.M. (1874) *Elka: Podarok na Rozhdestvo* [Christmas tree: Gift for Christmas]. 10th ed. with woodcuts by Pletscha, Fröhlich et al. and 8 tables by pictures of G. Pilatti. St. Petersburg: M.O. Wolf.
11. N.S. (n.d.) *Der Maler der Kinderwelt.* [Online] Available from: https://de.wikisource.org/wiki/Der_Maler_der_Kinderwelt (Accessed: 20th December 2019).
12. Vasilieva, E. & Pernatiev, Yu. (n.d.) *Vol'f Mavrikiy Osipovich* [Wolf Mavriky Osipovich]. [Online] Available from: <https://secrethistory.su/946-volf-mavrikiy-osipovich.html> (Accessed: 20th December 2019).
13. Dinershteyn, E.A. (1999) *Peterburgskiy izdatel' M. O.Vol'f* [Petersburg publisher M.O. Wolf]. In: Lensky, B.V. et al. (eds) *Kniga. Issledovaniya i materialy* [Book. Research and Materials]. Vol.76. pp. 126–164; Vol. 77. pp. 155–185.
14. Hoffmann, H. (1849) *Stepka-Rastrepka. Rasskazy dlya detey* [Shaggy Peter. Stories for Children]. [St. Petersburg]: Kh. Gintse.
15. Bibliopolis.com. (n.d.) *S.W. Partridge & C.* [Online] Available from: <https://books.bibliopolis.com/main/find/publisher/S.W.%20Partridge%20%20Co.htm> 1 (Accessed: 19th December 2019).

ВОПРОСЫ КНИГОИЗДАНИЯ

УДК 801.82+003+651.5+930.25

DOI: 10.17223/23062061/24/7

К.С. Шаров

ПРОБЛЕМА ТРАНСКРИПЦИИ И ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АРХИВНЫХ РУКОПИСЕЙ ИСААКА НЬЮТОНА

***Аннотация.** В данной работе изучены история и перспективы транскрибирования рукописей сэра Исаака Ньютона для последующей возможной публикации собрания его сочинений. Работа во многом затруднена разбросом манускриптов ученого по миру: одних публичных архивов, содержащих не менее 50 рукописей Ньютона в каждом, в настоящее время насчитывается около 20, не говоря об архивах меньшей значимости и частных коллекциях, которых по миру более 100. Данный разброс приводит к правовым затруднениям в процессе подготовки рукописей Ньютона к публикации. В силу этого, спустя 300 лет после жизни ученого опубликовано всего 5 его сочинений (из потенциальных 350), при этом 2 книги были опубликованы еще прижизненно. Подчеркнуты успехи по транскрибированию, полученные к настоящему дню. Обсуждены текущие и стратегические проблемы, а также потенциал дальнейшей работы.*

Ключевые слова: архивы Исаака Ньютона, транскрибирование, публикация, герменевтическая интерпретация, редактирование, перевод, предпечатная подготовка.

Проблемы издания собрания сочинений Ньютона

Существует огромное расхождение между тем, сколько написано английским философом, ученым, математиком, историком и социальным мыслителем Исааком Ньютоном и сколько издано к настоящему дню. Изданные труды Ньютона, не считая его переписки [1], включают всего лишь пять сочинений:

1) *Philosophiæ Naturalis Principia Mathematica* («Математические начала натуральной философии», три прижизненных издания на латинском языке) [2];

2) *Optice* («Оптика», одно прижизненное издание на латинском и одно – на английском) [3];

3) *The Chronology of Ancient Kingdoms Amended* («Исправленная хронология древних царств», издана спустя 1 год после смерти Ньютона) [4];

4) *Observations upon the Prophecies of Daniel and Apocalypse of St John* («Замечания на книгу пророка Даниила и Апокалипсис св. Иоанна Богослова»¹, издана через 6 лет после смерти Ньютона) [5];

5) *The Mathematical Papers of Isaac Newton* («Математические труды Исаака Ньютона» – наиболее важные ньютоновские сочинения по математике, изданные в восьми томах под редакцией Дерекы Томаса Уайтсайда в период с 1967 по 1981 г. в издательстве Кембриджского университета) [6].

В большинстве своих трудов Ньютон обращается к максимально широкой теме исследований человеческой природы [7]. При этом примерная оценка наследия мыслителя из ныне доступных архивов дает нам поистине огромное количество написанного Ньютоном – порядка десяти миллионов слов [8. Р. 21, 202–203] (табл. 1). Такое наследие, по предварительным оценкам, позволило бы издать собрание сочинений объемом 350 томов. Нетрудно заключить, что 96% трудов Ньютона спустя 300 лет после его жизни все еще не опубликовано.

Т а б л и ц а 1

Примерное количество написанного сэром Исааком Ньютоном

Область знания	Примерное суммарное количество слов в рукописях
Математика	400 000
Натурфилософия (физика)	1 200 000
Богословие	3 500 000
Химия	1 700 000
История и историография	1 300 000
Социальные науки и право	200 000
Экономика и финансы	1 750 000
Итого	10 050 000 слов

Каковы основные причины того, что, по словам известного российского исследователя Ньютона Игоря Дмитриева, мы теряем около

¹ Хотя английское слово *observations* следует переводить как «наблюдения», но данное русское название книги является устоявшимся со второй половины XIX в.

90% «настоящего» Ньютона [9. С. 16–17; 10. С. 13], т.е. того, что до настоящего времени не издана львиная доля трудов английского мыслителя? Здесь можно выдвинуть ряд обстоятельств:

1. Сочинения Ньютона, после распродажи его архивов на аукционе Sotheby's в Лондоне в 1936 г., оказались во множестве стран в частных руках. С течением времени многие владельцы передавали свои коллекции в публичные библиотечные архивы. Однако на эти коллекции во многих случаях претендовали и наследники бывших владельцев, не согласные с решением завещателей. В результате этого начались судебные процессы, тянущиеся много десятилетий. Ряд из этих судебных дел не закрыт даже до настоящего дня. Это вполне объяснимо: сегодня рукописи Ньютона на антикварном рынке оцениваются очень дорого. Так, черновая рукопись из трех страниц в 2005 г. была продана за 85 тысяч фунтов стерлингов. Рукопись из четырех страниц в 2007 г. ушла с молотка за 170 тысяч фунтов [8. Р. 204]. Поэтому крупный ньютоновский архив в большой сохранности сейчас может оцениваться в миллиарды фунтов стерлингов¹!

2. Вторым источником правовых барьеров к изданию трудов Ньютона является то, что все его манускрипты находятся в юрисдикциях с разными правовыми системами. В каждой действуют свои правовые нормы в отношении частной собственности и авторского права. В перспективе будет крайне затруднительно снять эти барьеры без политической воли на высшем уровне.

3. По оценкам, около 15% текстов Ньютона сознательно скрывается от научного сообщества либо считается потерянными².

¹ Это при том, что исходно в 1936 г. архив Ньютона разошелся всего за 9 тысяч фунтов [11. С. 108].

² Разумеется, вряд ли можно считать рукописи Ньютона потерянными навсегда, поскольку, скорее всего, никто их сознательно не уничтожал. Тем не менее многие люди, как показывает опыт последних 30–40 лет, особенно в Великобритании, даже не подозревают о том, что они могут являться невольными владельцами рукописей Ньютона. Так, иногда в подвалах, на чердаках и буфетах при ремонте или перестройке домов внезапно находятся важнейшие манускрипты, проливающие свет на до тех пор темные моменты ньютоновской мысли [11. С. 105–106]. Поэтому в перспективе многие «потерянные» рукописи, скорее всего, когда-нибудь будут найдены.

4. До сих пор у исследователей отсутствует единство мнений относительно степени, в которой можно объединять сочинения Ньютона в одном собрании трудов. Являются ли все рукописи продуктом трезвого ума и здоровой мысли? – даже такие вопросы продолжают регулярно звучать на конгрессах и конференциях, посвященных исследованию ньютоновской философии, а также в периодике [12. Р. 11; 13. Р. 87, 101; 14. Р. 375, 391–392, 408].

5. Возникает вопрос о компоновке трудов ученого. Как их следует классифицировать и соединять в тома: по содержанию, по дате написания, по области знания или так, как их компоновал сам Ньютон, – проводя разделение непосредственно по текстам? Если не считать опубликованных к настоящему времени работ, в большинстве своих манускриптов английский мыслитель применяет прием максимального возможного рассредоточения мыслей и идей. Так, нормальным для ньютоновского наследия является следующее: 1) почти в каждой рукописи Ньютон затрагивает темы из совершенно разных областей знания; 2) одну мысль Ньютон распределяет на множество текстов. Так, чтобы понять некоторую идею ученого во всей полноте, иногда приходится исследовать несколько десятков манускриптов из более чем десяти архивов.

6. В XVIII в. еще одним барьером для публикации сочинений Ньютона, как натурфилософских, так и всех прочих, стали его многочисленные теологические расхождения с официальной доктриной Церкви Англии [14. Р. 104, 188–190]. Например, ученый часто прибегал к приему использования нехристианских источников для создания собственного христианского видения истории человечества [15], что было крайне непопулярно в англиканстве того времени. Ньютон умер, не оставив завещания; и после его смерти между его племянниками развернулась полемика относительно его архива. Было решено привлечь стороннего специалиста, который бы помог им осуществить редактирование, предпечатную подготовку манускриптов и собственно публикацию собрания сочинений, которое было решено продать, а вырученные деньги разделить поровну между наследниками [16]. Для этой цели был выбран Доктор Томас Пеллет, член Королевского общества. После примерно одного года изучения рукописей ученого Пеллет поставил на них мораторий *Not fit to be printed* («Непригодно для публикации») (рис. 1). По-видимому, Пеллету было необходимо

сохранить образ Ньютона не как религиозного вольнодумца, а как идеального англикана [17. Р. 17], коим мыслитель не являлся практически никогда на протяжении всей своей жизни.

7. Ньютон не предназначал свои рукописи для широкого читателя. Он писал в основном «в стол», разрешая знакомиться с текстами только исключительно узкому кругу друзей и учеников [18. § 6.1, 6.7; 19. С. 146, 234, 242].

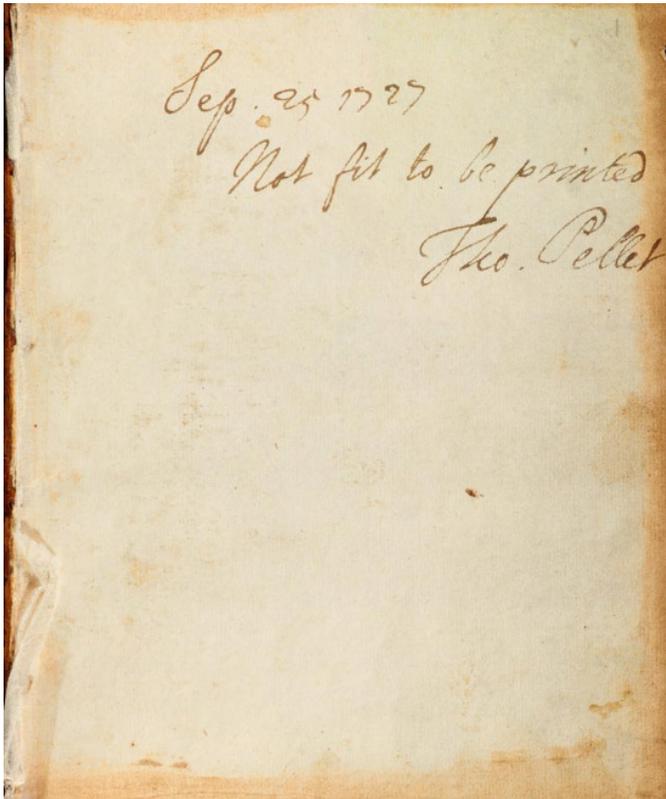

Рис. 1. Лист с резюме Томаса Пеллета относительно возможности публикации трудов мыслителя в 1720–1730-е гг.

Все описанные причины затрудняют в настоящее время публикацию полного собрания сочинения Исаака Ньютона. При Оксфордском университете создана специальная комиссия по публикации трудов Ньютона, возглавляемая профессором Робертом Илиффе. Из непосредственных бесед с профессором Илиффе автор статьи сделал вывод, что в ближайшие 20–30 лет о публикации ньютоновского собрания сочинений речь не пойдет. На этот период сообщество исследователей Ньютона поставило другие цели: транскрибирование, перевод, редактирование и иногда – расшифровку и герменевтическую интерпретацию рукописей великого мыслителя, а также в некоторой степени – предпечатную подготовку.

Проблемы транскрибирования и интерпретации ньютоновских рукописей

Автором данной работы при личной работе в ряде ньютоновских архивов (Портсмутский архив Библиотеки Кембриджского университета; Кейнсианский архив Библиотеки Кингс-колледжа Кембриджа; Коллекция Тринити-колледжа Кембриджа; Оксфордская коллекция Библиотеки Нью-колледжа Оксфорда; Ньютоновская коллекция в Садах Кью в Ричмонде, Великобритания; Коллекция Общества Мартина Бодмера в Колони, Швейцария; и Коллекция Яхуды в Национальной библиотеке Израиля) за период 2014–2019 гг. было выявлено несколько характерных проблем при транскрибировании. Впоследствии авторские предположения неоднократно обсуждались с коллегами по Комитету публикаций работ Ньютона, созданному при Оксфордском университете: с Джеймсом МакГвайром, Робертом Илиффе, Стивеном Снобеленом, Айвал Лешем, Джемом Бухвальдом, Джеймсом Форсом.

1. Сложный почерк Ньютона, небрежность в орфографии, частые описки и орфографические ошибки (рис. 2). Ньютон часто употребляет архаическую орфографию английского языка в виде добавления конечной буквы *e* к существительным; написания сочетания *th* как *u* (было распространено до конца XV в.); написания местоимений с надстрочниками. Похоже, Ньютон специально выработал для себя определенный стиль написания, который бы ориентировался на древнюю традицию и стиль письма деятелей эпохи Воз-

рождения [20; 21; 22. Р. 415; 23. Р. 722]. Однако он не следует своему правилу пунктуально, и даже в рамках одного предложения часто смешивает архаичное и современное написание. Скорее всего, плохой почерк и многие опiski / ошибки объясняются огромной скоростью, с которой писал Ньютон [11. С. 116].

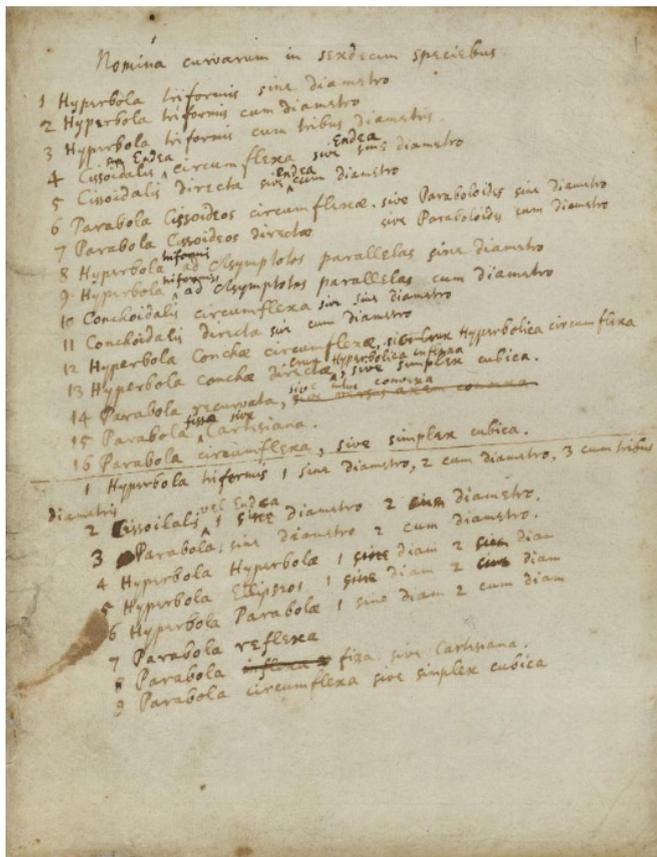
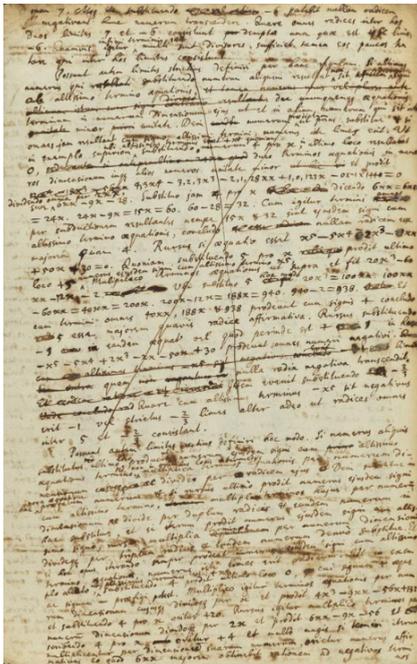
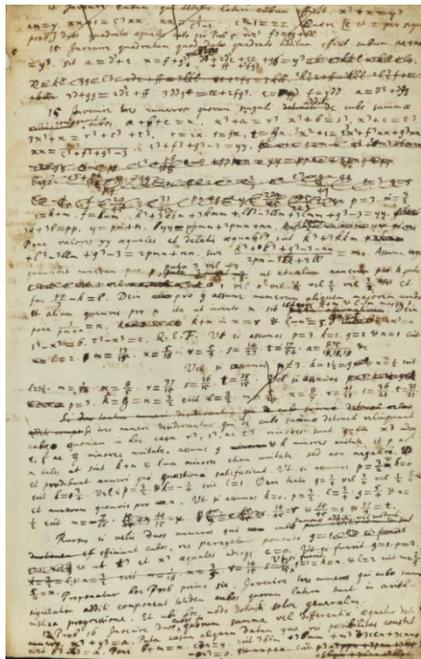

Рис. 2. Рукопись с перечислением кривых второго порядка.

Обращают на себя внимание сложный, «рубленый» почерк Ньютона, опiski, орфографические ошибки в словах на латинском, происходящие, скорее всего, от высокой скорости письма

А

Б

Рис. 3. Примеры зачеркивания, вымарывания текста и палимпсеста в ньютоновских рукописях

2. Постоянные зачеркивания и / или вымарывания текста, а также палимпсест. Часто Ньютон зачеркивает большие фрагменты текста (рис. 3, А). При этом редактор, скорее всего, предположит, что данный фрагмент нужно действительно выбросить из финального текста. Однако Ньютон может сделать в манускрипте пометку «считать текст действительным», часто спустя много страниц после места под вопросом. Также у Ньютона нередки вымарывания текста и палимпсест, т.е. написание текста поверх предыдущего (рис. 3, Б). Причем Ньютон, если вымарывает фрагмент строки, делает это на совесть, так, чтобы потом прочитать было решительно невозможно, и в некоторых случаях забывает вписать то, что хотел подставить вместо вымаранного фрагмента. Поэтому в ряде случаев необходима герменевтическая реконструкция вымаранных участков текста.

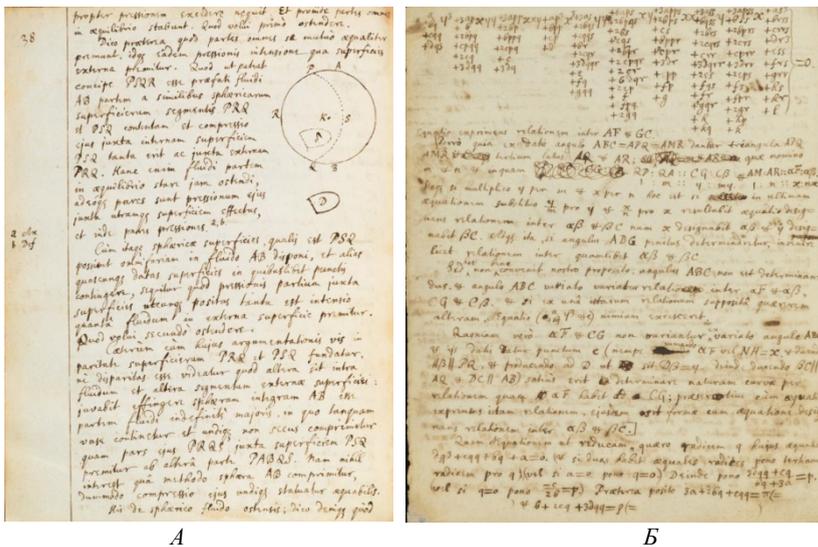

Рис. 4. Разборчивые и неразборчивые вставки Ньютоном рисунков, таблиц и формул в текст

3. Вставка рисунков, формул и таблиц в текст. Добавление рисунков может быть как аккуратным и четким, и тогда это не создает сложностей с транскрибированием как рисунка, так и текста, относящегося к нему (рис. 4, А), так и нечетким, практически наложенным на текст (рис. 5), что создает исключительные сложности для попыток машинного распознавания текста.

Формулы и таблицы вставляются Ньютоном в текст манускрипта практически всегда без подзаголовков, отступов и красных строк (рис. 4, Б; 5).

Учитывая, что Ньютон часто использует свои собственные обозначения для ряда математических величин, например производных, дифференциалов и интегралов, отличающиеся от принятых на сегодняшний день [24. Р. 155] (см., напр., рис. 4, Б; 5), применение программ распознавания рукописного текста становится и вовсе бесполезным.

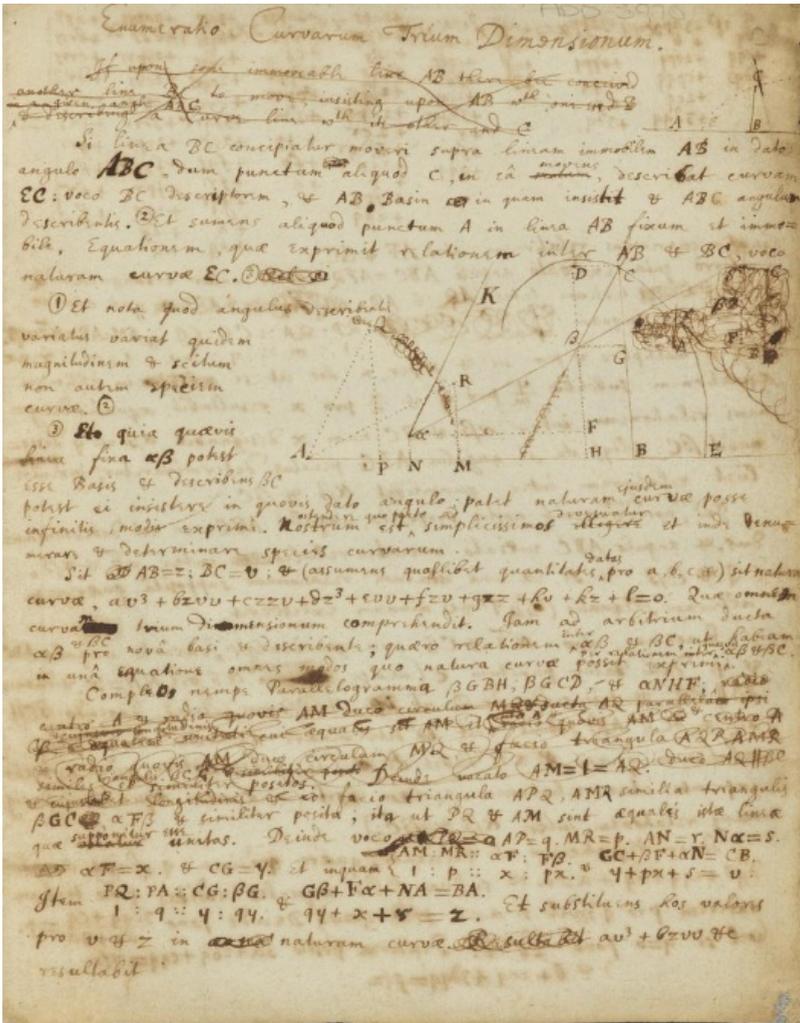

Рис. 5. Первая страница рукописи Enumeratio Curvarum Trium Dimensionum («Перечисление кривых третьего порядка»). Рисунок интегрирован в текст так, что в некоторых местах они накладываются друг на друга. Это создает неразрешимые сложности для современных программ распознавания рукописного текста

(алгебраических) шифров (рис. 8). Ньютон следовал традиции *prisca sapientia* (древней мудрости). Согласно ей, с античных времен вплоть до XVII в. истинное знание о структуре мира, Вселенной, Боге передавалось только от учителя к посвященным ученикам (наподобие того порядка, который бытовал в пифагорейском союзе). Знание, как считал Ньютон, необходимо было скрыть от невежд и «мелких дилетантов»¹ (*little smatterers*) [25. P. 379]. Из-за этого некоторые пассажи он писал в закодированном виде, несмотря на то что заранее не предназначал их для публикации. Ньютон был словно одержим страхом, что к его текстам получат доступ критики и широкая общественность [26. P. 88]. Вероятно, это связано с психологическим портретом мыслителя, который не терпел решительно никакой критики – ни со стороны учеников, ни тем более – со стороны недоброжелателей, завистников и даже просто знакомых и коллег по Королевскому обществу. Негативная реакция на «Математические начала натуральной философии» со стороны Роберта Гука не заставила Ньютона пойти на научный диалог, а наоборот, укрепила его в обскурантизме [27. P. 227].

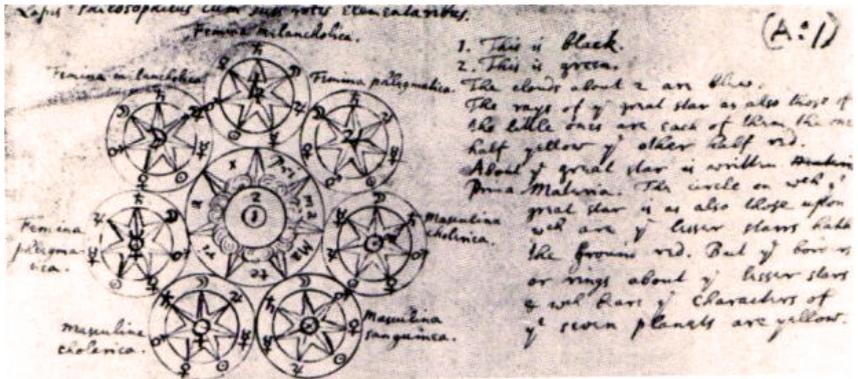

Рис. 7. Пример графического шифра Ньютона

¹ Так Ньютон назвал в письме Дерэму тех из своих читателей, которые, с его точки зрения, были просто неспособны разобраться в его работах, но подвергли серьезной критике его идеи.

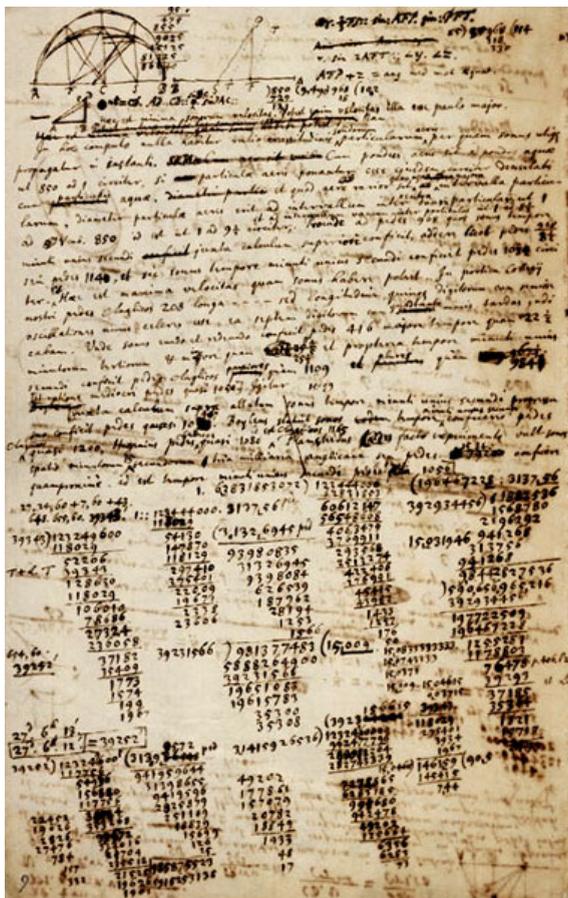
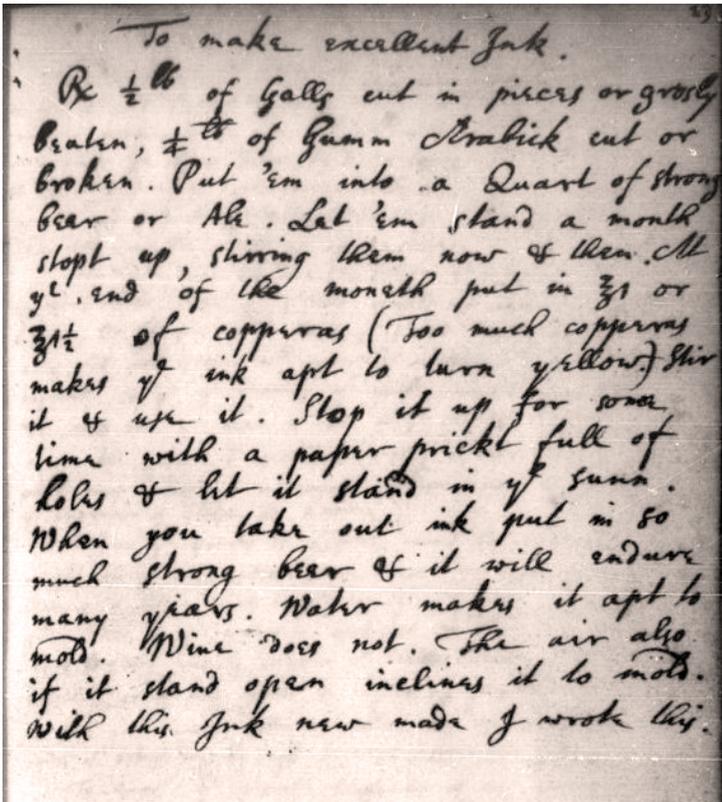

Рис. 8. Пример алгебраического шифра Ньютона

Несмотря на многочисленные проблемы транскрибирования рукописей Ньютона, есть несомненный положительный момент: Ньютон писал чернилами, приготовленными по его собственному авторскому рецепту (рис. 8), и на наиболее дорогой и качественной бумаге. Это обуславливает уникальную сохранность его манускриптов спустя более чем 300 лет.

Рис. 9. Рецепт «отличных чернил» (*excellent ink*) Ньютона¹

¹ $\frac{1}{2}$ фунта дубовых чернильных орешков (галлов) нарезать кусочками или раскрошить. $\frac{1}{4}$ фунта гуммиарабика растолочь или мелко нарезать. Поместить в 1 кварту крепкого пива или эля. Дать постоять 1 месяц, иногда взбалтывая. Через месяц добавить 1 или $1\frac{1}{2}$ тройской унции железного купороса (слишком много купороса сделает чернила желтыми). Перемешать и использовать. Накройте их на некоторое время бумагой с дырочками и оставьте на свету. Когда достанете чернила, добавьте побольше крепкого пива, и они смогут не портиться годами. Если разбавить их водой, они заплесневеют. Вино не подойдет. Если они будут стоять в открытом виде, воздух также будет влиять на их зацветание. Данными только что изготовленными чернилами я это и записал.

Сравнивая его рукописи и тексты его современников, писавших преимущественно стандартными чернилами, покупаемыми в магазинах, мы удивляемся сохранности и четкости текста – ньютоновские авторские чернила не выцветают, не расплываются, не плесневеют. За исключением пожелтения бумаги, манускрипты Ньютона выглядят практически так же, как они смотрелись, когда он их писал.

Заключение

Несмотря на то что перспективы публикации полного собрания сочинений Ньютона пока всего лишь маячат в отдалении, к настоящему времени, тем не менее, достигнуты значительные успехи в транскрибировании, редактировании и герменевтической интерпретации ряда важных сочинений английского мыслителя, проливающего свет, в частности, на связь его физики, историографии и теологии. Например, только лишь недавно, после транскрибирования ряда его рукописей по богословию, стали ясны некоторые особенности его физики, до того момента остававшиеся малопонятными [28. Р. 10; 29. Р. 6]. По авторским предварительным оценкам, пока транскрибировано порядка 15% рукописей ученого.

Транскрибирование ньютоновских текстов открывает значительно более широкий доступ к его творчеству, прокладывая дорогу к оцифровке архивов, компьютерному поиску, цитированию по гиперссылкам и т.п. Открытие Ньютона для широкой общественности имеет как свои плюсы, так минусы (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Положительные и отрицательные эффекты доступа по сети к рукописям Ньютона любых желающих

Положительные	Отрицательные
Раскрытие архивов Ньютона для научного сообщества	Проблематизируется сама задача издания в будущем собрания сочинений Ньютона. Большое количество электронных ресурсов, с одной стороны, делают публикацию книг лишней, а с другой – еще более затрудняют правовые возможности публикации ньютоновских произведений

Положительные	Отрицательные
Сканирование, оцифровка, сохранение в электронном виде	Снижение качества обсуждения философии Ньютона из-за предоставления слишком широкого доступа. Любой интернет-невежда может присоединиться к форумам, на которых обсуждаются ньютоновские идеи, и дискутировать на равных с людьми, посвятившими жизнь изучению ньютоновской философии
Предоставление частичного доступа к материалам по сети практически для всех желающих	Потеря аутентичности исследования, отсутствие доступа к оригиналам рукописей. По сути, теряется нулевой герменевтический уровень – уровень самой рукописи, а это подчас приводит к непониманию того, как процесс написания той или иной рукописи был связан с ее содержанием
Успехи в транскрибировании, расшифровке, редакторской обработке и герменевтической интерпретации рукописей	Появление лавины фальсификаций и подделок рукописей
Появление интернет-проектов по обсуждению философии Ньютона наподобие <i>The Newton Project</i>	Огромная фрагментарность исследований, так что появляется большое количество «Ньютонов», а единой картины не выстраивается
Интеграция электронных ресурсов по Ньютону, например, Национальной библиотеки Израиля, проекта <i>The Newton Project</i> и Портсмутского архива в Кембриджском университете	

Публикация собрания сочинений Исаака Ньютона – и даже само аутентичное понимание его текстов – в будущем может быть проблематизирована все большей цифровизацией его архивов – обратной стороной медали при транскрибировании [30. Р. 16–17; 31. Р. 13]¹.

¹ Так, например, Вольфганг Зассин полагает, что избыточная открытость многих сочинений Ньютона привела к тому, что даже основные открытия ученого,

Успехи, полученные в транскрибировании работ Ньютона, во многом идут параллельно с достижениями в систематизации и допечатной подготовке трудов других новоевропейских ученых XVI–XVIII вв., что в целом помогает нам увидеть более объемную и многомерную картину науки этого периода [32. С. 110–111; 33. С. 14].

Так или иначе, но даже при наличии ряда проблемных моментов, присущих редакторской работе в условиях информационного общества, транскрибирование трудов сэра Ньютона вкупе со все большим открытием доступа в его архивы по всему миру позволяет нам намного лучше понять аутентичного Ньютона в единстве его математической, физической, философской, исторической, богословской и социальной мысли.

Литература

1. The Correspondence of Isaac Newton : in 7 v. / ed. by H.W. Turnbull, J.F. Scott, A.R. Hall, L. Tilling. Cambridge : Cambridge University Press, 1959–1977.
2. Newton I. Philosophiæ Naturalis Principia Mathematica. London : Joseph Streater, 1687. 562 p.
3. Newton I. Optice; sive de reflexionibus, refractionibus, inflexionibus et coloribus lucis libri tres. London : Samuel Smith and Benjamin Walford, 1706. 348 p.
4. Newton I. The Chronology of Ancient Kingdoms Amended. London : J. Tonson, J. Osborn, and T. Longman, 1728. 376 p.
5. Newton I. Observations upon the Prophecies of Daniel, and the Apocalypse of St John. London : J. Darby and T. Browne, 1733. 324 p.
6. The Mathematical Papers of Isaac Newton (in 8 vols) / ed. by D.T. Whiteside. Cambridge, 1967–1981.
7. Lysenko L.A. Back to History of Human Nature Studies // The Beacon: Journal for Studying Ideologies and Mental Dimensions. 2019. Vol. 2, № 020000000. P. 1–9.
8. Dry S. The Newton Papers: The Strange and True Odyssey of Isaac Newton's Manuscripts. Oxford, 2014. 238 p.
9. Дмитриев И.С. Неизвестный Ньютон. СПб. : Алетей, 1999. 784 с.

например закон всемирного тяготения и три закона механики, стали интерпретироваться совсем в ином смысле, чем закладывал в них сам Ньютон [29. Р. 12]. Все-таки сам Ньютон стремился не к максимальной открытости, а наоборот, к наибольшей закрытости, элитарности своих сочинений, чем шел вразрез с традицией новоевропейской науки [31. Р. 111–112]. Возможно, он понимал, что излишняя открытость его творчества приведет к многочисленным искажениям.

10. Дмитриев И.С. Чисто английская карьера: почему английские интеллектуалы XVII в. начали изучать природу? // Социология науки и технологий. 2017. Т. 8, № 4. С. 9–27.

11. Шаров К.С. Жив ли архив? Актуальность архивных исследований в современности на примере изучения неопубликованных манускриптов сэра Исаака Ньютона // Отечественная и зарубежная педагогика. 2018. Т. 1, № 3. С. 98–119.

12. Westfall R.S. Short-Writing and the State of Newton's Conscience, 1662 // Notes and Records of the Royal Society of London. 1963. Vol. 18. P. 10–16.

13. Iliffe R. Isaac Newton // *Lucasian Professors* / ed. by K. Knox and R. Noakes. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. P. 69–134.

14. Iliffe R. Priest of Nature: The Religious Worlds of Isaac Newton. Oxford : Oxford University press, 2017. 536 p.

15. Lysenko L.A. Utilisation of non-Christian sources in Christian ideological parables // The Beacon: Journal for Studying Ideologies and Mental Dimensions. 2019. Vol. 2, № 01000000. P. 1–5.

16. Schilt K-J. «Not fit to be Printed». On the Reception of Isaac Newton's Unorthodox Works. URL: <http://www.forbiddenhistories.com/schilt-newton> (дата обращения: 06.12.2019).

17. Cohen I.B., Smith G.E. Newton: Texts, Backgrounds, Commentaries. London, 1995. 488 p.

18. Гайденко П.П. История новоевропейской философии в ее связи с наукой. М.: УРСС. 376 с.

19. Гайденко П.П. Время, длительность, вечность. М. : Прогресс-Традиция, 2006. 464 с.

20. Шаров К.С. Исаак Ньютон: математико-герменевтическая методология пророческой экзегезы // Идеи и идеалы. Т. 11, № 1. Ч. 2. С. 254–273.

21. Donskikh O.A. Horror Zivilisationis, oder Horror der Subjektivität // The Beacon: Journal for Studying Ideologies and Mental Dimensions. 2019. Vol. 2, № 020110205. P. 1–19.

22. Donskikh O.A. Splitting concepts: steps of reflection // Schole. 2018. Vol. 12, № 2. P. 402–426.

23. Donskikh O.A. Poetry as the beginning of philosophy and science // Schole. 2019. Vol. 13, № 2. P. 716–732.

24. McGuire J.E. Tradition and Innovation: Newton's Metaphysics of Nature. Dordrecht : Kluwer, 1995. 312 p.

25. Snobelen S.D. The theology of Isaac Newton's Principia Mathematica: A preliminary survey // Neue Zeitschrift für Systematische Theologie und Religionsphilosophie. 2010. Vol. 52. P. 377–412.

26. Force J. Newton's God of Dominion: The Unity of Newton's Theological, Scientific, and Political Thought // Essays on the Context, Nature, and Influence of Isaac Newton's Theology (International Archives of the History of Ideas) / ed. by J.E. Force, R.H. Popkin. Dordrecht : Kluwer, 1990. Vol. 128. P. 75–102.

27. Snobelen S.D. 'The true frame of Nature': Isaac Newton, Heresy, and the Reformation of Natural Philosophy // *Heterodoxy in Early Modern Science and Religion* / ed. by J. Brooke, I. Maclean. Oxford : Oxford University Press, 2005. P. 223–262.

28. Sassin W. Transformation of societal consciousness // *The Beacon: Journal for Studying Ideologies and Mental Dimensions*. 2018. Vol. 1, № 010210201. P. 1–18.

29. Sassin W. Limits of cognition and insight // *The Beacon: Journal for Studying Ideologies and Mental Dimensions*. 2018. Vol. 1, № 010310202. P. 1–16.

30. Sassin W. Deja Vue? // *The Beacon: Journal for Studying Ideologies and Mental Dimensions*. Vol. 2, № 020210216. P. 1–22.

31. Sassin W. Er-Schöpfung der Schöpfung, oder Eine neue Kulturstufe in der Entwicklung des homo // *The Beacon: Journal for Studying Ideologies and Mental Dimensions*. 2019. Vol. 2, № 020510203. P. 1–17.

32. Донских О.А. Почему студенты перестали задавать вопросы? // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2018. № 42. С. 110–117.

33. Донских О.А. Horror zivilizationis // *Культура и искусство*. 2015. № 1 (25). С. 7–15.

The Problem of Transcribing and Hermeneutic Interpreting Isaac Newton's Archival Manuscripts

Tekst. Kniga. Knigozhdanie – Text. Book. Publishing, 2020, 24, pp. 134–155

DOI: 10.17223/23062061/24/7

Konstantin S. Sharov, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: const.sharov@mail.ru

Keywords: Isaac Newton's archives, transcribing, publishing, hermeneutic interpretation, editing, translation, preprint preparation.

In the article, the current situation and future prospects of transcribing, editing, interpreting, and preparing Isaac Newton's manuscripts for publication are studied. The author investigates manuscripts from the following Newton's archives: (1) Portsmouth's archive (Cambridge University Library, Cambridge, UK); (2) Yahuda collection (National Library of Israel, Jerusalem, Israel); (3) Keynes collection (King's College Library, Cambridge University, Cambridge, UK); (4) Trinity College archive (Trinity College Library, Cambridge University, Cambridge, UK); (5) Oxford archive (New's College Library, Oxford University, Oxford, UK); (6) Mint, economic and financial papers (National Archives in Kew Gardens, Richmond, Surrey, UK); (7) Bodmer's collection (Martin Bodmer Society Library, Cologny, Switzerland); (8) Sotheby's Auction House archive (London, UK); (9) James White collection (James White Library, Andrews University, Berrien Springs, Michigan, US); (10) St Andrews collection (University of St Andrews Library, St Andrews, UK); (11) Bodleian collection (Bodleian Library, Oxford University, Oxford, UK); (12) Grace K. Babson collection (Huntington Library, San Marino, California, US); (13) Stanford collection (Stanford University Library, Palo Alto, California, US); (14) Massachusetts collection

(Massachusetts Technological Institute Library, Boston, Massachusetts, US); (15) Texas archive (Harry Ransom Humanities Research Centre, University of Texas Library, Austin, Texas, US); (16) Morgan archive (Pierpont Morgan Library, New York, US); (17) Fitzwilliam collection (Fitzwilliam Museum, Cambridge University, Cambridge, UK); (18) Royal Society collection (Royal Society Library, London, UK); (19) Dibner collection (Dibner Library, Smithsonian Institution, Washington D.C., US); (20) Philadelphia archive (Library of the American Philosophical Society, Philadelphia, Pennsylvania, US). There is a great discrepancy between what Newton wrote (approx. 350 volumes) and what was published thus far (five works). It is accounted for by a number of reasons: (a) ongoing inheritance litigations involving Newton's archives; (b) dispersing Newton's manuscripts in countries with different legal systems, consequently, dissimilar copyright and ownership branches of civil law; (c) disappearance of nearly 15 per cent of Newton works; (d) lack of accordance of views among Newton's researchers; (e) problems with arranging Newton's ideas in his possible Collected Works to be published; (f) Newton's incomppliance with the official Anglican doctrine; (g) Newton's unwillingness to disclose his compositions to the broad public. The problems of transcribing, editing, interpreting, and pre-print preparing Newton's works, are as follows: (a) Newton's complicated handwriting, negligence in spelling, frequent misspellings and errors; (b) constant deletion, crossing out, and palimpsest; (c) careless insertion of figures, tables in formulas in the text, with many of them being intersected; (d) the presence of glosses situated at different angles to the main text and even over it; (e) encrypting his meanings, Newton's strict adherence to *prisca sapientia* tradition. Despite the obstacles described, transcribing Newton's manuscripts allows us to understand Sir Newton's thought better in the unity of his mathematical, philosophical, physical, historical, theological and social ideas.

References

1. Turnbull, H.W., Scott, J.F., Hall, A.R. & Tilling, L. (eds) (1959–1977) *The Correspondence of Isaac Newton*. Cambridge: Cambridge University Press.
2. Newton, I. (1687) *Philosophiæ Naturalis Principia Mathematica*. London: Joseph Streater.
3. Newton, I. (1706) *Optice; sive de reflexionibus, refractionibus, inflexionibus et coloribus lucis libri tres*. London: Samuel Smith and Benjamin Walford.
4. Newton, I. (1728) *The Chronology of Ancient Kingdoms Amended*. London: J. Tonson, J. Osborn, & T. Longman.
5. Newton, I. (1733) *Observations upon the Prophecies of Daniel and the Apocalypse of St John*. London: J. Darby & T. Browne.
6. Whiteside, D.T. (ed.) (1967–1981) *The Mathematical Papers of Isaac Newton*. Cambridge: Cambridge University Press.
7. Lysenko, L.A. (2019) Back to History of Human Nature Studies. *The Beacon: Journal for Studying Ideologies and Mental Dimensions*. 2. 020000000. pp. 1–9. HANDLE: 20.500.12656/thebeacon.2.020000000

8. Dry, S. (2014) *The Newton Papers: The Strange and True Odyssey of Isaac Newton's Manuscripts*. Oxford: Oxford University Press.
9. Dmitriev, I.S. (1999) *Neizvestnyy N'yuton. Siluet na fone epokhi* [The Unknown Newton. A Silhouette on the Background of the Epoch]. St. Petersburg: Aleteyya.
10. Dmitriev, I.S. (2017) True English Career (Why the England Intellectuals of the 17th Century Started to Learn the Nature?). *Sotsiologiya nauki i tekhnologiy – Sociology of Science and Technology*. 8(4). pp. 9–27. (In Russian).
11. Sharov, K.S. (2018) Is the archive alive? The relevance of archival studies in modern world with the instance of Newton's unpublished manuscripts research. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*. 3(1).. pp. 98–119. (In Russian).
12. Westfall, R.S. (1963) Short-Writing and the State of Newton's Conscience, 1662. *Notes and Records of the Royal Society of London*. 18. pp. 10–16. DOI: 10.1098/rsnr.1963.0002
13. Iliffe, R. (2003) Isaac Newton. In: Knox, K. & Noakes, R. (eds) *Lucasian Professors*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 69–134.
14. Iliffe, R. (2017) *Priest of Nature: The Religious Worlds of Isaac Newton*. Oxford: Oxford University press.
15. Lysenko, L.A. (2019) Utilisation of non-Christian sources in Christian ideological parables. *The Beacon: Journal for Studying Ideologies and Mental Dimensions*. 2. 010000000. pp. 1–5.
16. Schilt, K.-J. (2013) “Not fit to be Printed”. *On the Reception of Isaac Newton's Unorthodox Works*. [Online] Available from: <http://www.forbiddenhistories.com/schilt-newton> (Accessed: 6th December 2019).
17. Cohen, I.B. & Smith, G.E. (1995) *Newton: Texts, Backgrounds, Commentaries*. London: W.W. Norton.
18. Gaydenko, P.P. (2018) *Istoriya novoevropeyskoy filosofii v ee svyazi s naukoy* [New European Philosophy History in the Connection with Science]. Moscow: URSS.
19. Gaidenko, P.P. (2006) *Vremya. Dlitel'nost'. Vechnost'* [Time. Duration. Eternity]. Moscow: Progress-Traditsiya.
20. Sharov, K.S. (2019) Isaac Newton: Mathematico-hermeneutic methodology of prophetic exegesis. *Idei i Idealy – Ideas and Ideals*. 11(1/2). pp. 254–273. (In Russian). DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.1.2-254-273
21. Donskikh, O.A. (2019) Horror Zivilisationis, oder Horror der Subjektivität. *The Beacon: Journal for Studying Ideologies and Mental Dimensions*. 2. 020110205. pp. 1–19. HANDLE: 20.500.12656/thebeacon.2.020110205
22. Donskikh, O.A. (2018) Splitting concepts: steps of reflection. *Schole*. 12(2). pp. 402–426. (In Russian). DOI: 10.21267/schole.12.2.06
23. Donskikh, O.A. (2019) Poetry as the beginning of philosophy and science. *Schole*. 13(2). pp. 716–732. (In Russian). DOI: 10.25205/1995-4328-2019-13-2-716-732
24. McGuire, J.E. (1995) *Tradition and Innovation: Newton's Metaphysics of Nature*. Dordrecht: Kluwer.

25. Snobelen, S.D. (2010) The theology of Isaac Newton's Principia Mathematica: A preliminary survey. *Neue Zeitschrift für Systematische Theologie und Religionsphilosophie*. 52. pp. 377–412. DOI: 10.15/NZST.2010.023

26. Force, J. (1990) Newton's God of Dominion: The Unity of Newton's Theological, Scientific, and Political Thought. In: Force, J.E. & Popkin, R.H. (eds) *Essays on the Context, Nature, and Influence of Isaac Newton's Theology (International Archives of the History of Ideas)*. Vol. 128. Dordrecht: Kluwer. pp. 75–102.

27. Snobelen, S.D. (2005) 'The true frame of Nature': Isaac Newton, Heresy, and the Reformation of Natural Philosophy. In: Brooke, J. & Maclean, I. (eds) *Heterodoxy in Early Modern Science and Religion*. Oxford: Oxford University Press. pp. 223–262.

28. Sassin, W. (2018) Transformation of societal consciousness. *The Beacon: Journal for Studying Ideologies and Mental Dimensions*. 1. 010210201. pp. 1–18. HANDLE: 20.500.12656/thebeacon.1.010210201

29. Sassin, W. (2018) Limits of cognition and insight. *The Beacon: Journal for Studying Ideologies and Mental Dimensions*. 1. 010310202. pp. 1–16. HANDLE: 20.500.12656/thebeacon.1.010310202

30. Sassin, W. (2019) Deja Vue? *The Beacon: Journal for Studying Ideologies and Mental Dimensions*. 2. 020210216. pp. 1–22. HANDLE: 20.500.12656/thebeacon.2.020210216

31. Sassin, W. (2019) Er-Schöpfung der Schöpfung, oder Eine neue Kulturstufe in der Entwicklung des homo. *The Beacon: Journal for Studying Ideologies and Mental Dimensions*. 2. 020510203. pp. 1–17. HANDLE: 20.500.12656/thebeacon.2.020510203

32. Donkikh, O.A. (2018) Why did students stop asking questions? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 42. pp. 110–117. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/42/11

33. Donskikh, O.A. (2015) HORROR ZIVILIZATIONIS or the Horror of Subjectivity. *Kul'tura i iskusstvo – Culture and Art*. 1(25). pp. 7–15. (In Russian). DOI: 10.7256/2222-1956.2015.1.13532

О.Ю. Панферова, Е.Л. Мжельская

ГРАФИЧЕСКИЙ РОМАН В РЕПЕРТУАРЕ РОССИЙСКИХ ИЗДАТЕЛЬСТВ

***Аннотация.** В статье обобщается практика российских издательств в формировании репертуара изданий графических романов. Исследование показало активное и успешное развитие ниши графических романов в России. Издатели формируют оригинальный репертуар графических романов зарубежных и российских авторов. Книжные проекты в профильных издательствах имеют тенденцию к устойчивому развитию, сериям уделяют особое внимание. Прослеживаются наиболее успешные проекты в издательствах «Bubble», «Комильфо», «Jellyfish Jam», «Зодиак», «42!», «Комильфо», «АСТ», специализирующихся на графических романах. Расширение данного книжного сегмента происходит непрерывно.*

***Ключевые слова:** графические романы, серийные издания, издательский проект, издательский репертуар.*

Графические романы занимают устойчивые позиции в современной культуре. Отдельные издательства берут на вооружение склонность нового поколения читателей к восприятию именно креолизованного текста, где иконический элемент несет основную идейную, содержательную и конструктивную нагрузку. В связи с этим и сфера художественной литературы также претерпевает изменения: некогда привычные литературные произведения получают новое воплощение в иконическом тексте. В них затрагиваются все более важные и значимые социальные проблемы и приводятся примеры социально одобряемых моделей поведения.

В сложившейся издательской практике можно рассматривать графический роман как особую разновидность комикса, такой тип издания, где иконический текст становится основным средством передачи информации и затрагивает социально важные темы, морально-нравственные вопросы, либо является графической интерпретацией уже существующего литературного произведения. Отдельные писатели зачастую содействуют преобразованию своих произведений

в форму иконического текста. Примерами таких случаев могут служить графические романы по произведениям Джорджа Мартина, Нила Геймана, Стивена Кинга и Кассандры Клэр. Новая форма подачи литературного произведения все больше и больше набирает популярность среди читателей. Издатели, в свою очередь, способствуют становлению и развитию нового типа издания. Например, издательство «Амфора» представило визуальную адаптацию романа Фрэнка Миллера «Город грехов»; «Эксмо» адаптировало роман Нила Геймана «Песочный человек»; «Рипол Классик» сделал иконическую адаптацию сказки Льюиса Кэрролла «Алиса в стране чудес». Количество издательств, в репертуар которых полностью или частично входят графические романы, с каждым годом увеличивается. Крупные универсальные издательства, такие как «Эксмо», «АСТ», «Азбука», открывают специальные редакции, поглощают ранее самостоятельные профильные издательства, специализировавшиеся на данных изданиях. Специализированные издательства постоянно развиваются, привлекая новых авторов и художников, активно включая в свой репертуар оригинальные русские графические романы. В репертуаре неспециализированных редакций появляются графические романы (графические романы-биографии известных людей в издательстве «Бомбора», ранее «Эксмо-нон-фикшн», все еще являющемся частью «Эксмо»).

В нашем случае интерес представляет практика издательств «Амфора», «Bubble», «Комильфо», «Jellyfish Jam», «Zangavag», «Зодиак», «Comix Publisher», «Jellyfish Jam», «Бумкнига», «Комильфо» как импринт Холдинга «Эксмо-АСТ». Рассмотрим деятельность некоторых издательств.

В настоящее время «Bubble» динамично развивает нишу графических романов, в основном специализируясь на подготовке серий с собственными героями и мирами [1]. В основу формирования издательского репертуара были положены серии «Бесобой», «Инок», «Красная Фурия», «Метеора» и «Экслибриум», «Крутиксы» – серия детских графических историй. Некоторые серии с течением времени получают новое название, например «Бесобой» получает подзаголовок «2017»; «Майор Гром» продолжается новой серией «Игорь Гром»; серия «Инок» перевоплощается в «Мироходцы»; «Красная Фурия» получает развитие в серии «Союзники». В репертуаре изда-

тельства есть отдельные издательские проекты, не относящиеся к серии: English editions, куда входят переводы русских серий комиксов на английский язык. Графические романы данной линейки выходят и презентуются обычно на New York Comic Con. В 2015 г. было создано отдельное направление «Bubble Visions», цель которого – публиковать произведения отечественных авторов. В 2019 г. вселенные Bubble начали расширяться, появился проект «Новые герои Bubble», который, тем не менее, имеет на обложке пометку «Легенды Bubble». Проект выполняется молодыми авторами и художниками, ранее не работавшими в издательстве. В настоящее время выпущены три сингла серий: «Сестра», «Сокол» и «Плюшевый полицейский». В год выходит порядка 20 наименований, тираж варьируется от 3 до 4 тысяч экземпляров. Следует отметить, что репертуар данного издательства составляют только русские графические романы с оригинальным сюжетом, которые также адаптируются для американского книжного рынка самим издателем.

Издательство «Zangavar» формирует свой репертуар из графических романов по классическим произведениям [2]. Известность издательству принесли издательские проекты по книгам Туве Янсон, Чарльза Монро, Мёбиус, Винзора МакКейя. Издательский репертуар 2015 года составили проекты Серджио Топпи «Коллекционер», две книги о приключениях Снупи Чарльза Монро Шульца «Ночь была темная и ненастная» и «Эта собачья жизнь», «Мир не тесен, Чарли Браун» и «Шараз-де» Топпи. В 2016 г. снова было выпущено три графических романа: «Герметический гараж» Мёбиуса в двух вариантах, сборник из цикла «Кальвин и Хоббс» Била Уотерсона «Кальвин и Хоббс. Здесь повсюду сокровища!». В 2017 г. в издательстве вышли два издания графических романов: «Падающая Девочка» Бенуа Петерса и пятый том полного собрания историй о Муми-Троллях в виде графических романов в пяти томах.

За 2018 г. издательством было выпущено три проекта: сборник из цикла «Кальвин и Хоббс» Била Уотерсона «Кальвин и Хоббс. Убийственный психо-джунглевый кот», графический роман из цикла «Тайные города» Бенуа Петерса «Теория песчинки» и трилогия «Никополь» в одном томе Энки Билал.

Развивается издательство в трех ключевых направлениях: супергеройские комиксы, манга и авторские комиксы. Помимо комиксов, в издательстве выходят иллюстрированные книжки. Большое внимание при подготовке изданий уделяется не только художественной части, но и подготовке текста. В целом издания высококачественные и достаточно дорогие. Издательство широко известно и на данный момент является одним из немногих, выпускающих классические комиксы в нашей стране. Количество изданий, выпускаемых издательством «Zangavar» в год, достаточно невелико и составляет в среднем 3–5 издания. Тираж составляет, как правило, 1 000 экземпляров.

В издательстве «Comix Publisher» бóльшая часть графических романов выпускается в электронном виде, некоторые из которых позже приобретают бумажное воплощение [3]. В 2017 г. в свет вышли следующие проекты: «Freak Hospital» Акема, «Надежда человечества», «Розовый слон. Детективная история», «Писатели и революция», «Замкадыши», «Райтеры». В 2018 г. издательство выпустило как в бумажном, так и в электронном варианте тридцать один графический роман, в частности: продолжение цикла «Freak Hospital» Акема; вторую часть графического романа «Тайная книга» А. Алешина, первая часть которой вышла в 2017 г., второй том цикла «Райтеры», сборник стрипов «4 пары. Факультет дворников», автор Е. Федотов, первый том графического романа «Смог» Кэтрин Рэй, «В тишине» Элли Форелли и т.д. В начале 2019 г. издательство планирует выпустить в бумажном виде следующие издания прошлого года, которые ранее были доступны только в электронном варианте: «Белая магия vs Черная магия» (автор Кураи Тао); «Червоточина. Кусок 1» (автор Т. Титова).

При формировании репертуара графических романов и комиксов редакция Comix Publisher стремится, чтобы каждая книга имела индивидуальную стилистику.

Издательство работает более чем с 50 художниками комиксов, такими как Аскольд Акишин, Александр Ерёмин, Варвара Леднёва, Олеся Холодчук, Евгений Федотов, Мария Конопатова и т.д. Тираж варьируется достаточно сильно и может составлять от 20 до 2 000 экземпляров, в зависимости от особенностей проекта и его последующих рейтингов.

Деятельность издательства «Зодиак» ориентируется на выпуск историй о мирах Марвел, Человека-паука, а также комиксов «Совре-

менные мстители», «Современные люди Икс» [4]. В целом все книги выходят в обложке и ориентированы на подростков. Традицией в репертуарной политике можно назвать составление сборников отдельных изданий из произведений, входящих ранее в разные серии. Таков, например, сборник Роберта Киркмана и Марка Миллара «Марвел Зомби. Дни мертвецов», составленный в результате объединения произведений серий «Современная фантастическая четвёрка», «Чёрная пантера» и «Marvel zombies: dead days», а также одноименные с сериями сборники «Современные мстители. Следующее поколение» (автор Марк Миллар) по серии «Современные мстители» и «Современные Росомаха против Халка» (автор Дэймон Линделоф) по серии «Росомаха против Халка».

Издательство «Jellyfish Jam» позиционирует себя как молодое и амбициозное, его основной целью является развитие и укрепление позиций на российском рынке комиксов. Сейчас русские графические романы с оригинальным сюжетом составляют основу репертуарной политики [5]. Это серии «Громовержцы», «Королевы крыс», «Лунный рыцарь», «Люди Икс», «Молодые Мстители», «Мстители», «Новые Мстители», «Реактивный Енот», «Стражи Галактики», «Человек-муравей», «Эра Альтрона» и др. Включены в репертуар романы-лицензии по вселенной «Marvel».

Каждый год издательство готовит по несколько книг каждой серии, что составляет до 28 наименований в год; тираж каждого проекта обычно превышает 5 тыс. экз. Надо отметить, что в издательстве «Jellyfish Jam» нет серий, выпуск которых прекращен или заморожен на данный момент. Данное издательство является стабильно развивающимся и занимает достаточно прочное положение на книжном рынке в своей нише.

Примечательным является деятельность издательства «Бумкнига» [6]. Его издательская стратегия направлена на закрепление в данной нише романов зарубежных и российских авторов: «Помогите найти фильм» Эльдара Кархалева, «Странник» Анны Рахманенко, «Terra Incognita» Аскольд Акишин, «Хармсинада» Алексея Никитина и «Полуночная земля» Юлии Никитиной, «Я – слон!» Владимира Рудака и Лены Ужиновой (издание включили в каталог лучших детских и подростковых книг мюнхенской юношеской библиотеки «Белые вороны»); «Одеяла» Крейга Томпсона; «На пути к компостелу» Джей-

сона, «Старшая Школа» Андерса Н. Кваммен. Переизданы «Овраги. Девять дней в Санкт-Петербурге» Филиппа Жирара, «Персеполис» Маржана Сатрапи и Туве Янссон «Муми-тролль и конец света», «Лунный коп» Тома Голда, «Киндерланд» Мавилла, одного из самых популярных сейчас немецких авторов; книга новозеландского автора Дилана Хоррокса «Сэм Забель и волшебное перо»; «Дамы-драмы» Анны Зоммер. Данное издательство активно выпускает графические романы французских авторов: Жоанн Сфар, Имманюэль Гибер, Маржан Сатрапи и т.д., за что удостоивалась наград за продвижение французской культуры от посольства Франции. Помимо французских авторов, издательство активно издает русских: Аскольд Акишин, Виктор Миламед, Юлия Никитина и т.д. Выпускаются также итальянские графические романы о Корто Мальтезе, графические романы знаменитого Шотландского иллюстратора Тома Голда и много другое. На примере издания графического репортажа «Палестина» Джо Сакко можно отметить расширение жанровой палитры.

Успех графических романов издательства «Бумкнига» закрепляется театральными постановками. Спектакли по отдельным романам показали на сцене в рамках режиссерской лаборатории «Театр.Ком» на XV Всероссийском фестивале театрального искусства для детей «Арлекин». Сейчас постановка комикса Марии и Мигеля Гаярдо «Мария и я» идет в ТЮЗе Хабаровска. Весь год издательство активно занималось продвижением в Сибири своей продукции, были представлены книги на фестивалях и ярмарках в Тюмени, Новосибирске, Тобольске и Красноярске. Вместе с партнерами привозили в Россию наших великолепных авторов: Олега Тищенко, Тома Голда, Брехта Эвенса, Андерса Кваммена и Томаса Отта.

Обобщая деятельность издательства «Бумкнига» следует сказать, что в издательском репертуаре присутствует достаточно много французских графических романов. Стабильно продолжают выходить издательские проекты о Корто Мальтезе, персонаже, являющемся знаковым для графического романа в Италии, также продолжает выходить французская серия «Ариоль», являющаяся совместным проектом с издательством «Самокат». В репертуаре неизменно присутствует Том Голд. В целом издательство нацелено не только на выпуск графического романа как такового, но и на его популяризацию и воплощение в других направлениях искусства, не только в книжной сфере, о чем

свидетельствует сотрудничество с театрами. Наиболее значимыми можно назвать проекты, за которые издательство неоднократно получало награды: Том Голд «Готовим с Кафкой»; два графических романа французского автора из серии «Ариоль» Иммануэля Гибера «Ариоль. Лучший в мире поросенок» и «Ариоль. Телячьи нежности»; французский графический роман Рида Сатуффа «Араб будущего. Детство на Ближнем Востоке (1978–1984)»; Элисон Бекдел «Веселый Дом. Трагикомедия»; итальянский графический роман Уго Пратта о Корто Мальтезе «Корто Мальтезе. Сибирь» в двух вариантах; Томас Отт «Номер 73304-23-4153-6-96-8»; графический роман итальянского художника Джипи «Однастория»; «Маленький принц» Жоанна Сфара; «Цыпленок с черносливом» Маржана Сатрапи. Были переизданы: «Лунный коп» Тома Голда; «Полуночная Земля» Юлии Никитиной; «Хармсиниада: комикс из жизни писателей» Алексея Никитина; набор открыток Тома Голда «15 открыток для любителей книг». В 2017 г. издательство «Бумкнига» выступило продюсером проекта рисованных историй Варвары Помидор и Дарьи Агаповой «Царица тюльпанов» – это первый музейный графический роман, основанный на коллекции Эрмитажа. В 2018 г. издано 14 новых книг, 4 переиздания.

В репертуаре графических романов издательства «Азбука» прежде всего следует выделить его основные направления: графические романы по вселенной «DC», по литературным произведениям, авторские графические романы [7]. Надо сказать, что выпуск линеек «DC» достаточно хаотичен; некоторые линейки «классических» графических романов с такими героями, как Флеш, Супермен, Бэтмен, выпускаются не регулярно. Таковы, например, серии «New52», «DC. Rebirth», «Бэтмен», «Лига справедливости», «Аквамен». В тематическом плане по данным направлениям издательства наблюдаются проблемы с наполнением названных книжных линеек: отдельные наполняются с нарушением последовательности номеров, отдельные выпуски переходят из серии в серию.

Авторских графических романов на данный момент несколько наименований: «Хранители» Алана Мурра и Дейва Гиббонса, а также две части «Хранители. Начало»; книги «Валериан» (по ним была снята одноименная экранизация); 6 томов серии «Сказки» или «Fables» в оригинальной версии; три тома «Mortal Kombat X» (серии по знаменитому файтингу); графический роман «Скульптор» Скотта Мак-

Клауда; «Смертельная красота» и «Malefic time» Луиса Рио; «Книга, найденная в кувшине» Светланы Дорошевой; «Львы Багдада» Брайана Вона; «V – значит Вендетта» Алана Мура; «У Последний мужчина» 5 книг; «Блэксэд» Каналес Диас, 2 книги.

Что касается графических романов по литературным произведениям, то «Азбука» выпускает креолизованную адаптацию романов преимущественно Нила Геймана: «Звездная пыль», «Песочный человек» 8 книг, «Книга магии», «Смерть. Цена жизни. Время жизни». Рассматривая ситуацию с выпуском графических романов в данной репертуарной нише, можно проследить следующие негативные стороны: 31 декабря 2015 г. было анонсировано начало выхода истории «Трансметрополитен», но выпуск не состоялся. В конце 2016 г. было объявлено, что 3-й том «Блэксэд» и 4-й том «Супермен / Бэтмен» будут выпущены в 2017 г., выпуск так и не состоялся. И судя по отсутствию какой-либо информации о подготовке их к изданию, обе линейки больше выпускаться не будут. В начале 2017 г. было анонсировано издание «Призрак в доспехах» – также выпуск не состоялся. Таким образом, по основному издательскому направлению в нише графического романа книги выходят непоследовательно. Издатели часто делают «пустые» анонсы, вводя читателей в заблуждение. Иногда издательство не заканчивает уже начатые линейки без объяснения причин. А если учесть ошибки, которые можно найти в изданиях как на уровне макета, так и на уровне работы редакторов, можно сказать, что основной целью издательства является присутствие в данной нише, а не высокий уровень культуры книжного издания.

Издательство «Эксмо» является одним из самых крупных универсальных издательств в нашей стране и одним из немногих, попадающих в мировые рейтинги. Сейчас «Эксмо» можно считать почти монополистом в российской книжной индустрии. Издательство присутствует во всех тематических и видовых нишах книжного рынка [8]. В разработке находятся серии и направления, в рамках которых выпускаются графические романы: «Современная классика»; «Фантастические вселенные»; «Кино»; «Комиксы про жизнь»; «Детские комиксы»; «БиоГРАФИЧЕСКИЙ роман»; «Regular Show. Обычные книги»; «Современная классика»; «Коллекционное издание»; «Дэдпул. Избранное»; «Комильфо. Ходячие мертвецы»; «Легенды Марвел»; «Комильфо. Скотт Пилигрим и другие»; «Человек-Паук. Избранное»;

«Дэдпул уничтожает...»; «Классика Marvel»; «Карнаж»; «Великие ученые в комиксах»; «Удивительный Человек-Паук. Мировой уровень»; «Комильфо. Время Приключений»; «Комильфо. Разное»; «Совершенный Человек-Паук»; «Новая Вселенная Супергероев»; «Комильфо. Рик и Морти»; «Комильфо. Подростки Мутанты Ниндзя Черепашки»; «Комиксы Сары Андерсен»; «Дэдпул классический» и др. Всего насчитывается 32 серии, в каждой серии может быть от одной до двадцати трех книг. Каждая серия получает свое название исходя из тематики графических романов, входящих в нее.

Серия «Современная классика» – это коллекция графических романов от мировых авторов с альтернативными обложками и арт-концепциями. За последнее время в серии вышло 19 книг современных авторов, не относящихся к вселенной «Marvel». Книги серии содержат полностью оригинальные авторские сюжеты таких авторов, как Гарт Энис, Грант Моррисон, Скотт Снайдер, Джо Хилл, Джереми Хон, Уильям Гибсон и др. В 2017 г. были выпущены «Архангел» Уильяма Гибсона; «Императрица. Книга 1» Марка Миллара, Стюарта Иммонена, Уэйда фон Граубэнджера, Иве Сворцина; «Мечтают ли андроиды об электроовцах?» Филлипа К. Дика и Тони Паркера Блонда; «Прелесть» первая и вторая книги Джереми Хон, Джейсон А. Хёрли, Джон Роч; два графических романа о Дирке Джентли и первый том «Токийского призрака» Ремендера, Мерфи и Холлингсворта. В 2018 г. были изданы: «Клаус» Гранта Моррисона и Дэна Мора; два тома «The Boys: Пацаны» Гарта Энниса и Дэрика Робертсона; два тома «Ключи Локков» Джо Хилла и Габриэля Родригеса; два тома «Деревьев» Уоррена Эллиса и Джейсона Говарда; «П.С. После смерти» Скотта Снайдера и Джеффа Лемира; второй том «Токийского призрака» Ремендера, Мерфи и Холлингсворта; «Метабароны» Алехандро Ходаровски и Хуана Хименеса.

Серия «Фантастические вселенные» целиком посвящена вселенной «Star Trek». В 2016 г. было выпущено два графических романа с отдельными сюжетами: «Нерон» и «Обратный отсчет» Джея Джея Абрамса. В 2017 г. были выпущены четыре тома по основной сюжетной линии данных графических романов.

Серия «Кино» включает в себя 23 книги по вселенной «Marvel». В 2016 г. в данной серии в свет вышли всего две книги: «Агенты ЩИТ» первый том и «Мистик» первый том. В 2017 г. в рамках дан-

ной серии было выпущено 12 книг: все три тома истории «Гамбит»; со второго по четвертый тома истории «Мистик» Брайана Вона; первые тома историй «Защитники», «Щит» и «Черная пантера»; кроссовер «Дэдпул против Гамбита» и второй том истории «Агенты ЩИТ» Марка Гуггенхайма и Германа Перальта.

В 2018 г. было выпущено 8 изданий в данной серии: полное подарочное издание графического романа «Каратель», содержащее все тома, которые отдельно до этого не выпускались, авторы: Эдмондсон, Герадс, Ното, Моритат, Маурэр, Карнеро, Шуновер; полное подарочное издание графического романа «Гамбит», содержащее все ранее вышедшие три тома, авторы: Асмус, Манн, Кирк, Невес, Баррионуэво, Ферри, Тан, Фам; первый том «Алой ведьмы», примечательно, что все остальные тома выходят в одном подарочном издании в переплете уже в 2019 г.; третий и второй том истории «Черная пантера», авторы: Та-Нахаси Коатс, Стелфриз, Спраус, Мартин; «Щит: секретная история» Мэтью Розенберга; второй том «Защитников»; второй том истории «Щит», авторы: Уэйд, Смолвуд, Медина, Фергюсон, Шейнер, Беннетт, Чайкин.

Серия «БиОГРАФИЧЕСКИЙ роман» включает следующие книги, вышедшие в 2018 г.: «Дэвид Боуи. Биография в комиксах» Марии Хессе, Франса Руиса; «Пятый Битл. Графический роман» Вивека Дж. Тивари; «Курт Кобейн. Графический роман» Данило Денинотти; «Фрида Кало. Биография в комиксах» Марии Хессе; «Франц Кафка. Графический роман», автор Дэвид Зейн Майровиц.

В серии «Бизнес в комиксах» на момент проведения анализа было выпущено 12 изданий. В 2017 г. в свет вышли: «Экономика в комиксах» Дэвида Оррелла и Борина Ван Лоона; «Биткоин. Графический роман о криптовалюте», авторы: Алекс Преукшат, Жозеп Бускет, Арес Хосе Анхель; «Капитализм в комиксах. История экономики от Смита до Фукуямы» Дэна Крайна, Шарона Шатилия.

В 2018 г. вышли: «Статистика в комиксах» Эйлин Магнелло и Борина Ван Лоона; «Искусственный интеллект в комиксах» Генри Брайтона и Говарда Селина; «Теория игр в комиксах»; «“Капитал” Маркса в комиксах».

На 2019 г. было запланировано пять изданий: «“Государь” Макиавелли в комиксах» Шейна Клестера; «Стив Джобс. Религия черной водолазки» Калеба Мелби; «Время в комиксах» Крейга Каллендера,

Ральфа Идни; «Джек Дорси: как создавался Twitter» Генри Брайтона, Говарда Селины; «Female Force: Шерил Сэндберг, операционный директор Facebook».

Серия «Regular Show. Обычные книги» включает в себя пять выпусков графического романа «Обычный мультик», четыре из которых были выпущены в 2018 г., а пятый – в 2019 г.

Серия «Классика в комиксах» на момент проведения анализа включает 9 изданий: адаптацию романов «Великий Гетсби» и «Гордость и предубеждение» Элизы Гаттер «Великий Кэтсби» и «Мопсы и предубеждение»; «Человек-невидимка» по роману Герберта Уэллса; «Собор Парижской Богоматери» Виктора Гюго; «Вокруг света за 80 дней» Жюль Верна; «Робинзон Крузо» Даниэля Дефо; «Остров сокровищ» Роберта Льюиса Стивенсона, «Ужас Данвича» Г.Ф. Лавкрафта которые вышли в 2018 г. А также графическую адаптацию романа «Дракула» Брэма Стокера, вышедшую в 2017 г.

Серия «Великие ученые в комиксах» включает 5 книг Хорди Баярри: «Исаак Ньютон. Гравитация в действии», «Чарльз Дарвин. Теория эволюции», вышедшие в 2017 г.; «Аристотель. Жаждающий знаний», «Мария Кюри. Радиоактивность», «Галилео Галилей. Посланник звезд» в 2018 г.

Серия «Новая Вселенная Супергероев» содержит одну книгу: «Безнадежный» Марка Уэйда и Питера Краузе, опубликованную в 2018 г.

Более гармонично в данной серии смотрятся книги Хорди Баярри о великих ученых. Однако следует отметить, что серия преимущественно состоит из графических романов по сюжету диснеевских мультфильмов и ориентирована в основном на младших школьников.

В рамках Редакции № 1 с импринтом «Комильфо» в репертуаре издательства «Эксмо» были созданы серии: «Ходячие мертвецы», «Рик и Морти», «Время приключений», «Разное», «Комиксы по мотивам мультсериалов», «Альтернативные комиксы-1», «Альтернативные комиксы-2», «Подростки Мутанты Ниндзя Черепашки», «Комиксы русских авторов», «Скотт Пилигрим» и др. [9]. Все данные серии имеют в своем названии также слово «Комильфо», однако нужно отметить, что некоторые графические романы, выпущенные «Комильфо» или же планируемые к выпуску, не получили подобных отдельных серий, а были включены в состав других серий, не имеющих слова «Комильфо» в начале. Это следующие девять серий: «Человек-

Паук. Избранное»; «Герои Marvel»; «Дэдпул уничтожает»; «Карнаж»; «Совершенный Человек-Паук»; «Классика Marvel»; «Удивительный Человек-Паук»; «Дэдпул. Избранное»; «Дэдпул классический».

Почти все серии, так или иначе связанные со вселенной «Marvel», за исключением серии «Кино», были созданы на основе графических романов, выпускаемых под импринтом «Комильфо». Графические романы из серии «Кино» выпускаются «FanZone», также принадлежащей холдингу «Эксмо-АСТ». А слово «Комильфо» вошло в состав названий только тех серий, которые не имеют отношения к вселенной «Marvel». В рамках вышеназванных серий репертуар издательства «Эксмо» пополнился 20 наименованиями. Всего на данный момент в репертуаре издательства представлено 43 наименования.

Из репертуара издательства «Комильфо» в общей сложности в издательстве «Эксмо» было сформировано 19 серий. Из них в сериях, не имеющих отношения к вселенной «Marvel», насчитывается 43 наименования. Репертуар издательства «Комильфо», за счет его включения в состав Редакции № 1, на момент проведения анализа пополнился 63 наименованиями.

Издательские проекты вне серий: романы о Докторе Стренже, Вижене, Гвен Стейси, Черной Вдове, Женщине-Халке, Призрачном гонщике, Хоукае, Джессике Джонс, Сорвиголове, Электре, Агенте «Гидры», в общей сложности – чуть меньше ста наименований. Сейчас трудно сказать, будут ли данные издания перевыпускаться в рамках «Комильфо» как части издательства «Эксмо», но их перевыпуск или же допечатка дополнительных тиражей, с учетом того что тиражи многих наименований на данный момент уже распроданы, также могли бы существенно расширить сферу влияния холдинга «Эксмо-АСТ» в нише графических романов на книжном рынке, хоть это и будет связано с немалыми дополнительными затратами. Реализация подобного плана могла бы раскрыть потенциал данного направления в гораздо большей степени, увеличив сферу влияния «Эксмо».

В целом в репертуаре графических романов издательства «Эксмо», а также их импринта «Комильфо», можно выделить ряд особенностей: количество серий увеличилось почти в 3 раза, составив 33 серии (после вхождения «Комильфо» в состав Редакции № 1); непоследовательный выпуск книг в определенных сериях; отмена выпуска отдельных книг серии без объяснения причин; расширение репертуара

графических романов по вселенной «Marvel» в «Эксмо» за счет включения в него изданий «Комильфо». С точки зрения охвата читательской аудитории и тематики репертуар графических романов холдинга «Эксмо-АСТ» достаточно обширен и в будущем будет продолжать увеличиваться, что позволит издательству еще больше упрочить свое положение в данной рыночной нише.

При изучении издательских проектов в специализированных издательствах выявлены профессиональный подход к подготовке изданий, «элитарность» изданий, универсальные издательства достаточно часто делают ставку на серийный мейнстрим. Однако за счет большого количества одновременных проектов качество изданий порой снижается, тогда как в некрупных издательствах, специализирующихся на графических романах, отбор проектов более строгий, и каждый проект прорабатывается более тщательно, можно найти больше уникальных или нестандартных проектов. Здесь стоит вспомнить издательские проекты «Новые герои Bubble», «BUBBLE Visions» (издательство «Bubble»), «Коллекционер», «Кальвин и Хоббс» (издательство «Zangavar»), «Марвел Зомби. Дни мертвецов», «Современные мстители» (издательство «Зодиак»), серии книг «Лунный рыцарь», «Реактивный енот», «Стражи галактики» (издательство «Jellyfish Jam»).

Вместе с тем можно отметить высокое качество изданий в тех проектах, где за счет меньшего количества на каждый из них может быть выделено больше времени и средств. Графические романы за счет этого выглядят более оригинально. Обычно подарочные издательские проекты проработаны лучше: издатели размещают несколько томов в футлярах, отдельные книги оформлены суперобложками, используют форматы 60×84/8 и 84×108/16 (например, серии «Графические романы. Коллекционное издание», «Классика Марвел», комплекты «Бетмен. Год первый», «Джокер», «Марвел: избранное»).

Меньше можно найти бракованных экземпляров, в том числе и с ошибками при верстке или же пропущенным типографским браком; «забытых», ложно анонсированных или же не оконченных проектов в специализированных издательствах гораздо меньше, чем в универсальных издательствах, либо нет вообще; разброс тиражей достаточно широк и достаточно часто зависит от особенностей проекта, известности автора, особенностей издания, а также направленности издательства. Наибольший тираж в издательстве «Comix

Publisher» (от 20 тыс. до 2 тыс. экземпляров), наименьший – в «Jellyfish Jam» (5 тыс. экземпляров у каждого издания).

Обзор сегмента графических романов показал, что наряду с американскими и российскими графическими романами в нашей стране также выходят французские, итальянские, скандинавские и японские графические романы. Доля выпуска авторских графических романов в репертуаре российских специализированных издательствах с каждым годом увеличивается.

Если говорить об уровне культуры изданий в издательстве «Комильфо» как части «Эксмо», в структуре репертуара наблюдается некоторая сумбурность и непродуманность в формировании серий. Издательские проекты пополняются достаточно регулярно, но количество наименований в сериях может сильно различаться, что в целом оправдывается степенью развитости серии на момент проведения анализа. Тиражи изданий стабильно составляют от 3 до 5 тыс. экземпляров. В репертуаре нередко возникают «заброшенные» серии. Наблюдается последовательное расширение объема графических романов в тематическом плане и повышение качества выпускаемых изданий.

Обобщая результаты исследования репертуарной политики издательств, выпускающих графические романы, можно утверждать, что данный тип издания сейчас активно и успешно развивается. Объем выпускаемых в год изданий в профильных издательствах, как правило, невелик по сравнению с крупными универсальными издательствами, проекты в специализированных издательствах проходят более тщательную подготовку. Репертуар графических романов зарубежных авторов обычно является уникальным для определенного издательства. Проекты в профильных издательствах не «замораживаются». Российские авторы обычно работают с одним конкретным издательством, достаточно редко меняя его.

В универсальных издательствах – множество отмененных и закрытых проектов, тогда как профильные издательства, как правило, все проекты завершают или же количество незавершенных проектов минимально. Вместе с тем все издательства имеют четкий принцип развития своего репертуара, при этом отбор проектов в профильных издательствах более продуманный и каждому направлению и серии уделяется больше внимания. Также следует отметить, что издательство «Эксмо» на момент проведения анализа не только существенно

расширило тематический план в нише исследуемых изданий, но также повысило качество выпускаемых изданий. За счет присоединения издательства «Комильфо» доля в нише графических романов у холдинга «Эксмо-АСТ» будет постепенно увеличиваться, также как его конкурентоспособность, однако роль профильных издательств по-прежнему будет крайне высока на рынке, как и доля в рыночной нише, за счет преимуществ, упомянутых выше. Графические романы в современном обществе и на современном книжном рынке с каждым годом играют все более важную роль и в перспективе, возможно, сравняются по значимости с классическими книжными изданиями.

Литература

1. Официальный сайт издательства «Bubble». URL: <https://bubble.ru/> (дата обращения: 03.06.2019).
2. Официальный сайт проекта «Год литературы». URL: <https://godliterature.ru/projects/komiks-yavlyaetsya-universalnym-zhanr> (дата обращения: 20.06.2019).
3. Официальная группа издательства «Комикспаблицер» в сети «В Контакте». URL: <https://vk.com/comicspublisher> (дата обращения: 01.03.2019).
4. Информационный портал «Лаборатория фантастики». URL: <https://fantlab.ru/> (дата обращения: 04.06.2019).
5. Сообщество в сети «В Контакте» издательства «Jellyfish Jam». URL: <https://vk.com/jellyfishjam> (дата обращения: 23.12.2018).
6. Официальный сайт издательства «Бумкнига». URL: <https://boomkniga.ru/> (дата обращения: 29.12.2018).
7. Официальный сайт издательства «Азбука». URL: <https://azbooka.ru/catalog/komiksy-abdc59bc> (дата обращения: 30.05.2019).
8. Официальный сайт журнала «Книжная индустрия». URL: <http://www.bookind.ru/events/7083/> (дата обращения: 01.05.2019).
9. Официальный сайт издательства «Комильфо». URL: <http://www.komilfobook.ru/> (дата обращения: 03.05.2019).

Graphic Novels in the Repertoire of Modern Russian Publishers

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2020, 24, pp. 156–172

DOI: 10.17223/23062061/24/8

Olga Yu. Panferova, Ballet magazine (Moscow, Russian Federation). E-mail: olgap223@gmail.com

Elena L. Mzhelskaya, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: fotoreddocent@yandex.com

Keywords: graphic novels, serial publications, publishing project, publishing repertoire.

The article summarizes the practice of Russian publishers in the formation of the repertoire of graphic novels. In the modern world, visual perception of information is becoming an increasingly common way of obtaining and processing information. Graphic novels are forming an important part of contemporary culture in general and literature in particular, occupying a larger niche in the contemporary literary market. Publishers are trying to meet the needs of readers and include more and more series with graphic novels in their repertoire. The most successful projects in the publishing houses Bubble, Jellyfish Jam, Zodiac, 42!, Komil'fo, AST, specializing in graphic novels, are analyzed. The expansion of this book segment is continuous and quite fast. Summarizing the repertoire policy of Russian publishers, it can be asserted that graphic novels come to play an increasingly important role in modern society and in the modern book market, and they will be equal in importance to classical book editions in the future. Every year the number of graphic novels by Russian authors in the book market is growing. The repertoire of Russian publishers engaged in the production of graphic novels is quite diverse. Specialized publishers pay more attention to the projects produced, due to which there are fewer errors in the production of graphic novels in these publishers. The number of publications produced per year in specialized publishing houses is small, compared with large universal publishers. Projects of specialized publishers are more carefully selected, are often original or little-known in Russia. Each project of graphic novels by foreign authors is unique for a certain publishing house, and is not released in other publishing houses. The spread of circulations in specialized publishing houses is quite wide and often depends on the features of the project, the author's fame, the features of the publication, as well as the niche of the publishing house. Large universal publishers mainly focus on graphic novels of widespread popularity, as a rule, within the Marvel, DC universes. All publishers considered in the study have a clear principle of development of their repertoire; in specialized publishers, the selection of projects is much more thoughtful, and each project is given more attention.

References

1. *The Bubble Publishing House*. Official website. [Online] Available from: <https://bubble.ru/> (Accessed: 3rd June 2019).
2. *"The Year of Literature" Project*. Official website. [Online] Available from: <https://godliteratury.ru/projects/komiks-yavlyaetsya-universalnym-zhanr> (Accessed: 20th June 2019).
3. *Komikspublisher*. The official group of the publishing house in "VKontakte". [Online] Available from: <https://vk.com/comicspublisher> (Accessed: 1st March 2019).
4. *Laboratoriya fantastiki* [Science Fiction Laboratory]. Information portal. [Online] Available from: <https://fantlab.ru/> (Accessed: 4th June 2019).
5. *Jellyfish Jam Publishing House*. Community on the VKontakte network. [Online] Available from: <https://vk.com/jellyfishjam> (Accessed: 23rd December 2018).
6. *Bumkniga Publishing House*. Official website. [Online] Available from: <https://boomkniga.ru/> (Accessed: 29th December 2018).

7. *Azbuka Publishing House*. Official website. [Online] Available from: <https://azbooka.ru/catalog/komiksy-abdc59bc> (Accessed: 30th May 2019).

8. *Knizhnaya industriya*. Official website of the magazine. [Online] Available from: <http://www.bookind.ru/events/7083/> (Accessed: 1st May 2019).

9. *Komil'fo Publishing House*. Official website [Online] Available from: <http://www.komilfobook.ru/> (Accessed: 3rd May 2019).

П.П. Жолнерович

РЕДАКТИРОВАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

Аннотация. Проблемы терминологического характера, относящиеся к редактированию как к области научного знания, сфере практической деятельности и учебной дисциплине, возникают вследствие комплексности данного понятия. Цель исследования – выявление дефиниций, которые претендуют на роль термина и в которых обнаруживаются противоречивые утверждения. В результате проведенного исследования констатируется невозможность отнесения редактирования как сферы научного знания только к издательскому делу или филологии, предлагается авторская дефиниция редактирования, вводится в научный оборот терминологическое сочетание «история редактирования», доказываются необоснованность замены «редактирования» и «редакторского анализа» такими понятиями, как «текстовая деятельность» и «критика речи» соответственно.

Ключевые слова: редактирование, виды редактирования, литературное редактирование (*copyediting*), история редактирования, текстовая деятельность, критика речи.

Редактирование можно рассматривать в своеобразном триединстве: область научного знания, сфера практической деятельности и учебная дисциплина. В российском научном дискурсе теоретические аспекты редактирования разрабатываются на протяжении последних семидесяти лет, со времени издания учебных пособий К.И. Былинского для факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. Терминологический аппарат редактирования совершенствовался в 1960–1980-е гг., приобретал более упорядоченный характер (исследования Д.Э. Розенталя, Н.М. Сикорского, А.Э. Мильчина, К.М. Накоряковой, И.Б. Голуб и др.), разрастался в связи с развитием научного знания и возникновением новых сфер применения, пополнялся актуальными разработками в союзных республиках бывшего СССР.

Сегодня в основном четко очерчены две основные области человеческой деятельности, в которых редактирование заняло прочное ме-

сто, – издательское дело и журналистика. Информационный взрыв конца XX – начала XXI в. вызвал скачкообразное возрастание количества окружающих человека текстов и, соответственно, потребность в их анализе и правке (при необходимости) перед опубликованием, т.е. именно многообразие текстов – носителей информации стало двигателем дальнейшего развития редактирования как комплекса применения интеллектуальных усилий специалиста. Изменения в общественных отношениях, возникновение ответвлений редактирования (в применении к деятельности референтской, сервисной, рекламной, связей с общественностью и др.), пополнение научного дискурса филологическими изысканиями западных ученых создали предпосылки для нового подхода к редактированию.

Терминологическая неупорядоченность для сферы научного знания вызывает наличие ожидаемых противоречий в учебных программах дисциплины в высших учебных заведениях, что не может не беспокоить как преподавателей, так и работодателей. Книгоиздательская деятельность в настоящее время становится дополнительным средством финансовой устойчивости средств массовой коммуникации, вследствие чего наличие квалифицированного редактора, ориентирующегося во всех нюансах редактирования, является насущной потребностью. Однако с самого начала в теоретических разработках по редактированию существовали термины и терминологические сочетания, дефиниция которых оставалась малоразличимой. Не случайно К.М. Накорякова отмечает: «Сегодня название курса “Литературное редактирование” представляется скорее традиционным, нежели точным» [1. С. 8]. Но речь ведь идет не только о названии курса, но и о именовании вида человеческой деятельности, четко привязанного к работе с текстом, к процессу коммуникации, адекватному восприятию реципиентом сообщения продуцента и его прагматической установки.

Редактирование традиционно включается в книговедение как комплексную науку о книге, изучающую процессы ее создания и функционирования, а более узко – в комплекс наук об издательском деле, связанных с «подготовкой, тиражированием и распространением книг, а также изданий других типов (журналов, газет, альбомов, нот, географических карт и др.)» [2]. Именно комплексность книговедения и издательского дела предопределяет наличие у редактирования многих связей, так как «редактирование рукописи представляет собой

работу в первую очередь с ее текстом, содержанием» [3. С. 87]. Поэтому связи редактирования не ограничиваются книговедческими, а распространяются на филологические (литературоведческие и лингвистические), органически вытекающие из необходимости работать с текстом.

Книгоиздание XXI в. претерпевает существенные изменения, связанные с внедрением информационно-коммуникационных технологий и переходом экономики на пятый технологический уклад: активно идет выпуск электронных изданий, печатные книги снабжаются мультимедийными приложениями, используются технологии дополненной реальности. В.И. Ивченков констатирует: «Издательства, у которых не будет своей аппаратной и мультимедийной базы, не смогут быть конкурентоспособными, так как им будет сложно получить заказ, а их продукция устареет раньше, чем дойдет до потребительского рынка» [4. С. 8] (здесь и далее переводы на русский язык наши. – П.Ж.). Постоянно изменяющаяся ситуация требует от редактора владения новыми компетенциями, и он, как справедливо замечают британские исследователи, «в этот электронный век играет более важную роль, чем когда-либо до этого в издании книги, из-за сложности производственного процесса» [5. Р. 1].

Обратим внимание на некоторые проблемы терминологического характера, требующие теоретического осмысления.

1. Редактирование: дефиниция. Сегодня существуют десятки дефиниций редактирования. Наиболее полно понятие раскрывается А.Э. Мильчиным: «Процесс, главная цель которого – на основе анализа предназначенного к изданию произведения установить меру его общественной ценности и торговых перспектив, т.е. меру соответствия содержания и формы этого произведения его общественному социально-функциональному назначению и читательскому адресу, сравнивая прогнозируемое воздействие произведения на читателя в целом и в деталях с тем, каким ему, на взгляд редактора, быть желательно, и качества, которыми произведение обладает, с теми, какие могут обеспечить ему успех на книжном рынке, а также помочь автору пригодного к изданию произведения усилить его достоинства и устранить недостатки, выявленные в процессе редакторского анализа» [6. С. 331–332]. Более широкое толкование редактирования «как

рода профессиональной деятельности» предлагает Ю.К. Якимович: это «комплекс задач – определение значимости будущего произведения, прогнозирование спроса на издание, предварительная работа с автором, анализ поступившей рукописи, совершенствование ее содержания и формы, некоторые маркетинговые функции» [7. С. 197]. В основе данных дефиниций лежит издательская деятельность, предусматривающая выпуск книжной продукции.

Украинский исследователь М.С. Тимошик предлагает дефиницию, включающую и другие направления труда редактора: «Редактирование – это вид профессиональной деятельности, предусматривающий последовательное выполнение специально подготовленным работником по результатам редакторского анализа ряда творческих и организационно-технических функций на различных этапах подготовки и выпуска конкретного издательского, журналистского или кинопродукта и направленный на совершенствование содержания и формы этого продукта с целью соответствующего восприятия его пользователем» [8. С. 55]. На наш взгляд, использование лексемы «продукт» с уточняющими определениями позволяет в полной мере охватить все направления редактирования.

Если использовать классическую дефиницию Н.М. Сикорского [9. С. 14] и провести обобщение видов деятельности, можно предложить следующее определение: «*Редактирование – область деятельности, которая заключается в определении качества предложенного к обнародованию произведения, его совершенствовании при сотрудничестве с автором, подготовке к соответствующему оформлению и выпуску в свет*». Полагаем, что «произведение» как «продукт творчества» будет включать в себя и письменный текст, и графическое изображение, и фото, и аудио, и кино, и видео, и мультимедиа и т.д. Данная дефиниция обобщает также широкую трактовку редактирования (editing) в британской и американской традиции, включающую работу над подготовкой к изданию письменного материала, над компоновкой газеты или журнала, над совершенствованием фильма или саундтрека [10].

2. Виды редактирования. А.Э. Мильчин в отношении издательской деятельности выделяет следующие виды редактирования: литературное, научное, общее, специальное, титульное [6. С. 332]. Следует подчеркнуть, что среди перечисленных видов редактирования

в данном «Издательском словаре-справочнике» по какой-то причине отсутствует техническое, появляющееся отдельной дефиницией [6. С. 392] как обязательное для издательского дела. В словаре-справочнике «Мир печати» Ю.К. Якимович отсутствует дефиниция «литературное редактирование». Отдельные виды редактирования могут быть не задействованы в конкретном издательстве (например, специализирующемся на выпуске художественной, детской литературы). В гиперо-гипонимической таксономии редактирование является родовым понятием, а виды редактирования органически входят в парадигму в качестве гипонимов.

Подобный подход к определению видов редактирования (смысловое, политическое, языковое (речевое), стилистическое, художественное и др.) прослеживается и в книге Ф. Баскетта, Дж. Сиссола, Б. Брукса «Искусство редактирования» («The Art of Editing») [11], и в трудах польских исследователей Я. Тржинадловского «Редактирование. Текст, язык, обработка» («Edytorstwo. Tekst, język, opracowanie») [12] и Л. Гарбаля «Редактирование. Как издавать современные литературные тексты» («Edytorstwo. Jak wydawać współczesne teksty literackie») [13].

3. История редактирования. Нарботки российских ученых позволяют выделить данную категорию среди научных направлений редактирования. Особенно плодотворно поработали в данном направлении сотрудники Московского государственного университета печати С.Г. Антонова, В.И. Соловьев, К.Т. Ямчук, учебник которых «Редактирование. Общий курс» [14] практически является курсом истории редактирования. Весомый вклад в разработку данного направления редактирования и в целом историю книги вносят ученые Томского государственного университета [15–18].

Следует подчеркнуть, что российские исследования по истории отечественного редактирования опережают подобные разработки в странах как ближнего, так и дальнего зарубежья, где история редактирования только начинает складываться в определенное направление. Можно отметить выход в 2019 г. книги «Редактирование как история литературы и другие исследования о поэзии XVIII века» («Edytorstwo jako historia literatury i inne studia o poezji XVIII wieku») [19] польского ученого Т. Хачульского, отдельные публикации украинских и белорусских ученых.

4. Литературное редактирование. Как отмечалось выше, в названиях учебных дисциплин вузов и, соответственно, учебников и учебных пособий данное терминологическое сочетание используется по традиции. Однако его осмысление диктуется современным состоянием научного знания и требует отдельного рассмотрения. А.Э. Мильчин предлагает дефиницию применительно к издательскому делу: «Литературное редактирование – редакторский анализ, оценка и совершенствование совместно с автором литературной формы произведения, составная часть редактирования, выделяемая лишь при разделении труда, когда научный или специальный редактор занимается анализом и оценкой содержания подготавливаемой к изданию работы исключительно со стороны научной или специальной, в то время как автор нуждается в помощи и литературной» [6. С. 194]. Из дефиниции следует, что если при издании произведения нет необходимости в научном или специальном редактировании, то в терминологическом сочетании *литературное редактирование* определение избыточно. Ю.К. Якимович в словарь-справочник включает статьи «Литературное редактирование научных текстов», «Литературное редактирование рекламных текстов», «Литературное редактирование художественных произведений» [7. С. 115], ничем не обосновывая добавление определения *литературное*. К.М. Накорякова в «Справочнике по литературному редактированию для работников средств массовой информации» приводит три определения понятия: первое, обобщенное для всех видов изданий – «совершенствование редактором формы литературного произведения (композиции, языка, стилистических качеств»); второе, адаптированное для средств массовой информации – «работа редактора над текстом литературного произведения с учетом характера публикаций, их информативности, требований оперативности, специфики выражения авторской позиции; трактуется как единый процесс, включающий анализ предложенного к публикации материала (его содержания, фактической правильности, точности, жанровой формы и литературных качеств) и последующую правку»; третье, относящееся к названию учебной дисциплины [20. С. 12–13]. В учебном пособии Т.И. Суриковой утверждается, что литературное редактирование – «это подготовка текста с момента его поступления в редакцию и до момента опубликования» [21. С. 4], и дается пояснение, состоящее из решения двух задач – анализа и правки.

И.Б. Голуб пишет: «Литературное редактирование кратко можно определить как поиск наиболее точного словесного выражения идей, понятий, а также выдвижение аргументов, убедительно доказывающих авторские определения» [22. С. 12]. Трудно согласиться с тем, что данный процесс – лишь «поиск» и «выдвижение аргументов», так как автор во время творческого процесса сам осуществляет данный поиск, а редактор сопоставляет авторское словесное выражение со своими знаниями, мировоззрением и др., предлагает пути улучшения, а впоследствии может проводить и правку.

М.С. Тимошик дает следующую дефиницию: «Литературное редактирование – это разновидность редактирования, предусматривающая последовательное выполнение специально подготовленным работником ряда творческих функций, направленных прежде всего на совершенствование языка, стиля, композиции, всей структуры конкретного издательского, журналистского или кинопродукта» [8. С. 55]. Из дефиниции невозможно понять, как можно проводить «совершенствование» без соответствующего анализа (литературно) редактируемого продукта.

Обращает на себя внимание тот факт, что учебники и учебные пособия по литературному редактированию (или по стилистике и литературному редактированию) в названиях глав, разделов или параграфов не используют определение *литературное* (так, в учебнике «Стилистика и литературное редактирование» находим параграфы «Редактирование в коммуникации» [23. С. 442], «Специфика редактирования телевизионных и радиотекстов» [Там же. С. 479] и др.). Например, в классическом учебном пособии К.И. Былинского и Д.Э. Розенталя утверждается: «Редактирование рукописи литературного произведения – это сложный многосторонний процесс, который теоретически еще мало разработан. В настоящей книге рассматривается только одна из сторон этого процесса – литературная обработка текста» [24. С. 5]. В данном случае использование объекта приложения усилий редактора автоматически устраняет определение *литературное*. Такое же понимание следует из классического труда А.Э. Мильчина «Методика редактирования текста» [25], из учебника Н.М. Сикорского «Редактирование отдельных видов литературы» [26]. Авторы учебника «Редакторская подготовка изданий» в основном используют сочетание «Работа редактора над...», лишь в отдель-

ных случаях употребляя термин *редактирование*, напр., «Редактирование аналитического обзора» [27. С. 463]. Подтверждает избыточность уточняющего определения и название учебного пособия Л.В. Рахманина «Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов» [28], а также аналогичное белорусское издание [29]. Вызывает удивление труднообъяснимое название главы 2 «Стилистика и литературное редактирование» в учебном пособии Т.В. Гордиенко «Журналистика и редактирование» [30].

5. Копиэдитинг. Из обзора британских и американских пособий и справочников можно сделать вывод, что понятие «литературное редактирование» практически не употребляется. Вместо него всюду фигурирует *copyediting*, даже с различным написанием (*copy-editing*, *copyediting*), что можно перевести как редактирование рукописи. «Учитывая, что нет единого мнения о том, как пишется *copyediting*, не удивительно, что значение этого термина несколько не урегулировано» [5. Р. 12]. Э. Айнсон считает копиэдитинг «одним из этапов процесса превращения рукописи в конечный опубликованный продукт (напр., книгу, годовой корпоративный отчет, новостную ленту)» [31. Р. 4] и выделяет шесть основных задач, заключающихся 1) в механическом редактировании – приведении рукописи в соответствие с редакторским, или фирменным, стилем (правописание, переносы, строчные-прописные буквы, пунктуация, обработка чисел, цитат, сокращений, аббревиатур, заголовков, графиков, выбор шрифтов, формата сносок и т.п.); 2) соотнесении частей, т.е. анализ композиции; 3) редактировании языка (грамматика, словоупотребление и стиль); 4) редактировании содержания (контента); 5) проверке разрешений (не использованы ли пространственные цитаты, которые охраняются авторским правом); 6) проверке рубрикации [Там же. Р. 5–10].

Британские авторы выделяют следующие виды редактирования: 1) основное – направлено на улучшение общего построения текста, его содержания, уровня организации материала; 2) детальное смысловое редактирование – выражается в проверке четкости выражения смысла автора в каждом разделе; 3) проверка согласованности (анализ композиции); 4) проверка полноты и четкой идентификации частей (рубрикация, место иллюстраций и др.) [5. Р. 1–2].

Англоязычные авторы не раз подчеркивают, что копиэдитинг «следует отличать от корректуры» [32. Р. 269], «копиэдиторы не яв-

ляются корректорами» [5. Р. 11], проводится разграничение терминов в пособии С. Кэмп «Развитие навыков корректуры и редактирования» [33], т.е. по своему смысловому наполнению копиэдитинг приближается к редактированию.

Следует подчеркнуть, что англоязычные авторы много внимания уделяют анализу копиэдитором смысловых качеств текста, правовых аспектов, которые могут затрагиваться в рукописи, возможной предвзятости авторов (представлены ли в тексте как мужчины, так и женщины, расовые меньшинства, инвалиды или представители различных религий на самых разных должностях и на всех уровнях; проявляют ли девочки и мальчики из разных стран одинаковый интерес ко всем предметам; лишены ли иллюстрации такого рода недостатков). Поэтому редакторский анализ является неотъемлемой частью копиэдитинга.

Кроме того, акцентируется внимание на взаимоотношениях с издателем, что в издательском деле советского периода при государственной собственности и плановой экономике было практически лишено смысла и не затрагивалось в пособиях по редактированию. Например, вводится понятие уровней копиэдитинга: «многие книжные и корпоративные издатели используют термины легкий, средний или трудный, чтобы позволить редакторам узнать, на чем сосредоточиться и как расставить приоритеты своих усилий» [31. Р. 13]. Решение издателя об уровне копиэдитинга основывается на качестве авторского письма, целевой аудитории, графике и бюджете редактирования и публикации, репутации автора, его отношении к редактированию и графику работы, размере тиража, важности публикации для издателя.

6. Литературное редактирование – текстовая деятельность. Если обратиться к сущности редакторской деятельности, то, безусловно, в большей степени она является текстовой (имея в виду работу с авторским оригиналом). Безусловно, первый этап редактирования (анализ и оценка) предусматривает выявление авторского замысла, интенции, т.е., согласно теории речевых актов Дж. Остина и Дж. Сёрла, локуции, реализации данного замысла в вербальном массиве (иллокуции) и достижения определенного эффекта (перлокуции). Безусловно, ознакомительное и углубленное чтение предусматривает использование постулатов Г.П. Грайса для речевого общения. Безусловно, необходимо ориентироваться в критическом дискурс-анализе, применяя на

практике исследования Т. ван Дейка. Однако такие операции может проводить лишь теоретически высоко подготовленный редактор.

Л.Е. Кириллова в статье «Текстовая деятельность редактора vs литературное редактирование» утверждает, что деятельность редактора «“переросла” свое привычное название – *литературное редактирование*» [34. С. 31]. Подробно проанализировав современное состояние его теоретического осмысления, автор вносит предложение по названию дисциплины: «редактирование (понимаемое нами как текстовая деятельность редактора) может быть отнесено к группе прикладных лингвистических дисциплин, которые занимаются оптимизацией коммуникативной функции языка, а точнее – коммуникативных отношений в дискурсе как “среде обитания” текста», и далее, в заключении, отмечает: «предлагаемое нами понятие “текстовая деятельность редактора” и его трактовка, на наш взгляд, шире и глубже описывают существо этого вида профессиональной работы, чем традиционное понятие “литературное редактирование”» [Там же. С. 33].

Во-первых, здесь также наблюдаем смешивание понятий *редактирование* и *литературное редактирование* без какого-либо объяснения различий. Во-вторых, отождествление редактирования лишь с текстовой деятельностью сужает смысловое наполнение дефиниций А.Э. Мильчина, Ю.К. Якимович и предлагаемой нами. В-третьих, нельзя согласиться, что редактирование относится «к группе прикладных лингвистических дисциплин». Неужели редактирование поэтических произведений можно осуществлять без обращения к литературоведению? Неужели редакторскую подготовку переизданий можно провести без теоретических наработок текстологии? И т.д. и т.п. Редактирование было и остается комплексной дисциплиной.

7. Литературное редактирование – критика речи. Сочетание критика речи (речевая критика) как приближенное к терминологическому начало использоваться в российском научном лингвистическом дискурсе относительно недавно, хотя на Западе имеет давнюю традицию употребления (*criticism of speech, critique de la langue, Kritik an der Sprache* и др.). В применении к редактированию впервые использовано в 2001 г. в учебно-методическом пособии Л.М. Майдановой «Критика речи и литературное редактирование» [35] (2-е изд., 2006 г.). В 2016 г. в Уральском федеральном университете издано

учебно-методическое пособие О.И. Асташовой и О.С. Колясниковой «Критика речи: смысловые ошибки» [36].

Продолжением в использовании сочетания *критика речи* стал учебник «Стилистика и литературное редактирование» (под ред. Л.Р. Дускаевой), прогрессивный по своему содержанию и представлению теоретического и практического материала. Как отмечено в предисловии, «авторы попытались показать профессиональные стили журналиста, рекламиста и PR-коммуникатора как речевое воплощение трех видов профессиональной деятельности <...> Профессиональная речевая деятельность описывается в направлении от замысла к его реализации в жанровых, тематических и “технических” вариантах. Четвертый раздел знакомит будущих специалистов с завершающей стадией работы над текстом – редакторской правкой» [37. С. 7].

Опубликованную в 2019 г. статью В.В. Васильевой с красноречивым названием «От литературного редактирования к критике медиаречи» [38] можно считать программной (в 2018 г. статья автора «Критика медиаречи» размещена в словаре-справочнике «Медиалингвистика в терминах и понятиях» [39]). Новый подход к анализу медиатекста и его окончательной оценке редактором заключается в применении модели трех осей. «При оценке референциальности медиатекста проверяется, имеется ли в тексте точный дейксис события, считаются ли координаты идентификации события со всей его проблемностью. При оценке модальности выявляются модальные средства внутри текста (эмотивные, перцептивные, волевые и оценочные) и проверяется их адекватность всему комплексу важнейших параметров медиатекста. Проверка текста на коммуниктивность выявляет диалогические свойства текста, имплицатуры, апперцепцию текста в коммуникации (прогноз реакций на текст)» [38. С. 43]. Таким образом задействуются многие теоретические наработки западных и российских ученых, затрагивающие такие понятия, как *праксиологическая норма, превентивная авторская экспертиза, речевая агрессия* и др.

Однако возникает вопрос: может ли *критика медиаречи* заменить *литературное редактирование* (или *редактирование*). Возможно, из названия статьи В.В. Васильевой следует, что редактору требуется сразу проводить *литературное редактирование* и потом заниматься *критикой медиаречи*? Вся теория редактирования зиждется на четком выделении двух составляющих – 1) редакторский анализ (оценка) и

2) редакторская правка (это прослеживается во *всех* пособиях и справочниках). Автор отмечает, что в *критике медиаречи* «формируется корпус понятий, необходимых для редакторского анализа медиатекста» [38. С. 42]. А что же тогда *критика речи*, как не критический разбор авторского оригинала – редакторский анализ? Данные рассуждения приводят к мысли, что *критика речи* является *исследованием* речи уже состоявшейся (опубликованной, озвученной). Подтвердим это двумя аргументами: 1) факсимильным воспроизведением «Словаря критики французского языка» 1787 г. («Dictionnaire critique de la langue française») Ж.-Ф. Феро [40] и 2) названием тем при изучении редактирования в польских вузах: «Критика текста (произведения старопольские и эпохи Просвещения)» («Krytyka tekstu (dzieła staropolskie i oświeceniowe)»), «Критика текста (произведения XIX и XX веков)» («Krytyka tekstu (dzieła XIX- i XX-wieczne)» [41].

Ergo, критика речи – это сложное кропотливое исследование, проводимое ученым-лингвистом. В отношении редактирования можно лишь солидаризироваться с мнением бесспорного авторитета А.Э. Мильчина: «...Практика показывает, что критический анализ и основанная на нем оценка рукописи большинству штатных редакторов книжных издательств, как правило, не по силам. Слишком тонкая материя» [25. С. 42]. Это в полной мере может относиться и к редакторам (литературным, стилистическим) в редакциях СМК, особенно если учесть сокращение штатов при необходимости выхода на самоокупаемость.

Таким образом, проблемы терминологического характера могут найти разрешение, если сосредоточиться на трех основных положениях, очерченных в следующих выводах.

1. Редактирование является комплексной сферой научного знания, и ее связи распространяются на книговедческие и филологические науки. Отнесение редактирования лишь к одной из них сужает дефиниенс логической дефиниции и приводит к размытости формулировок, которые не в состоянии охватить весь комплекс исследуемых явлений. Понимание редактирования как «области деятельности, которая заключается в определении качества предложенного к обнародованию произведения, его совершенствовании при сотрудничестве с автором, подготовке к соответствующему оформлению и выпуску в свет» наиболее точно выражает суть явления.

2. Виды редактирования выделились в связи с разделением труда издательских работников. Современное состояние издательского дела и журналистики подтверждает необходимость наличия «универсального специалиста», «универсального редактора», который сможет проводить различные операции, определяющие более быстрое продвижение авторского произведения от представления его в издательство или в редакцию до выхода в свет. Поэтому термин *редактирование* наиболее соответствует и теоретическим наработкам, и направлениям практической деятельности, и учебной дисциплине. Использование терминологического сочетания *литературное редактирование (копиэдитинг)* во многих случаях не приводит к выделению его в качестве вида редактирования (эдитинга). Касательно массмедийной деятельности определение *литературное* практически теряет смысл, так как редактор (пока в квалификационных справочниках – литературный или стилистический) вынужден сам определять научный, специальный уровень авторского материала, отслеживать уместность иллюстративного материала, присоединять аудио- и видеофайлы в интернет-публикации и т.д.

3. Деятельность редактора во многих случаях является текстовой, однако не сводится только к ней. Необходимость выявления прагматической установки автора, ее вербальной презентации в тексте и получения прогнозируемого эффекта требует от специалиста невероятных умственных и временных усилий. Редактирование определяет основные пути, двигаясь по которым эти усилия возможно минимизировать. Введение в редакторскую деятельность вместо *литературного редактирования = редактирования* терминологического сочетания *критика речи* по сути усложняет терминологическую размытость понятия. Ведь *критика речи* может выступать аналогом *редакторского анализа*, который как раз и является критическим разбором авторского произведения до его обнародования. Если принять использование *критики речи* вместо *редактирования*, то исчезает вторая его составляющая – *редакторская правка*. *Критика речи* может отождествляться с культурой речи и со стилистикой, т.е. это исследование уже обнародованных произведений, что подтверждают наработки иностранных ученых.

Литература

1. Накорякова К.М. Литературное редактирование. М. : ИКАР, 2015. 432 с.
2. Издательское дело // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/literature/text/2001779> (дата обращения: 02.01.2020).
3. Введение в основы книговедения: учеб. пособие по курсу «Книговедение» / сост. В.А. Есипова, Г.И. Колосова. Томск : Том. гос. ун-т, 2008. 110 с.
4. Іўчанкаў В. Кнігавыданне Беларусі ў ІТ-эпоху // Выдавецкая справа ў Рэспубліцы Беларусь: гісторыя, сучасны стан і перспектывы : зборнік навук. артыкулаў / рэдкал. : В.М. Самусевіч (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск, 2019. С. 5–12.
5. Butcher J., Drake C., Leach M. Butcher's Copy-editing: The Cambridge Handbook for Editors, Copy-editors and Proofreaders. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. 543 p.
6. Мильчин А.Э. Издательский словарь-справочник. М. : Юристъ, 1998. 472 с.
7. Якимович Ю.К. Мир печати : популярный иллюстрированный словарь-справочник. М. : Дограф, 2001. 296 с.
8. Тимошик М.С. Редагування як ключовий термін у науці про видавничу справу та редагування: змістове наповнення, наукові інтерпретації в Україні та на Заході // Наукові записки Інституту журналістики : наук. збірник / за ред. В.В. Різуна. Київ , 2010. Т. 40: Липень–вересень. С. 50–55.
9. Сикорский Н.М. Теория и практика редактирования : учебник для вузов по спец. «Журналистика». 2-е изд., испр. и доп. М. : Высш. школа, 1980. 328 с.
10. Dictionary of the English Language. Fifth Ed. Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company. URL: <https://www.thefreedictionary.com/editing> (date of access: 02.01.2020).
11. Baskette F., Sissors J., Bruks B. The Art of Editing. New York; London : Macmillan, Collier Macmillan, 1982. 504 p.
12. Trzynadlowski J. Edytorstwo. Tekst, język, opracowanie. Wyd. 3, uzup. Warszawa : Wydawnictwa Naukowo-Techniczne, 1983. 188 s.
13. Garbal Ł. Edytorstwo. Jak wydawać współczesne teksty literackie (ebook). Warszawa : Wydawnictwo Naukowe, PWN, 2011. 356 s.
14. Антонова С.Г., Соловьев В.И., Ямчук К.Т. Редактирование. Общий курс : учебник для вузов. М. : Изд-во МГУП, 1999. 256 с.
15. Книжная культура Томска (XIX – начало XX в.) / И.А. Айзикова, Т.Л. Воробьева, И.Ф. Гнюсова, В.А. Есипова, Е.В. Ивановская, Т.П. Карташова, Е.А. Макарова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 416 с.
16. Айзикова И.А. Художественная литература в книжной коллекции Г. К. Тюменцева (статья первая) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2016. № 1 (10). С. 86–116.
17. Айзикова И.А. Художественная литература в книжной коллекции Г. К. Тюменцева (статья вторая) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2016. № 2 (11). С. 68–95.

18. Есипова В.А., Куклина Т.Э., Данченко А.М. Рукописи на бересте: проблемы описания и терминологии // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 1 (13). С. 121–127.

19. Chachulski T. Edytorstwo jako historia literatury i inne studia o poezji XVIII wieku. Warszawa : Instytut Badań Literackich PAN, 2019. 384 s.

20. Накорякова К.М. Справочник по литературному редактированию для работников средств массовой информации. 2-е изд. М. : Флинта; Наука, 2011. 200 с.

21. Сурикова Т.И. Литературное редактирование текстов массовой информации : учеб. пособие. М. : ИНФРА-М, 2017. 152 с.

22. Голуб И.Б. Литературное редактирование : учеб. пособие. М. : Логос, 2010. 432 с.

23. Стилистика и литературное редактирование : учебник / под ред. проф. В.И. Максимова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Гардарики, 2007. 653 с.

24. Былинский К.И., Розенталь Д.Э. Литературное редактирование : учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. М. : Флинта; Наука, 2011. 400 с.

25. Мильчин А.Э. Методика редактирования текста. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Логос, 2005. 524 с.

26. Редактирование отдельных видов литературы : учебник / под ред. Н.М. Сикорского. М. : Книга, 1987. 400 с.

27. Редакторская подготовка изданий : учебник / под ред. С.Г. Антоновой. М. : Логос, 2004. 496 с.

28. Рахманин Л.В. Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов : учеб. пособие. 2-е изд., стер. М. : Флинта; Наука, 2015. 256 с.

29. Жаўняровіч П.П. Стылістыка дзелавога маўлення і рэдагаванне службовых дакументаў. Мінск : РІПА, 2014. 276 с.

30. Гордиенко Т.В. Журналистика и редактирование : учеб. пособие. М. : ИД «ФОРУМ»; ИНФРА-М, 2013. 176 с.

31. Einsohn A. The Copyeditor's Handbook: A Guide for Book Publishing and Corporate Communications. 3rd ed. Berkeley : University of California Press, 2011. 576 p.

32. Copperud R.H. Editing the news. Dubuque : Brown Company Publishers, 1983. 282 p.

33. Camp S.C. Developing proofreading and editing skills. 5th ed. New York etc. : McGraw-Hill Education, 2004. 416 p.

34. Кириллова Л.Е. Текстовая деятельность редактора vs литературное редактирование // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2016. № 9 (63) : в 3 ч. Ч. 1. С. 31–34.

35. Майданова Л.М. Критика речи и литературное редактирование : учеб.-метод. пособие для студ. фак. журналистики. Екатеринбург : Изд-во Гуманит. ун-та, 2001. 256 с.

36. Асташова О.И., Колясникова О.С. Критика речи: смысловые ошибки : практикум : [учеб.-метод. пособие]. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. 108 с.

37. Стилистика и литературное редактирование : в 2 т. Т. 1 : Учебник для академического бакалавриата / под ред. Л.Р. Дускаевой. М. : Юрайт, 2016. 325 с.

38. Васильева В.В. От литературного редактирования к критике медиаречи // *Филология в XXI веке* (Пермский гос. ун-т). 2019. № S1. С. 40–44.

39. Медиалингвистика в терминах и понятиях : словарь-справочник / под ред. Л.Р. Дускаевой; редкол.: В.В. Васильева, Ю.М. Коняева, А.А. Малышев, Т.Ю. Редькина. М. : Флинта, 2018. 440 с.

40. Féraud J.-F. Dictionnaire critique de la langue française [Édition fac-similé (1787)] / Préface de T.R. Wooldridge, P. Caron. Marseille, 1994. 865 p.

41. Techniczne opracowanie tekstu [Zasoby elektroniczne]. URL: <https://absta.pl/techniczne-opracowanie-tekstu.html> (data odwołania: 03.01.2020).

Editing: Problems of Terminology

Tekst. Kniga. Knigoznanie – Text. Book. Publishing, 2020, 24, pp. 173–191

DOI: 10.17223/23062061/24/9

Piotr P. Zhauniarovich, Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus).
E-mail: zhaunier62@tut.by

Keywords: editing, types of editing, literary editing (copyediting), history of editing, text activity, criticism of speech.

Taking into consideration the fact that editing is considered to be a field of scientific knowledge, a sphere of practical activity, and a discipline, problems of terminology appear. The aim of the research is to reveal definitions and statements that tend to take the role of terms and contain conflicting statements obstructing the scientific comprehension of terms. The research focuses on the comparison of different definitions of the term “editing” and of its types given by Russian and foreign theorists and practitioners, as well as on the analysis of new terms introduced into scientific discourse. The author touches upon various definitions of the concept of editing, considers its types as well as differences between the notions of editing and literary editing, compares the interpretations of these concepts in Russian, British, and American (editing, copyediting), Ukrainian and Polish scientific discourses, offers his vision of the problems. Textbooks and reference books do not always provide proper differences between the two main components of editorial activity—editorial analysis (evaluation) and editing. There are significant developments of Russian researchers in the direction of the history of editing ahead of the Western research. One can state that Russia has a school of editing history, and university researchers make a great contribution to its development. The author suggests adhering to the established traditions in the interpretation of editing and using it in journalism in the same sense as in book publishing, since initially it was the publishing of books that caused the need in editing as a professional activity. The result of the research demonstrates that it is impossible to refer editing as a sphere of scientific knowledge only to book publishing or philology. The author proposes his own definition of editing, tries to optimize the number of types of editing (particularly, duplication of the notions “editing” and “literary editing”, “editing” and “copyediting” is stated), and introduces a terminological combination “history of editing” into scientific discourse. The author proves that the replacement of the concepts “editing” and

“editorial analysis” with such notions as “text activity” and “criticism of speech”, respectively, is not justified in scientific terms.

References

1. Nakoryakova, K.M. (2015) *Literaturnoe redaktirovaniye* [Literary editing]. Moscow: IKAR.
2. Bigenc.ru. (n.d.) *Izdatel'skoe delo* [Publishing]. [Online] Available from: <https://bigenc.ru/literature/text/2001779> (Accessed: 2nd January 2020).
3. Esipova, V.A. & Kolosova, G.I. (2008) *Vvedenie v osnovy knigovedeniya* [Introduction to the Basics of Book Science]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Iucankau, V. (2019) *Knigavydanne Belarusi ŷ IT-epokhu* [Book production in Belarus in the epoch of IT]. In: Samusievich, V.M. (ed.) *Vydavetskaya sprava ŷ Respublitsy Belarus': gistoryya, suchasny stan i perspektyvy* [Publishing in the Republic of Belarus: history, current state and prospects]. Minsk: Belarusian State University.
5. Butcher, J., Drake, C. & Leach, M. (2006) *Butcher's Copy-editing: The Cambridge Handbook for Editors, Copy-editors and Proofreaders*. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Milchin, A.E. (1998) *Izdatel'skiy slovar'-spravochnik* [Publishing Reference Dictionary]. Moscow: Yurist".
7. Yakimovich, J.K. (2001) *Mir pechati: populyarnyy illyustrirovannyi slovar'-spravochnik* [The world of printing: popular illustrated reference dictionary]. Moscow: Dograf.ru)
8. Timoshik, M. (2010) *Redaguvannya yak klyuchoviy termin u nauksi pro vidavnichu spravu ta redaguvannya: zmistove napovnnennya, naukovi interpretatsii v Ukraini ta na Zakhodi* [Editing as a key term in publishing industry and editing: content, scientific interpretations in Ukraine and abroad]. In: Rizun, V.V. (ed.) *Naukovi zapiski Institutu zhurnalistiki*. Vol. 40. Kyiv: KNU im. T. Shevchenka.
9. Sikorsky, N.M. (1980) *Teoriya i praktika redaktirovaniya* [Theory and practice of editing]. 2nd ed. Moscow: Vysshaya shkola.
10. Thefreedictionary.com. (n.d.) *The Free Dictionary by Farlex*. 5th ed. Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company. [Online] Available from: <https://www.thefreedictionary.com/editing> (Accessed: 2nd January 2020).
11. Baskette, F., Sissors, J. & Bruks, B. (1982) *The Art of Editing*. New York; London: Macmillan, Collier Macmillan.
12. Trzynadlowski, J. (1983) *Edytorstwo. Tekst, język, opracowanie*. 3rd ed. Warsaw: Wydawnictwa Naukowo-Techniczne.
13. Garbał, Ł. (2011) *Edytorstwo. Jak wydawać współczesne teksty literackie*. Warsaw: Wydawnictwo Naukowe, PWN.
14. Antonova, S.G., Solovyov, V.I. & Jamchuk, K.T. (1999) *Redaktirovanie. Obshchiy kurs* [Editing General Course]. Moscow: MSUP.
15. Ayzikova, I.A., Vorobyeva, T.L., Gnyusova, I.F., Esipova, V.A., Ivanovskaya, E.V., Kartashova, T.P. & Makarova, E.A. (2014) *Knizhnaya kul'tura Tomska*

(XIX – nachalo XX v.) [Book culture of Tomsk (the 19th – early 20th century). Tomsk: Tomsk State University.

16. Ayzikova, I.A. (2016a) Fiction in the book collection of G.K. Tyumentsev (Article I). *Tekst. Kniga. Knigozdaniye – Text. Book. Publishing.* 1(10). pp. 86–116. (In Russian). DOI: 10.17223/23062061/10/6

17. Ayzikova, I.A. (2016b) Fiction in the book collection of G.K. Tyumentsev (Article II). *Tekst. Kniga. Knigozdaniye – Text. Book. Publishing.* 2(11). pp. 65–85. (In Russian). DOI: 10.17223/23062061/11/5

18. Esipova, V.A., Kuklina, T.E. & Danchenko, A.M. (2011) Manuscripts on birch bark: problems of description and terminology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History.* 1(13). pp. 121–127. (In Russian).

19. Chachulski, T. (2019) *Edytorstwo jako historia literatury I inne studia o poezji XVIII wieku* [Editing as a history of literary and other studies of eighteenth century poetry]. Warsaw: InstytutBadań LiterackichPAN.

20. Nakoryakova, K.M. (2011) *Spravochnik po literaturnomu redaktirovaniyu dlya rabotnikov sredstv massovoy informatsii* [Handbook of literary editing for media professionals]. 2nd ed. Moscow: Flinta, Nauka.

21. Surikova, T.I. (2017) *Literaturnoe redaktirovanie tekstov massovoy informatsii* [Literary editing of massmedia texts]. Moscow: INFRA-M.

22. Golub, I.B. (2010) *Literaturnoe redaktirovanie* [Literary editing]. Moscow: Logos.

23. Maksimov, V.I. (ed.) (2007) *Stilistika i literaturnoe redaktirovanie* [Stylistic and Literary Editing]. 3rd ed. Moscow: Gardariki.

24. Bylinsky, K.I. & Rozental, D.E. (2011) *Literaturnoe redaktirovanie* [Literary Editing]. 3rd ed. Moscow: Flinta, Nauka.

25. Milchyn, A.E. (2005) *Metodika redaktirovaniya teksta* [Methodology of Text Editing]. 3rd ed. Moscow: Logos.

26. Sikorsky, N.M. (ed.) (1987) *Redaktirovanie otdel'nykh vidov literatury* [Editing certain types of literature]. Moscow: Kniga.

27. Antonova, S.G. (ed.) (2004) *Redaktorskaya podgotovka izdaniy* [Editorial preparation of publications]. Moscow: Logos.

28. Rakhmanin, L.V. (2015) *Stilistika delovoy rechi i redaktirovanie sluzhebnykh dokumentov* [Stylistic of business language and editing office documents]. 3rd ed. Moscow: Flinta, Nauka.

29. Zhauniarovich, P.P. (2014) *Stylistyka dzelavoga maŭlennya i redagavanne sluzhbovykh dokumentaŭ* [Stylistic of business language and editing office documents]. Minsk: RIPA.

30. Gordienko, T.V. (2013) *Zhurnalistika i redaktirovanie* [Journalism and Editing]. Moscow: FORUM, INFRA-M.

31. Einsohn, A. (2011) *The Copyeditor's Handbook: A Guide for Book Publishing and Corporate Communications.* 3rd ed. Berkeley: University of California Press.

32. Copperud, R.H. (1983) *Editing the News.* Dubuque: Brown Company Publishers.

33. Camp, S.C. (2004) *Developing proofreading and editing skills*. 5th ed. New York: McGraw-Hill Education.

34. Kirillova, L.E. (2016) Editor's text activity vs literary editing. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory and Practice*. 9-1(63). pp. 31–34. (In Russian).

35. Maydanova, L.M. (2001) *Kritika rechi i literaturnoe redaktirovanie* [Criticism of speech and literary editing]. Ekaterinburg: University of the Humanities.

36. Astashova, O.I. & Kolyasnikova, O.S. (2016) *Kritika rechi: smyslovye oshibki* [Criticism of speech: semantic errors]. Ekaterinburg: Ural state University

37. Duskayeva, L.R. (ed.) (2016) *Stilistika i literaturnoe redaktirovanie* [Stylistic and Literary Editing]. Vol. 1. Moscow: Yurayt.

38. Vasilyeva, V.V. (2019) From literary editing to the media speech criticism]. *Filologiya v XXI veke – Philology in the 21st Century*. S1. pp. 40–44. (In Russian).

39. Duskayeva, L.R. (ed.) (2018) *Medialingvistika v terminakh i ponyatiyakh: slovar'-spravochnik* [Medialinguistics in Terms and Concepts: A Reference Dictionary]. Moscow: Flinta.

40. Féraud, J.-F. (1994) *Dictionnaire critique de la langue française* [Édition facsimilé (1787)]. Marseille: [s.n.].

41. Absta.pl. (n.d.) *Techniczne opracowanie tekstu*. [Online]. Available from: <https://absta.pl/techniczne-opracowanie-tekstu.html> (Accessed: 3rd January 2020).

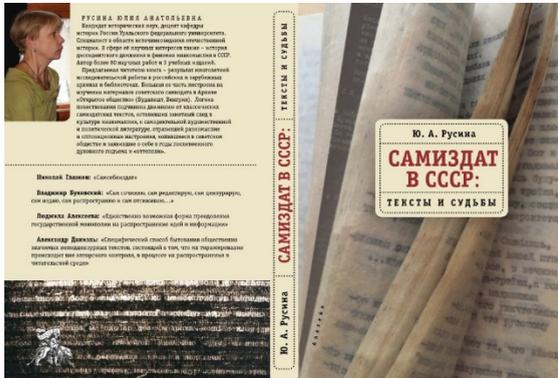
РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(470)“19”

DOI: 10.17223/23062061/24/10

Е.К. Созина

ОБОРОТНАЯ СТОРОНА ЛУНЫ (РУСИНА Ю.А. САМИЗДАТ В СССР: ТЕКСТЫ И СУДЬБЫ. СПБ.: АЛЕТЕЙ; ЕКАТЕРИНБУРГ: ИЗД-ВО УРАЛ. УН-ТА, 2019. 204 с.)

Аннотация. *Рецензия написана на книгу Ю.А. Русиной «Самиздат в СССР: тексты и судьбы» (СПб., Екатеринбург, 2019). Автор книги поднимает актуальную тему недавней истории страны и дает анализ движения самиздата на протяжении второй половины XX в. Выделено три основных определения самиздата:*

1) культурное явление – феномен «другой», «второй культуры», дополняющей официальную; 2) феномен самоорганизации общества в области культуры, саморефлексии общества и его информационной деятельности; 3) исторический источник, важный «для изучения инакомыслия и диссидентского движения в Советском Союзе». Из анализа документов, осуществляемого автором, вырастают фигуры и судьбы людей, не согласных с режимом, участников антисоветской оппозиции. Исследователь обращается не только к столичным проявлениям инакомыслия, но и к изучению самиздата в провинции: рассматривается студенческая периодика, публиковавшая продукты литературного творчества студентов Уральского государственного университета им. А.М. Горького (г. Свердловск).

Ключевые слова: *другая культура, инакомыслие, диссидентское движение, самиздат в провинции.*

Самиздат в России – явление давнее и не связанное только с историей страны Советов. Сам термин появился в советские годы, но чем, как не своеобразным самиздатом, были в свое время стихи «непристойного» И. Баркова, декабриста К. Рылеева, отдельные стихотворения А. Пушкина, Н. Некрасова, известнейшая пьеса А. Грибоедова и многое, многое другое? Стихи А. Ахматовой, Н. Гумилева, М. Цветаевой еще тридцать-сорок лет назад переписывали от руки; впрочем, то же было и с «поэзами» И. Северянина, а много позже – Э. Асадова (о вкусах не спорят). Самиздат в России продолжает быть востребованным, судя по многочисленным стихам и прозе самодельных авторов, заполняющих интернет и временами публикующих себя на бумаге; теперь это явление называется «самопубликацией». «Самсебяиздат» – так определял его Николай Глазков, пожалуй, наиболее известный поэт самиздата, сознательно представлявший себя таковым. Вспомним также Б.У. Кашкина, старика Букашкина, «панк-скомороха» и «народного дворника» Екатеринбургa, чьи «варенки» и «проуны» теперь хранятся в музее. Самиздат в России – явление разнообразное, не всегда связанное с политикой, хотя обычно выступающее следствием или продуктом «инакомыслия» субъекта, ставшего его создателем.

В книге Ю.А. Русиной самиздат рассматривается именно как продукт инако- или разномыслия, но главным образом – со стороны социально-исторической. Давая ряд определений этого понятия, автор выделяет основные три: 1) культурное явление – феномен «другой», «второй культуры», дополняющей официальную; 2) феномен самоорганизации общества в области культуры, саморефлексии общества и его информационной деятельности; 3) исторический источник, важный «для изучения инакомыслия и диссидентского движения в Советском Союзе» [1. С. 22]. Ю.А. Русина – историк, поэтому ее интересуют главным образом второй и третий аспекты анализа самиздата, она – и это вполне оправданно – не берется оценивать художественную сторону произведений опальных поэтов или писателей, их культурно-эстетическую значимость, для нее они важны скорее как факты общественного сознания, политического движения и, конечно, как упомянутые источники. Однако Ю.А. Русина приглашает к диалогу и дальнейшему исследованию филологов и культурологов, да, впрочем, многие самиздатские тексты уже были или стали предметом филологического анализа, как, например, произведения А. Синаевского и Ю.

Даниэля, может быть, самых талантливых писателей среди авторов самиздата.

Феномен самиздата предстает в книге Ю.А. Русиной как явление комплексное, цельное (несмотря на всю свою разноразмерность), содержательно богатое. Как пишет она сама, «самиздат – это обширный культурный пласт с множеством слоев разнородных мнений, взглядов, поведенческих проявлений» [1. С. 26]. Отсюда актуальность и нужность данного труда для разных специалистов, занимающихся не только самиздатом, но историей общественной жизни в СССР в целом. Книга четко выстроена: в ней дан добросовестный обзор источников и литературы по теме, приведены разные понимания самиздата, представлена классификация текстов самиздата; по этой книге, как по методическому пособию, можно проводить самостоятельное исследование новых источников, а при желании, наверное, и самому начать писать тексты самиздата.

В названии книги не случайно уточняющая вторая часть – «тексты и судьбы». В первую очередь, автор-исследователь последовательно анализирует документы эпохи – открытые письма и обращения, сборники документов, периодические издания, материалы судебных процессов, причем сюда попадают как известные, своего рода «классические», так и малоизученные самиздатские тексты в различных изданиях. Но из анализа документов вырастают фигуры и судьбы людей, не согласных с режимом, мыслящих и действующих иначе, чем было показано и позволено властью. Истории без людей не бывает, и для читателя рассказ о людях, написавших письма протеста и заплативших за это годами своей единственной жизни, подчас интереснее самих текстов, превратившихся в историографические источники, в документы эпохи, в исторический архив, раскрыть который помогают воображение и память. Со страниц монографии Ю.А. Русиной встают биографии и портреты многих участников антисоветской оппозиции второй половины XX столетия. Автор использует не только общеоисторический подход с точки зрения «целого и общего», но и личностный, предполагающий внимательное вглядывание в индивидуальные судьбы конкретных людей и их обстоятельства.

Так, рассказывая о документах, возникших в связи с политическим процессом Синявского – Даниэля, среди которых – открытое письмо Лидии Чуковской к Михаилу Шолохову и письмо Анатолия Яковсона

в Московский городской суд, Ю.А. Русина в примечаниях дает краткую справку об этих людях, вроде бы и без того достаточно известных, однако в свете описанных событий и созданных ими текстов вызывающих новый, порой весьма напряженный интерес читателя. В иных случаях авторы самиздата оказываются описаны более подробно, возникает своего рода интрига читательского неведения – как в случае с Юрием Галансковым, трагически погибшим «в лагерной больнице после неудачной операции» [1. С. 43], или с участниками студенческой «группы Федосеева» в Свердловске середины 1950-х гг., о судьбах которых говорится, пожалуй, слишком кратко – хочется подробностей, хочется узнать, как сложилась дальше (и сложилась ли) жизнь этих людей. Перед нашими глазами проходят также фигуры Александра Гинзбурга, опального генерала Петра Григоренко, Владимира Буковского, Владимира Рутминского – личностей незаурядных, масштабных, заявивших личное несогласие с режимом.

Подчас автор книги затрагивает материал, казалось бы, не раз привлекавший исследователей: судебный процесс над И. Бродским, дело Синявского и Даниэля, история журнала правозащитников «Общественные проблемы» и др. Но и они получают в ее нарративе новое освещение, как, например, «последние слова» наиболее известных подсудимых – Ю. Даниэля, В. Буковского, сопоставляемые с аналогичными документами Л. Богораз, В. Делоне, К. Бабицкого и др. Само обращение к тексту документа дает представление о том, чем оборачивалось его создание для автора: что такое Владимирская тюрьма или Мордовлаг, как обычно проходили судебные процессы над участниками тех или иных протестных движений, каковы были условия содержания заключенных в разных лагерях и пр. И здесь опять у читателя возникает сильнейшее желание, чтобы этих сведений, как и рассказов о судьбах людей, на страницах книги было больше, ибо собранный автором материал стоит многих томов историко-биографических, историко-документальных исследований, раскрывающих перед нами неизвестные страницы истории. «Листая “Хронику” (“Хронику текущих событий”, информационный бюллетень правозащитников), попадаешь в калейдоскоп фактов и событий советского времени, о которых нельзя было услышать по официальному радио или телеканалу, прочитать в газете...» [1. С. 98], – справедливо пишет автор книги.

Отдельный раздел монографии посвящен периодическим изданиям, журналам, которые имели особое значение для развития оппозиционных движений, распространения мнений, информации, а также правового и гуманитарного просвещения. В силу периодичности и постоянства выхода в свет, внутренних разножанровости и много-темья, журналы и другие периодические издания отражали различные стороны деятельности инакомыслящих и могут служить важнейшим источником по изучению не только идей и направлений диссидентства в Советском Союзе, но и литературных и общекультурных ориентаций его участников. Как пишет Ю.А. Руси́на, «Появление нелегальных журналов означало, с одной стороны, качественный рост и развитие самого самиздата, а, с другой, организационное оформление различных оппозиционных движений» [1. С. 82]. Едва ли не самым заметным явлением в истории советского самиздата стало издание информационного бюллетеня правозащитников «Хроника текущих событий», которое также подробно рассматривается на страницах рецензируемой книги. В 1960–1970-е гг. наряду с «Хроникой» в самиздате выходили журналы социально-политического, национального и религиозного содержания: «Политический дневник», «Общественные проблемы», «Вече», «Вестник спасения», «Исход», «Вестник Исхода», «Белая книга исхода» и др. Анализ национальной составляющей в содержании инакомыслия, в диссидентском движении занимает важное место в книге Ю.А. Русиной, тем более что с этой стороны самиздат исследовался в малой степени.

Ю.А. Руси́на обращается не только к столичным проявлениям инакомыслия, но и к изучению самиздата в провинции: ею рассматривается студенческая литературная и художественно-публицистическая периодика, публиковавшая продукты литературного творчества студентов Уральского региона, в частности, г. Свердловска. Анализируются студенческие журналы и альманахи, возникшие в стенах Уральского государственного университета им. А.М. Горького в 1947 и 1949 гг. («Наше творчество»), привлекаются материалы, рассказывающие о судьбах тогдашних поэтов и писателей-студентов, показывающие сложность и драматизм времени, в которое оказались вплетены люди «с душой и талантом». Это В. Рутминский, И. Лебензон, И. Гершенбаум, Г. Федосеев, К. Белокуров, А. Нечаев, Ю. Хлусов и др. Стоит также назвать такие издания, как студенческие самиздатские жур-

налы УрГУ «Всходы» и «В поисках» (вторая половина 1950-х гг.), стенную газету Уральского политехнического института «БОКС», альманахах литературного общества Челябинского педагогического института «Снежное вино». Далеко не все самостоятельные авторы были противниками советского строя, критиками идей социализма. Ребята хотели читать и изучать «другую» литературу, нежели та, что значилась по программе, они хотели «свободно выражать свои мысли, минуя цензуру» [1. С. 143], писать о своих чувствах на языке, который им был близок, но который в ту пору был знаком оппозиционных настроений. Поэтому обвинения в пессимизме, упадничестве, клевете на советскую действительность, возникавшие в адрес поэтов-романтиков еще в 1920–1930-е гг., сопровождали студенческое творчество и в 1960–1970-е гг. Ю.А. Русина повествует об истории указанных изданий, ныне ставших редкостью, музейной ценностью, и тем самым подготавливает почву для объективного филологического анализа текстов, размещенных на их страницах. В монографии имеется также приложение – некоторые документы самиздата, помогающие читателю окунуться в описываемый материал и испытать чувство сопереживания участникам движения и творцам этой литературы.

Думается, книга Ю.А. Русиной будет нужной и полезной для самых разных читательских аудиторий и не оставит равнодушным никого. Научно достоверное, самостоятельное и оригинальное исследование феномена самиздата в СССР как части истории страны и ее культуры способно стать толчком и базой для многих последующих книг и исследований равно историков и филологов.

Литература

1. Русина Ю.А. Самиздат в СССР: тексты и судьбы. Санкт-Петербург; Екатеринбург : Алетейя; Изд-во Урал. ун-та, 2019. 2015 с.

The Far Side of the Moon (Rusina, Yu.A. (2019) *Samizdat v SSSR: Teksty i Sud'by* [Samizdat in the USSR: Texts and Lives]. St. Petersburg: Aleteyya; Yekaterinburg: Ural State University. 204 P.)

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2020, 24, pp. 192–198

DOI: 10.17223/23062061/24/10

Elena K. Sozina, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: es8591@yandex.ru
Keywords: other culture, dissent, dissident movement, samizdat in province.

The review is written on a 2019 book *Samizdat in the USSR: Texts and Lives* by Yu.A. Rusina. The author of the book discusses a relevant problem of the recent history of the country and analyses the phenomenon of *samizdat* (self-publishing) in the second part of the 20th c. Three main definitions in the conception of samizdat are given: samizdat as (1) a cultural phenomenon of “another”, “different” culture which supplements official culture; (2) a phenomenon of self-organization of society in the cultural sphere, self-reflection of society and its informational activity; (3) a historical source, which is very important for studying dissent and the dissident movement in the Soviet Union. Rusina is investigating the second and third definitions of samizdat. She consistently analyses samizdat: open letters and appeals, document digests, periodicals, court proceedings. The analysis shows figures and fates of people disagreeable with the regime, for instance, A. Ginzburg, Yu. Daniel, A. Sinyavsky, the disgraced General P.G. Grigorenko, V. Bukovsky, V. Rutminsky, and others. A separate section of the book is devoted to periodicals, journals which were particularly important for the development of opposition movements, dissemination of opinions and information, and for legal and humanitarian education. Rusina thoroughly examines *Chronicle of Current Events*, sociopolitical, national, and religious journals *Political Diary*, *Obshchestvennyye Problemy* [Social Issues], *Veche*, *Vestnik Spaseniya* [Messenger of Salvation], *Exodus*, *Herald of Exodus*, *The White Book of Exodus*, and others. She analyses not only metropolitan manifestations of dissent but also samizdat in province: student literary and artistic-journalistic periodicals that published works of students of the Ural State University. The book is interesting and significant by itself and also as a source for the following historical and philological studies of the opposition movement in the USSR.

References

1. Rusina, Yu.A. (2019) *Samizdat v SSSR: teksty i sud'by* [Samizdat in the USSR: Texts and Lives]. St. Petersburg: Aletyya; Yekaterinburg: Ural State University.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Айзикова Ирина Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: wand2004@mail.ru

Гнюсова Ирина Федоровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: irbor2004@mail.ru

Демешкина Татьяна Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка, декан филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: demeta@rambler.ru

Жолнерович Петр Петрович – доцент кафедры медиалингвистики и редактирования факультета журналистики Белорусского государственного университета.

E-mail: zhaunier62@tut.by

Мжельская Елена Львовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Издательское дело и книговедение» Московского политехнического университета.

E-mail: fotoreddocent@yandex.com

Панфёрова Ольга Юрьевна – редактор журнала «Балет».

E-mail: olgap223@gmail.com

Ромашина Екатерина Юрьевна – доктор педагогических наук, профессор, декан факультета искусств социальных и гуманитарных наук Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого.

E-mail: katerinro@yandex.ru

Созина Елена Константиновна – доктор филологических наук, заведующий центром истории литературы Института истории и археологии Уральского отделения РАН.

E-mail: elenasozina1@rambler.ru

Толстова Мария Анатольевна – младший научный сотрудник лаборатории общей и сибирской лексикографии Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: tolstova_11@mail.ru

Тубалова Инна Витальевна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета.

E-mail: tina09@inbox.ru

Черемисинова Лариса Ивановна – доктор филологических наук, заведующий кафедрой начального языкового и литературного образования Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

E-mail: larisa.cheremisinova@mail.ru

Шаров Константин Сергеевич – кандидат философских наук, старший преподаватель Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва).

E-mail: const.sharov@mail.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ В НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ»

Редакция принимает статьи, набранные в текстовом редакторе WinWord. Статьи должны быть представлены в электронном и распечатанном виде (формат А4). Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) дополнительно предоставляются в отдельных файлах, вложенных в авторскую электронную папку.

Все рисунки выполняются только в черно-белой гамме, полноцветные иллюстрации не допускаются.

В начале статьи указывается номер по Универсальной десятичной классификации (УДК), приводятся (каждый раз с новой строки):

- 1) инициалы и фамилия автора;
- 2) название статьи (строчными буквами, например: Идеологический контекст «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году»);
- 3) краткая аннотация (500 знаков), которая выделяется курсивом и отделяется от текста статьи пропуском строки;
- 4) ключевые слова (3–5).

Текст набирается шрифтами Times New Roman, размер шрифта – 14 кеглей, межстрочный интервал – полуторный, поля (все) – 1,5 см, абзацный отступ – 0,5 см.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи такие шрифты должны быть представлены в редакцию в авторской электронной папке.

Нумерация страниц сплошная, с 1-й страницы, внизу по центру.

Ссылки на использованные источники приводятся после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования, тома и страницы, например: [1. Т. 2. С. 25]. При повторном обращении к одному и тому же источнику в пределах страницы ссылка оформляется следующим образом: [Там же. С. 100] – если источник на русском языке, или [Ibid. P./S. 100] – если на английском / немецком. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера), предваряется словом «Литература» и оформляется в порядке упоминания или цитирования в тексте статьи (не в алфавитном порядке!). Под одним номером допустимо приводить только один источник. Обязательно указание количества страниц в используемых источниках.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок. Если в примечаниях присутствуют ссылки на используемую литературу, номер этих источников в списке литературы должен быть соотнесен с нумерацией источников в основном тексте статьи, после которых (перед которыми) вставлено примечание со ссылкой на источник. Примеры оформления можно посмотреть на сайте журнала (<http://vestnik.tsu.ru/book/>) в разделе «Архив».

Двумя отдельными файлами (а также в виде распечаток) обязательно предоставляются:

1. Англоязычный блок:
 - английский вариант инициалов и фамилии автора;
 - перевод названия своей организации;
 - перевод названия статьи (например: Ideological context of "Collection of Poems Relating to the Unforgettable 1812");

– автореферат статьи на английском языке (2 500–3 000 печатных знаков, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке;

– перевод ключевых слов на английский язык.

2. Сведения об авторе по форме:

– фамилия, имя, отчество (полностью);

– ученая степень, ученое звание;

– должность и место работы / учебы (кафедра / лаборатория / сектор, факультет / институт, вуз / НИИ и т.д.) без сокращений, например: **Киселев Виталий Сергеевич** – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: kv-uliss@mail.ru

Кроме того, отдельно в том же файле указываются:

– Ф.И.О., должность и место работы научного руководителя (для студентов, аспирантов и соискателей);

– специальность (название и номер по классификации ВАК);

– телефоны (рабочий, сотовый).

Статья и сведения об авторе заверяются подписью автора (и научного руководителя – в случае, если автор не имеет ученой степени).

Всего оформляется и подается три электронных и бумажных документа:

1) текст статьи с аннотацией на русском языке;

2) английский вариант имени и фамилии автора, названия своей организации; перевод названия статьи и ключевых слов; автореферат статьи на английском языке (2 500–3 000 печатных знаков, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке;

3) сведения об авторе.

Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора в латинской графике (например, Ivanov1.doc, Ivanov2.doc, Ivanov3.doc) и вложены в папку, названную аналогично (например, Ivanov). При передаче электронной папки обязательно использование архиваторов WinZip или WinRar (например, Ivanov.zip или Ivanov.rar).

Авторы должны представить в редакцию заполненный бланк, в котором указывается согласие автора на публикацию статьи и размещение ее в интернете. Письмо должно быть подписано автором и заверено в организации, в которой работает или обучается автор. В случае соавторства каждый из авторов подписывает и заверяет отдельное письмо.

Статьи принимаются по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет (ТГУ), филологический факультет, редакция журнала «Текст. Книга. Книгоиздание», Воробьевой Татьяне Леонидовне*.

Электронные версии материалов обязательно размещаются в «личном кабинете» автора на сайте журнала <http://vestnik.tsu.ru/book/>

После регистрации и прикрепления статьи авторы имеют возможность отслеживать изменение ее состояния (получение бумажного варианта, результат рецензирования и т.д.).

* По желанию автора бумажные варианты могут быть заменены сканированными PDF-файлами и представлены в редакцию в отдельной заархивированной папке посредством прикрепления на сайте параллельно с электронными вариантами материалов.

Научно-практический журнал

ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ

TEXT. BOOK. PUBLISHING

2020. № 24

Редактор Н.А. Афанасьева
Редактор-переводчик В.В. Кашпур
Оригинал-макет А.И. Лелюю

Подписано в печать 15.12.2020 г. Формат 60×84^{1/16}.

Печ. л. 12,7; усл. печ. л. 11,8.

Тираж 50 экз. Заказ № . Цена свободная

Дата выхода в свет 18 декабря 2020 г.

Журнал отпечатан на оборудовании
Издательства Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru